ИЗДАТЕЛЬ И УЧРЕДИТЕЛЬ
НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ДЕЛОВОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В СФЕРЕ БИЗНЕСА

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

ВОПРОСЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Выпуск 2 (50)

Москва

2023

ВОПРОСЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Образовательный журнал
2023
Выпуск 2 (50)
Основан в 2007 году
Выходит 4 раза в год

Издатель и учредитель:
«Некоммерческое партнерство «Национальное Объединение Преподавателей Иностранных Языков Делового и Профессионального Общения в сфере бизнеса», созданное при поддержке РУДН
Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Малюга Е.Н., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (ответственный редактор, Москва, РУДН),
Бауэр Карин, доктор, профессор (Канада, университет Макгилла),
Битти Кен, доктор, профессор (США, Университет Анахайм)
Доллеруп Кай, доктор, профессор (Дания, Копенгагенский ун-т),
Клюканов И.Э., доктор филологических наук, профессор (США, Восточно-Вашингтонский университет)
Круглов Алекс, доктор филологических наук, профессор (Великобритания, Университетский колледж Лондона),
О'Дауд Роберт, доктор, профессор (Испания, Леонский университет),
Томалин Барри, профессор (Великобритания, Лондонская дипломатическая академия),
Ханзен Фолькмар, доктор, профессор (Германия, ун-т Дюссельдорфа),
Александрова О.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Волкова З.Н., доктор филологических наук, профессор (Москва, УРАО),
Дмитренко Т.А., академик МАНПО, доктор педагогических наук, профессор (Москва, МПГУ),
Лебедева И.С., кандидат филологических наук, доцент (Москва, МГЛУ),
Михеева Н.Ф., академик МАН ВШ, доктор филологических наук, профессор (Москва, РУДН),
Назарова Т.Б., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Пономаренко Е.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО (Университет) МИД России)
Радченко О.А., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГЛУ),
Харьковская А.А., кандидат филологических наук, профессор (Самара, СамГУ),
Храмченко Д.С., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО (Университет) МИД России),
Шевлякова Д.А., доктор культурологии, профессор (Москва, МГУ).

Материалы посвящены актуальным проблемам преподавания иностранного языка делового общения, современным тенденциям профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам, использованию новых информационных технологий в учебном процессе, стратегиям обучения переводу в неязыковом ВУЗе, актуальным проблемам современной лингвистики. Тексты материалов печатаются в авторской редакции. Журнал индексируется ВАК, РИНЦ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals, Crossref, EBSCO.
Некоммерческое партнерство НОПДиПО создано при поддержке РУДН.

2306-1286 (Print)
2541-7614 (Online)

© Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Издательство, 2023
© Коллектив авторов, 2023

PUBLISHER AND FOUNDER
THE BUSINESS AND VOCATIONAL FOREIGN LANGUAGES TEACHERS NATIONAL ASSOCIATION

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

ISSUES OF APPLIED LINGUISTICS

Issue 2 (50)

Moscow

2023

ISSUES OF APPLIED LINGUISTICS

Educational Journal
2023
Issue 2 (50)
Established in 2007
4 times a year

Publisher and founder:
Non-profit organization "The Business and Vocational Foreign Languages Teachers National Association" created with the support of RUDN University
Address: 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya, 6

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Malyuga E.N., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof. (Editor-in-chief. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia),
Bauer Karin PhD Prof. (Canada, University McGill),
Beatty Ken Prof. Dr. (USA, Anaheim University)
Dollerup Cay PhD Prof. (Denmark, University of Copenhagen),
Klyukanov Igor Prof. (USA, Eastern Washington University),
Krouglov Alex, Prof. Dr. (Great Britain, University College London),
O'Dowd Robert Prof. Dr. (Spain, University of León)
Tomalin Barry Prof. (Great Britain, London Academy of Diplomacy),
Hansen Volkmar Prof. Dr. (Germany, University of Duesseldorf),
Alexandrova O.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State University),
Volkova Z.N., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, University of Russian Academy of Education),
Dmitrenko T.A., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of Pedagogy, Prof. (Moscow, Moscow State Pedagogical University),
Lebedeva I.S., Cand. of Sc. (Philology), Assoc. Prof. (Moscow State Linguistic University)
Mikheeva N.F., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Peoples' Friendship University of Russia),
Nazarova T.B., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State University),
Ponomarenko E.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof. (Moscow, MGIMO University),
Radchenko O.A., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State Linguistic University),
Kharkovskaya A.A., Cand. of Sc. (Philology), Prof. (Samara, Samara State University),
Khramchenko D.S., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, MGIMO University),
Shevlyakova D.A., Dr., Prof. (Moscow, Moscow State University).

The Journal is indexed by Higher Attestation Commission, Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich's Periodicals, Crossref, EBSCO.
The non-profit partnership BVFLTNA was created with the support of Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba.

2306-1286 (Print)
2541-7614 (Online)

© Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Publishing house, 2023
© Authors, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

ДЕГТЯРЕВА Е. А. 7
Инверсия в англоязычном юридическом тексте

АКОПОВА А.С. 28
Формирование эвфемизмов в английском языке: тематическая классификация и статистический анализ

БЕЗРУКОВ В.А., ШАЧКОВА И.Ю. 52
Манипуляции с предметами в измененном состоянии сознания и их номинация в авторских ремарках (на материале английского языка)

САЛЬКОВА М. А. 74
Динамика пунктуационной нормы в интернет-коммуникации: функционирование отделяющей точки

СТЕПАНОВ М.С., ПАЛЬВАНОВА Е. М. 107
Семиотическая адекватность поэтического перевода: к определению понятий

СМУРОВА О. В. 130
Когнитивно-дискурсивные особенности условных высказываний

CONTENTS

Scientific articles

DEGTYARYOVA E.A. 7
Inversion in the English legal text

AKOPOVA A.S. 28
Euphemism construction in English: thematic classification and statistical analysis

BEZRUKOV V.A., SHACHKOVA I.YU. 52
Manipulations with objects in an altered state of consciousness and their nomination in stage remarks (on the material of the English language)

SALKOVA M. A. 74
Dynamism of punctuation norm in internet communication: functioning of period

STEPANOV M.S., PALVANOVA E. M. 107
Semiotic adequacy of poetic translation: definition of concepts

SMUROVA O. V. 130
Cognitive-discursive features of conditional utterances

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 811
https://doi.org/10.25076/vpl.50.01
Е.А. Дегтярева
Московский государственный юридический университет имени О.Е.Кутафина

ИНВЕРСИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения использования инверсии в англоязычных юридических текстах. Цель настоящего исследования – определить особенности функционирования инверсии в англоязычных юридических текстах научно-учебных и административного подстилей. Основное внимание уделено инверсии подлежащего как самому характерному виду инверсии в юридических текстах. В работе проанализировано около 200 случаев использования инверсии подлежащего, из которых 140 являются примерами конструкции с вводящим there. Источниками исследования были тексты, относящиеся к научно-учебному подстилю (монографии, учебники по разным отраслям права), а также к административному подстилю (договоры). Для каждого из подстилей были выделены типичные виды инверсии. Рассмотрены способы размещения членов предложения в предложениях с инвертированным порядком слов. Выявлено, что в англоязычных юридических текстах научно-учебного стиля в функции интенсификации типичными являются случаи инверсии с использованием уточняющих и усилительных слов only или not only. В связующей функции характерна инверсия с использованием конструкции neither/nor. Установлено, что наибольшее количество

© Дегтярева Е. А. 2023
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

примеров инверсии в юридическом тексте научно-учебного стиля составляют предложения с вводящим there. В текстах административного подстиля самыми распространенными инвертированными конструкциями являются бессоюзные условные предложения с инверсией подлежащего. В результате исследования выявлено, что инверсия в англоязычном юридическом тексте служит выделению слов, несущих наибольшую смысловую нагрузку в предложении, установлению тесной связи предложения с предшествующим, а также интенсификации. При переводе выделенных инвертированных предложений на русский язык используется перестановка и/или прием добавлений.

Ключевые слова: инверсия, грамматическая функция, функция интенсификации (эмфаза), связующая функция, тема-рема

UDC 811
https://doi.org/10.25076/vpl.50.01
E.A. Degtyaryova
Kutafin Moscow State Law University

INVERSION IN THE ENGLISH LEGAL TEXT

The relevance of this study is due to the need of looking into the use of inversion in the English legal texts. The aim of the given research is to find out the peculiarities of inversion in English legal texts of scientific and educational sub-style as well as administrative sub-style. The study is centered on cases of inversion of subject as they are the most common types of inversion in English legal texts. The present article analyzes 200 cases of inversion 140 of which are grammatical constructions with introducing 'there'. The sources of research include texts belonging to scientific and educational sub-style (monographs, text-books on different areas of law) as well as to administrative sub-style (contract). The article identifies types of inversion characteristic of each sub-style and presents ways of placing words in sentences with inverted word-order. In the intensification function typical are cases of inversion with intensifying and limiting words only or not only. In the connecting function inversion is used with neither/nor construction. The most common examples of constructions with inverted word order are sentences with introducing there. Asyndetic conditional sentences with inversion are typical of the

administrative sub-style. As a result of the research, it is proved that inversion in an English legal text serves for the accentuation of words carrying the message of the sentence, intensification and the establishment of connection between sentences. When translating inverted sentences, it is recommended to use additions and rearrangement of words.

Keywords: inversion, grammar function, intensifying function (emphasis), connecting function, theme-rheme

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью рассмотрения проблемы инверсии в англоязычных юридических текстах, которые дают чрезвычайно интересные примеры этого средства структурно-смысловой акцентуации. С одной стороны, отечественные языковеды отмечают, что «в современном английском языке инверсия встречается во всех функциональных стилях и во всех типах речи» (Никитина, 2016, с. 100). С другой стороны, признавая «вездесущность» инверсии, лингвисты, по нащим наблюдениям, все же предпочитают изучать ее на материале текстов художественной литературы, и не так часто этот прием привлекает их внимание в других жанрах или видах дискурса.

Аналогичная ситуация наблюдается в зарубежной лингвистике. Например, различные виды инверсии – locative inversion, directional inversion, quotative inversion, presentational ‘there’ – обычно рассматриваются на материале текстов художественной литературы, и именно они в основном находятся в центре внимания ученых (Astrid De Wit, 2015). Правда, можно сослаться на ряд интересных исследований инверсии в научной прозе (Prado-Alonso, 2019; Prado-Alonso, 2014), однако в целом это не меняет общей картины: художественные тексты гораздо больше изучены с точки зрения использования инверсии, чем, например, институциональные.

В современной зарубежной научной литературе популярна характеристика инверсии как non-canonical word-order phenomena (Assaiqeli, Maniam & Farrah 2021; Prado-Alonso, 2019 и др.), что само по себе противопоставляет это явление стандартной, предписываемой общими правилами организации высказывания в английском языке, а нестандартные языковые структуры, по

понятным причинам, всегда привлекают и дают языковедам пищу для размышлений.

Цель настоящего исследования – определить особенности функционирования инверсии в англоязычных юридических текстах научно-учебных и административного подстилей. Обращение к проблеме инверсии в англоязычных юридических текстах связано также с трудностями, возникающими при переводе инвертированных предложений.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- выделить типы инверсии в англоязычных юридических текстах;
- определить функции инверсии в англоязычных текстах юридической тематики;
- рассмотреть способы перевода предложений с инвертированным порядком слов с английского языка на русский.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили публикации научно-учебного характера на английском языке по различным отраслям права: Walsh D.J. Employment Law for Human Resources Practice. – South-Western Cengage Learning, 2019; Emerson R.W. Business Law. - Barron's business review series, 2015; James M. Sports Law. – Palgrave Macmillan, 2010.

Для сравнения был проанализирован источник, относящийся к административному подстилю (договор): Английский язык для юристов. Предпринимательское право. Перевод контрактов: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция»/ А.А. Лебедева. – М.: ЮНИТИ, 2014; Английское контрактное право/ Санников Н.Г. - Р. Валент, 2010.

Одно из положений статьи иллюстрируется примером из художественного произведения, связанного с правовой тематикой: Grisham J. The Client. Pearson, 2008.

Для проведения анализа использовались следующие методы исследования: метод сплошной выборки, дефиниционный анализ, контекстуальный анализ выделенных инвертированных предложений, статистическая обработка данных.

Решение поставленных задач стало возможным благодаря теоретической базе, представленной публикациями, в которых рассматриваются вопросы:

- дефиниции и общей характеристики инверсии (Арнольд, 2002; Алпатов, 2002; Федотова, 2008; Бархатова, 2010; Давыдова, 2011; Кочетова, 2014; Qomariana, 2020; Assaiqeli, Maniam & Farrah 2021);
- способов размещения слов в инвертированных предложениях (Гальперин, 1958; Prado-Alonso, 2014);
- актуального членения предложения в переводе (Рыбин, 2021; Сафина, 2018; Седельникова, 2009);
- инверсии в предложениях с экзистенциальным значением (Петренко, 2019; Бухвалова, 2011; Цуцаева, 2017; Jespersen, 1992; Kay, Michaelis, 2017);
- стилистической инверсии (Никитина, 2016);
- грамматической функции инверсии (Тавасиева, 2002).

Практическая значимость исследования заключается в том, что настоящий материал можно использовать в юридических вузах в процессе преподавания дисциплин «Английский язык в сфере юриспруденции» и «Перевод в сфере юриспруденции». Данные исследования могут также использоваться при создании учебных пособий для практического курса английского юридического языка и курса профессионально-ориентированного перевода.

Обсуждение и результаты исследования

Согласно И.В. Арнольд, «нарушение обычного порядка следования членов предложения, в результате которого какой-нибудь элемент оказывается выделенным и получает специальные коннотации эмоциональности или экспрессивности, называется инверсией» (Арнольд, 2002, с. 114). Аналогичным образом понимают инверсию и ряд других лингвистов, которые также подчеркивают, что в основе этого приема лежит любая трансформация прямого порядка размещения членов предложения, в результате чего желаемый аспект акцентируется и «получает специфические эмоционально-экспрессивные коннотации» (Кочетова, 2014, с. 246).

Существует и другой вариант трактовки инверсии, который близок автору данной статьи; согласно этому варианту, инверсия сводится к изменению расположения только ядерных членов предложения, то есть сказуемое или его часть выдвигается в

позицию перед подлежащим (Федотова, 2008, с. 146; Давыдова, 2011, с. 88 и др.). Мы разделяем мнение, что под инверсией следует понимать изменения последовательности подлежащего и сказуемого, поскольку «в английской грамматике порядок слов формирует, прежде всего, подлежащно-сказуемную структуру» (Бархатова, 2010, с. 486).

Таким образом, в научной литературе термин «инверсия» получает двойную трактовку:

1) в широком понимании: любое отклонение порядка членов предложения от типовой, наиболее распространенной, модели (Алпатов, 2002; Арнольд, 2002 и др.);
2) в узком понимании: такое отклонение от порядка членов предложения, которое не связано с изменением синтаксических связей и актуального членения предложения (ibid.).

В целях нашего исследования особый интерес представляет второй из названных типов инверсии (то есть в узком понимании).

Известно, что для языков аналитического строя – английского, французского и других – порядок слов в общем случае (не касаясь особых прагма-стилистических задач говорящего/пищущего) имеет фиксированный характер. Данное свойство играет особую роль как в оформлении выражаемой мысли, так в форматировании структурных отношений компонентов высказывания: место члена предложения отражает его синтаксическую функцию, и таким путем, наряду с развитой системой служебных слов, актуализируется его структурное взаимодействие с другими членами предложения. Для утвердительного предложения характерен прямой порядок слов (подлежащее-сказуемое-дополнение и т.д.), в то время как в вопросительном предложении имеет место инверсия подлежащего и использование вспомогательных глаголов.

Однако в настоящее время в некоторых аналитических языках (например, в разговорном французском) все более заметной становится тенденция к отказу от грамматической инверсии как нормы в вопросительных предложениях и замене ее прямым порядком слов (Тавасиева, 2002). Эта тенденция наблюдается, и в современном разговорном английском языке. Проиллюстрировать данную тенденцию можно с помощью вопросительных

предложений с прямым порядком слов, взятых из романа Дж. Гришэма “The Client”: “You think he’s dead?”- «Ты думаешь, что он мертв?», “The body is in the woods?” – «Тело в лесу?», “You want the gun?” – «Тебе нужно оружие?» *[Здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Е.Д.]*.

В задачи данной статьи входит не столько анализ инверсии как таковой, сколько изучение этого языкового средства как компонента именно юридического дискурса. В этом плане мы считаем, что приведенные дефиниции инверсии в узком смысле слова актуальны для юридических текстов, так как для них в основном характерна инверсия подлежащего. Инверсия второстепенных членов предложения используется для создания экспрессии и более присуща художественному и разговорному стилям.

В нашей работе рассмотрим особенности функционирования инверсии в юридических текстах и способы перевода предложений с инвертированным порядком слов с английского языка на русский. В целях исследования были проанализированы около 200 примеров использования инверсии в повествовательных предложениях, из которых 140 - с вводящим *there.*

Инверсия в английском языке может иметь различные способы размещения членов предложения. И.Р. Гальперин выделил шесть таких способов:

1) дополнение ставится в начале предложения,

2) определение следует после определяемого,

3) именная часть сказуемого стоит перед подлежащим,

4) именная часть сказуемого стоит перед связкой, и оба они – перед подлежащим,

5) обстоятельство стоит перед подлежащим,

6) обстоятельство и сказуемое стоят перед подлежащим (Гальперин, 1958, с. 186).

При этом, независимо от типа инверсии, для нас крайне важным свойством является ее функционально-прагматическая значимость в высказывании и, в целом, в тексте: *[Inversion] is a word arrangement in which importance of information is the basis of the word order* (Adnyana & Qomariana, 2020, p. 379). Цитируемые авторы дополняют эту исходную установку пояснением о том, что в предложениях с инвертированным порядком слов *... a salient*

information is placed in front of the sentence, a verb follows after, and a subject ends the sentence (ibid.).

В аутентичных источниках, послуживших материалом для исследования, представлены следующие способы структурирования предложений с инверсией:

- часть сказуемого стоит перед подлежащим:

Only where the defendant intended to cause, or was reckless as to causing serious injury ***would*** *a conviction* ***be appropriate****. – Вынесение обвинительного приговора является надлежащим только тогда, когда ответчик намеревается нанести серьёзные повреждения или наносит их по неосторожности.*

- все части составного сказуемого стоят перед подлежащим:

To this requirement of consent ***is*** *sometimes* ***added*** *the phrase "which consent shall not unreasonably be withheld"- К данному требованию согласия иногда добавляется фраза «в таком согласии не может быть необоснованно отказано».*

- перед подлежащим стоит глагол do/does/did для усиления значения действия, выраженного смысловым глаголом:

Only after the development of commerce ***did*** *people* ***need*** *commercial papers. – Только с развитием торговли у людей действительно появилась потребность в коммерческих бумагах.*

- наречие *here* стоит перед сказуемым, за которым следует подлежащее, выраженное существительным:

Here are *some specific contract law resolutions under CISG that differ from domestic American law. – Вот некоторые конкретные резолюции по договорному праву согласно КМКПТ [Конвенции по международным условиям купли-продажи товаров], которые отличаются от внутригосударственного американского права.*

- слово *as* стоит в начале сравнительного оборота:

As was the case *with the relationship between domestic and national sports law, the interactions between and overlap of global, international and European sports law only came to light with the increased internationalization and commercialization of sport. – Как и в случае с взаимоотношением между местным и национальным спортивным правом, вопросы взаимодействия и параллелизма глобального, международного и европейского спортивного права возникли только с ростом интернационализации и коммерциализации спорта.*

- обстоятельство располагается перед сказуемым и подлежащим:

At the bottom rung are *94 US* ***district courts****, which are trial courts. – На нижнем уровне находятся 94 районных суда, которые являются судами первой инстанции.*

- слово *so* находится перед сказуемым и подлежащим:

In the same way that National governing bodies (NGBs) operate their own internal quasilegal systems, ***so do*** *the international sports federations (ISTs). – Международные спортивные организации регулируют деятельность своих внутренних квазиправовых систем таким же образом, как и Национальные спортивные федерации.*

В отличие от других случаев инверсии, данное инвертированное предложение нельзя заменить предложением с каноническим порядком слов без нарушения правил грамматики. Согласно проведенным исследованиям, инверсия обязательна, когда *so* используется в значении *also* (Culicover & Wikler, 2008, p.650).

Рассмотрим еще один пример инверсии после *so*:

In the same way that the basic structure of an NGB [National governing body] is mirrored in the world stage by that of international sports federation (IST), ***so is*** *the development of domestic sports law mirrored in the transnational arena by the emergence of a global sports law. – Таким же образом, как основная структура Национальной спортивной федерации находит отражение на мировой арене в структуре международной спортивной федерации, таким же образом с возникновением международного спортивного права развитие внутригосударственного спортивного права находит отражение на мировой арене.*

В подобных случаях наблюдается своего рода функциональный сдвиг в тема-рематическом членении предложения: «Английскому языку свойственны строгие синтаксические связи и, в случае изменения порядка слов, это воспринимается как выразительное средство. Так, выделение, а именно постановка предикатива, обстоятельства и дополнения перед подлежащим, придает данным членам предложения рематическое значение» (Сафина, 2018, с. 124). Таким образом, приведенный пример служит наглядной демонстрацией того, как благодаря инверсии в английском высказывании структурное смещение названных выше членов предложения способствует функциональному выдвижению

предикатива в позицию рематического компонента, то есть фокуса внимания реципиента. При переводе данного предложения на русский язык использование приема инверсии нецелесообразно с точки зрения стилистики, что является результатом различного строения тема-рематических отношений в английском и русском языках.

Анализ выявленных случаев инверсии (без учета предложений с вводящим *there*) в указанных источниках показал, что из приведенных выше примеров характерными являются лишь предложения, начинающиеся со слова *only (not only)*, на которые приходится 40 процентов от общего количества инвертированных предложений.

Рассмотрим наиболее типичные случаи инверсии подлежащего в англоязычных научно-учебных текстах правовой тематики.

Одним из типов инверсии является постановка ремы перед темой для выделения смыслового центра высказывания – ремы. «Позиционный способ выражения ремы и темы является одним из основных в английском языке» (Седельникова, 2009, с. 9). Исследователи считают, что самой распространенной конструкцией с экзистенциальным значением, используемой с целью выделения темы и ремы в научно-учебном подстиле, являются предложения с вводящим *there* (Бухвалова, 2011, с. 36). В зарубежной лингвистике для данных конструкций используется термин *existential sentence – предложение с экзистенциальным значением*, введенный О. Есперсеном (Jespersen, 1992, p. 155). Носителем ремы в данной конструкции является постпозиционное подлежащее, а носителем темы – обстоятельство. Инверсия в этом случае используется для обозначения факта, присутствия или отсутствия какого-либо предмета (предметов) или лица (лиц) в данном месте, в данное время в определенных обстоятельствах.

Основная цель употребления оборота с вводящим *there* – не эмфаза, а сигнализация о подлежащем как о смысловом центре сообщения (Петренко, 2019, с. 66). Отмечается многозначность и стилистическая нейтральность конструкции с вводящим *there* (Цуцаева, 2017, с. 441). Данные свойства объясняют высокую частотность употребления оборота с вводящим *there* в научно-учебном тексте. Научно-учебный текст характеризуется высокой плотностью информации, и применение указанной конструкции

способствует повышению его информативности. Рамки использования данной конструкции в таком тексте шире, чем указание на наличие или отсутствие чего-либо или кого-либо в определенном месте. В частности, в рассматриваемых источниках нередко встречаются предложения с указанием количества, например: *There are four main types of leaseholds … . - Существуют четыре основных вида аренды … .*

Нередко с помощью данной конструкции дается характеристика чего-либо, сообщаются отличительные свойства предмета или лица: *However law is defined, there is a close, although imprecise, relationship between morality and any rule that society will enforce. – Каким бы ни было определение права, существует тесная, хотя и непрямая связь между моралью и любой правовой формой, применяемой в обществе.*

Использование в данной конструкции модальных глаголов долженствования является средством выражения императивности высказывания: *If there is to be a change in venue, it usually must be requested at the offset of the case. – Если необходимо сменить место слушания дела, запрос обычно должен быть сделан до начала рассмотрения дела.*

Употребление модального глагола *may* в конструкциях с вводящим *there* позволяет выразить возможность*: However, there still may be problems with venue … . – Однако все же могут возникнуть проблемы с выбором места рассмотрения дела … .*

Таким образом, экзистенциальную инверсию можно отнести к конструкциям, в которых грамматическая форма сочетается с прагматикой дискурса (Kay & Michaelis, 2017, p. 213).

Приведенные выше рассуждения приобретают весомое значение в контексте переводческих аспектов явления инверсии, поскольку, как было отмечено выше, тема-рематическое членение высказываний, то есть выделение «данного» и «нового», на что направлен фокус внимания, в английском и русском языках далеко не всегда совпадает.

Так, при переводе на русский язык конструкций с обстоятельственным оборотом *there + be,* а также предложений, содержащих такие лексические маркеры как *only, not only, neither, nor*, используется перестановка и/или прием добавлений (Рыбин, 2021, с. 22). В указанных выше примерах предложения начинаются

с вводящим *there*, за которым следует имя существительное с относящимися к нему словами и затем обстоятельство места или времени. В русском языке в подобных случаях предложение обычно начинается с обстоятельства места или времени, поскольку в русском языке рема, как правило, находится в конце предложения:

There are two main court systems in the United States, the federal and various state systems. – В Соединенных Штатах существуют два основных вида судебных систем: федеральная система и различные системы судов штатов.

Одной из основных функций инверсии подлежащего в юридическом тексте научно-учебного подстиля является интенсификация (эмфаза).

Для усиления значения одного из членов предложения данный член предложения выносится в начало инвертированного предложения: *More important however is its ability to improve a degree of harmonization on decision-making procedure of ISTs … . - Однако более важным является его способность повысить степень унификации процедуры принятия решений Международными спортивными федерациями* … . Цель инверсии в следующем предложении – подчеркнуть важность роли организации в управлении спортом: *Of particular note has been DCMS' [Department for Culture, Media and Sports] role in the development of policies and procedures that have increased safety and improved specific spheres of sports governance.* - Особо необходимо отметить роль Департамента культуры, медиа и спорта в развитии эв разработке правил и регламента, которые способствовали повышению безопасности и совершенствованию определенных сферах управления спортом.

Для эмфатических предложений с использованием инверсии характерно наличие отрицательных наречий, местоимений и частиц. Например: *On none of these occasions did the company complete a criminal background check on employees. – Ни в одном из этих случаев компания не провела проверку криминального прошлого сотрудников.* Данное предложение можно легко трансформировать в предложение с прямым порядком слов: *The company did not complete a criminal background check on employees.* Однако в таком случае теряется дополнительная коммуникативная нагрузка предложения, цель которого - подчеркнуть полное отсутствие действий компании в данном направлении.

Типичными здесь являются случаи инверсии с использованием уточняющих, усилительных и ограничительных слов *only* или *not only*. Например*: Generally,* ***only*** *after the summations does he/she instruct the jury concerning the law that is applicable to the case and the various verdicts that the jury may render. – Обычно только после своей заключительной речи судья дает указания присяжным относительно закона, применимого к данному делу и вариантов вердиктов, которые присяжные могут вынести.* Передать заложенный смысл можно в предложении с прямым порядком слов: *Generally, after the summations he/she instructs the jury concerning the law that is applicable to the case and the various verdicts that the jury may render.* Целью использования инвертированного порядка слов является придание дополнительной семантической нагрузки отдельной группе слов в предложении. В данном примере использование инверсии помогает поставить акцент на времени совершения действия.

В следующем примере инверсия позволяет сделать акцент на условии, при котором возможно совершение действия: ***Only*** *if the total collective, the society will enforce such rules can they have any meaning, or serve any purpose in the regulation of conduct. – Правила только тогда будут иметь значение или служить цели в регулировании поведения, когда их будет соблюдать все общество в целом.* Отрицательная конструкция ***not only*** с инвертированным порядком слов нередко используется в юридических текстах, и это естественно, так как данная конструкция характерна в основном для официальной письменной речи**:** ***Not only*** *was prize-fighting illegal, so was the training of fighters to compete in prize fights (Hunt v Bell (1822) 1 Bingham 1) and the organization of prize-fighting contests … . – Незаконными были не только профессиональный бокс, но и подготовка* боксеров *для участия в призовых поединках (дело Ханта против Белла (1822) 1 Бингхем 1) и организация боксерских соревнований на приз … .*

Инверсия в исследуемых примерах также имеет связующую функцию. Она подчеркивает связь между членами предложения, а также связь между предложениями. Инверсия в предложении с использованием ***neither/nor*** позволяет подчеркнуть сходство:

Neither *the District Court* ***nor*** *the parties have explicitly defined the key phrase "minimum qualifications necessary". – Ни Окружной суд,*

ни стороны по делу не дали четкого определения ключевой фразы «необходимая минимальная квалификация».

Инверсия в предложениях, начинающихся с ***nor*,** помогает установить тесную связь данного предложения с предшествующим:

Of course, this protection against discrimination applies only to citizens and legal immigrants. It does not conflict with the requirement that employers screen out undocumented workers. ***Nor*** *does this requirement prohibit employers from preferring US citizens for employment when two individuals are equally qualified. - Конечно, данный вид защиты от дискриминации применяется только в отношении граждан и легальных иммигрантов. Это не противоречит требованию о том, что работодатели имеют право не нанимать нелегальных работников. Данное требование также не запрещает работодателю отдавать предпочтение гражданам США, если два кандидата имеют одинаковую квалификацию.*

Таким образом, использование инверсии с помощью ***nor*** подчеркивает, что предшествующее высказывание также относится и к следующему за ним. Иногда сходство предшествующего высказывания с помощью инверсии подчеркивается не в одном последующим предложении, а в двух и более:

We do not hold that gender constitutes a BFOQ for corrections officers in female prisons outside of Michigan. ***Nor*** *do we hold that gender constitutes a BFOQ for positions in Michigan's female prisons beyond the approximately 250 positions we have discussed.* ***Nor*** *do we have occasion to address whether the male gender can ever be a BFOQ for a corrections officer position at a male prison. – Мы не считаем, что половая принадлежность является требованием честного профессионального отбора для сотрудников женских исправительных учреждений за пределами штата Мичиган. Мы также не считаем, что половая принадлежность является требованием честного профессионального отбора для должностей в женских тюрьмах штата Мичиган помимо приблизительно 250 должностей, которые мы обсуждали. Не было у нас также возможности обсудить, может ли когда-либо принадлежность к мужскому полу быть требованием честного профессионального отбора для сотрудников мужских исправительных учреждений.*

Таким образом, сочинительный союз *nor* связывает фрагменты в единое целое. Частотность употребления инверсии с помощью *nor* составляет около 30 процентов. На другие случаи инверсии (условные предложения; предложения, начинающиеся со слов *here, also, so*) также приходятся 30 процентов от общего числа инвертированных предложений.

В отличие от инверсии в научно-учебном подстиле в административном подстиле (договоре) самыми распространенными инвертированными конструкциями являются бессоюзные условные предложения с инверсией подлежащего. В договоре предусматриваются различные условия, необходимые для его заключения, отсюда и наличие условных предложений, в которых имеет место инверсия.

Should a net over delivery situation occur, no additional fees shall be charged to the Customer. – В случае ошибочного предоставления большего количества объявлений, Заказчику не будет предъявлено дополнительных счетов.

Should a delay in the delivery exceeds three months, the Buyer shall be entitled to cancel the Contract. – В случае, если задержка поставки превысит три месяца, Покупатель имеет право расторгнуть контракт.

Перевод данных конструкций осуществляется с использованием в придаточном предложении условия глагола в будущем времени методом перестановки компонентов, т.е. инверсия устраняется.

Инверсия также имеет место в придаточных условных предложениях с глаголом в сослагательном наклонении, в которых условие является неосуществимым:

And had the company attempted to advance a BFOQ [bona fide occupational qualification] defense based on the alleged preference of its customers for female customers, the effort would have most certainly failed. – Если бы компания выдвинула в качестве защиты принцип честного профессионального отбора, основанного на предполагаемых предпочтениях посетителей видеть в качестве барменов женщин, её попытки, скорее всего, были бы обречены на неудачу.

В данном случае перевод предложения следует начинать со слов *если бы*.

Заключение

Исходя из результатов исследования, можно сделать следующие выводы:

- в англоязычном юридическом тексте основные функции инверсии, выделяемые в художественном и разговорном видах дискурса, сохраняют свою актуальность: это такие функции, как акцентуация наиболее значимых смысловых компонентов высказывания, установление тесной связи предложения с предшествующим, а также стилистическая эмфаза;
- благодаря использованию инверсии предложение приобретает дополнительные прагматические характеристики и срабатывает механизм смыслового выдвижения – внимание концентрируется на выдвигаемом инверсией компоненте, что повышает его смысловую нагрузку в общем контексте сообщения;
- в англоязычных юридических текстах научно-учебного подстиля наиболее распространенными типами инверсии подлежащего являются: инверсия с вводящим there; инверсия с использованием усилительных и ограничительных слов only, not only; инверсия в предложениях, начинающихся с neither/nor;
- для административного подстиля (договора) наиболее распространенным типом инверсии является инверсия подлежащего в бессоюзном условном предложении;
- при переводе следует избегать смысловых потерь путем использования перестановки и/или компенсирующего приема добавлений, а также учитывать тот факт, что тема-рематическое членение высказываний в английском и русском языках зачастую не совпадает.

Литература

1. Алпатов В. М. Инверсия // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. 707 с. URL: https://bigenc.ru/b/lingvisticheskii-entsiklope-e1f77e
2. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002.
3. Бархатова М. О. Инверсии как средство убеждения в защитительных речах (на примере англоговорящих адвокатов) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 2. № 5(2). С. 458-459.

4. Бухвалова Е. Г. Особенности порядка слов в русском и английском предложениях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2 (9). 2011. С. 35-37.

5. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. Москва: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958.

6. Давыдова Н. А. Инверсия в английском дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 633. С. 88-94.

7. Кочетова В. Н. Инверсия как средство интенсификации прагматического аспекта высказывания в современном английском языке // Вестник МГУКИ. 2014. № 6 (62). С. 244-247.

8. Никитина Ю. А. Стилистическая инверсия в газетных и публицистических текстах экономической тематики // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С.100-102.

9. Петренко В. И. Инвертированные предложения с экзистенциальным значением // Вестник науки и образования. № 10(64). Часть 3. 2019. С. 65-70.

10. Рыбин П. В. Актуальное членение предложения. Подлежащее с обстоятельственным значением / Юшина Е. В., Мусатова-Цоглина А. Т., Рыбин П. В. Пособие по теории и практике перевода в сфере профессиональной коммуникации в языковой паре английский – русский. Структурные трансформации. Социально-экономическая тематика. М.: Р. Валент. 2021.

11. Сафина З. М., Авхадиева И. А. Проблема актуального членения предложения в переводе: Доклады Башкирского университета. 2018. Том 3. №1. С. 121-127.

12.Седельникова А. А. Позиционный способ выражения ремы в английском языке // Вестник Камчатского государственного технического ун-та. 2009. № 8. С. 157-162.

13.Тавасиева А. З. Инверсия подлежащего как синтаксическая фигура: на материале современной французской литературы: дис. … канд. фил. наук. Москва, 2002.

14. Теория и практика устного и письменного юридического перевода / И. Г. Федотова, Н. В. Старосельская, И. В. Резник, Г. П. Толстопятенко. Дубна: Феникс+, 2008.

15. Цуцаева Х. Д. Синтаксическая синонимия экзистенциальных конструкций английского языка/ Электронное научное издание (периодический сборник) «Лингвистика и методика преподавания

иностранных языков». № 9 (2017). С. 430-443. URL: https://ilingran.ru/library/sborniki/for_lang/2017_09/15.pdf

16. Adnyanda I., Qomariana Y. Structure of English Locative Inversion. Humanis. Vol. 24 No 4. 2020. Pp. 379-385. https://doi.org/10.24843/JH.2020

17. Assaiqeli A., Maniam M., Farrah M. Inversion and word order in English:A functional perspective // Studies in English Language and Education. 2021. Vol. 8(2). Pp. 523-545. https://doi.org/10.24815/siele.v8i2.20217

18. Culicover P. W., Wikler S. English Focus Inversion in English // Journal of Linguistics. 2008. Vol. 44. Pp. 625–658. 625–658 https://www.academia.edu/65554490/English_focus_inversion

19. Jespersen O. The Philosophy of Grammar. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1992. http://ctlf.ens-lyon.fr/volumes/5317_eng_Jespersen_01_1924.pdf

20. Kay P., Michaelis L. Partial Inversion in English // Proceedings of the 24th International Conference on Head-Driven Phrase Structure Grammar / Muller, Stefan (Ed.). University of Kentucky, Lexington: 2017. https://www.researchgate.net/publication/303874961

21. Prado-Alonso C. Obligatory inversion in scientific texts // Studia Neophilologica. 2019. Vol. 91 (3). Pp. 314-335. DOI: 10.1080/00393274.2019.1652112

22. Prado-Alonso C. Verb Phrase Inversion in Fictional and Non-Fictional Written English // English Studies. 2014. Vol. 95. No. 2. Pp. 177–194. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/0013838X.2013.878115

23. Wit A. D. The Relation between Aspect and Inversion in English // English Language and Linguistics. Vol. 20. Issue 1, 2016. Pp. 107 – 128. https://doi.org/10.1017/S1360674315000301

References

Alpatov, V. M. (2002). Inversiya. In *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]*. Moscow: The Great Russian Encyclopedia. Retrieved from: https://bigenc.ru/b/lingvisticheskii-entsiklope-e1f77e (in Russian).

Arnol'd, I. V. (2002). *Stilistika. Sovremennyj anglijskij yazyk: Uchebnik dlya vuzov [Stylistics. Modern English Language: Text-book for Higher educational Institutions]*. Moscow: Flinta: Nauka (in Russian).

Barkhatova, M. O. (2010). Inversii kak sredstvo ubezhdeniya v zashchititel'nyh rechah (na primere anglogovoryashchih advokatov) [Inversion as a means of persuasion in a speech for the defense (by examples of English-speaking lawyers)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk [The Bulletin of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Science], 2* (3), 458-459. (in Russian).

Bukhvalova, Ye. G. (2011). Osobennosti poryadka slov v russkom i anglijskom predlozheniyah [Peculiarities of word order in Russian and English sentences]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2*(9), 35-37. (in Russian).

Gal'perin, I. R. (1958). Ocherki po stilistike anglijskogo yazyka [Essays in Stylistics of the English Language]. Moscow: Izd-vo lit. na inostr. yaz. [Publishing House of Books in Foreign Languages]. (in Russian).

Davydova, N.A. (2011). Inversiya v anglijskom diskurse [Inversion in English Discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [The Bulletin of Moscow State Linguistic University], 633,* 88-94. (in Russian).

Kochetova, V. N. (2014). Inversiya kak sredstvo intensifikacii pragmaticheskogo aspekta vyskazyvaniya v sovremennom anglijskom yazyke [Inversion as a Means of Intensification of Pragmatic Aspect of Speech in Modern English Language]. *Vestnik MGUKI [The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 6* (62), 244-247. (in Russian).

Nikitina, Yu. A. (2016). Stilisticheskaya inversiya v gazetnyh i publicisticheskih tekstah ekonomicheskoj tematiki [Stylistic Inversion on Newspaper and Publicist Texts on Economics]. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal [Baltic Humanitarian Journal], 5, 4* (17), 100-102. (in Russian).

Petrenko, V. I. (2019). Invertirovannye predlozheniya s ekzistencial'nym znacheniem [Inverted Sentences with Existential Meaning]. *Vestnik nauki i obrazovaniya [The Bulletin of Science and Education], 10*(64), 3, 65-70 (in Russian).

Rybin, P. V. (2021). Aktual'noe chlenenie predlozheniya. Podlezhashchee s obstoyatel'stvennym znacheniem [The Actual Division of a Sentence. Subject with Adverbial Meaning]. In

Yushina, E. V., Musatova-Tsoglina, A. T., Rybin, P. V. Posobie po teorii i praktike perevoda v sfere professional'noj kommunikacii v yazykovoj pare anglijskij – russkij. Strukturnye transformacii. Social'no-ekonomicheskaya tematika [Teaching Aid on Theory and Practice of Translation in the Sphere of Professional Communication in the English - Russian Language Pair. Structural Transformations. Social and Economic Subjects]. Moscow; R.Valent (in Russian).

Safina, Z. M., & Avkhadieva, I. A. (2018). Problema aktual'nogo chleneniya predlozheniya v perevode [The Issue of Actual Division of a Sentence in Translation]. *Doklady Bashkirskogo universiteta [Papers of Bashkir University], 3(1),* 121-127. (in Russian).

Sedel'nikova, A. A. (2009). Pozicionnyj sposob vyrazheniya remy v anglijskom yazyke [Positional Way of Expressing Rheme in the English Language]. *Vestn. Kamchatskogo gos. tekhnich. un-ta [The Bulletin of Kamchatsk State Technical University], 8*, 157-162. (in Russian).

Tavasieva, A. Z. (2002). *Inversiya podlezhashchego kak sintaksicheskaya figura: Na materiale sovremennoj francuzskoj literatury [Inversion as a Subject of Syntactic Figure: based on Modern French Literature]*. (Doctoral theis, Russia, Moscow: Lomonosov Moscow State University). (in Russian).

Fedotova, I. G., Staroselskaya, N. V., Reznik, I. V., & Tolstopyatenko, G. P. (2008). *Teoriya i praktika ustnogo i pis'mennogo yuridicheskogo perevoda [Theory and Practice of Oral and Written Legal Translation]*. Dubna: Feniks+ (in Russian).

Tsutsaeva, H. D. (2017). Sintaksicheskaya sinonimiya ekzistencial'nyh konstrukcij anglijskogo yazyka [Syntactic Synonymy of Existential Constructions of the English Language]. In *Elektronnoe nauchnoe izdanie (periodicheskij sbornik) «Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannyh yazykov» [Electronic Scientific Publication (periodic collection of articles) "Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages", 9*, 430-443. Retrieved from: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2017_09/15.pdf (in Russian).

Adnyanda, I., & Qomariana, Y. (2020). Structure of English Locative Inversion // *Humanis, 24*(4), 379-385. DOI: https://doi.org/10.24843/JH.2020

Assaiqeli, A., Maniam, M., & Farrah, M. (2021). Inversion and word order in English: A functional perspective. *Studies in English Language and Education, 8*(2), 523-545. https://doi.org/10.24815/siele.v8i2.20217

Culicover, P. W., & Wikler S. (2008). *English Focus Inversion in English. Journal of Linguistics*. Retrieved from: https://www.academia.edu/65554490/English_focus_inversion

Jespersen, O. (1992). *The Philosophy of Grammar*. Chicago and London: The University of Chicago Press. http://ctlf.ens-lyon.fr/volumes/5317_eng_Jespersen_01_1924.pdf

Kay, P., & Michaelis, L. (2017). Partial Inversion in English. In Muller, Stefan (Ed.), *Proceedings of the 24th International Conference on Head-Driven Phrase Structure Grammar*. University of Kentucky, Lexington. https://www.researchgate.net/publication/303874961

Prado-Alonso, C. (2019). Obligatory inversion in scientific texts. *Studia Neophilologica, 91(3)*, 314-335. DOI: 10.1080/00393274.2019.165211222

Prado-Alonso, C. (2014). Verb Phrase Inversion in Fictional and Non-Fictional Written English. *English Studies, 95*(2), 177–194. http://dx.doi.org/10.1080/0013838X.2013.878115

Wit, A. D. (2016). The Relation between Aspect and Inversion in English. *English Language and Linguistics, 20*(1), 107–128. https://doi.org/10.1017/S1360674315000301

УДК 811.111'373
https://doi.org/10.25076/vpl.50.02
А.С. Акопова
Южный федеральный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье исследуется корпус эвфемистической лексики английского языка с упором на его классификацию по тематическим параметрам. Исследование опирается на энциклопедический словарь эвфемизмов, который является исчерпывающим источником статистического и тематического материала. Выборка включает 7896 словарных единиц, представляющих различные области использования эвфемистического языка в речевом производстве. Тематические поля были объединены путем группировки тематически сходных лексем и выражений, что позволило выделить 17 различных тематических полей. В исследовании используется комплексный подход к классификации, анализирующий эвфемизмы на основе способа их образования. Выявленные базовые приемы включают заимствования из других языков, расширение смыслового значения, метонимию, метафору и различные словообразовательные изменения. Также были рассмотрены периферийные приемы, такие как аллюзия, эпонимия, персонификация, вульгаризмы и эпитеты. В исследовании подчеркивается значение эвфемизма как неотъемлемого компонента системы английского языка, отражающего историческое развитие и становление языка, выступающего в качестве механизма сглаживания коммуникативных актов. В работе отмечается, что эвфемизация речи может использоваться не только для построения вежливого общения, но и для осуществления манипулятивного воздействия на

© Акопова А.С., 2023
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

адресата. Качественный и количественный анализ словаря показал, что наиболее продуктивными способами формирования эвфемистической лексики являются метафорический перенос, расширение смыслового значения и различные словообразовательные изменения. Заимствование иностранных слов, аллюзия, персонофикация, эпонимия, эпитеты и вульгаризмы оказались менее продуктивными. Полученные результаты могут быть полезными для дальнейших исследований в области лингвистики, социолингвистики, прагматики, межкультурной коммуникации, обучения языку, культурологии, антропологии, манипулятивного использования языка и этики дискурса.

Ключевые слова: эвфемизм, троп, метафора, аллюзия, метонимия, аббревиатура, эпитет, языковая манипуляция

UDC 811.111'373
https://doi.org/10.25076/vpl.50.02
A.S. Akopova
South Federal University

EUPHEMISM CONSTRUCTION IN ENGLISH: THEMATIC CLASSIFICATION AND STATISTICAL ANALYSIS

This study examines the corpus of euphemistic vocabulary in the English language, focusing on its classification according to thematic parameters. The research draws upon the encyclopedic dictionary of euphemisms, which provides a comprehensive source of statistical and thematic material. The sample comprises 7896 vocabulary units, representing the diverse areas of euphemistic language use in speech production. Thematic fields were consolidated by grouping thematically similar lexemes and expressions, resulting in the specification of 17 distinct thematic fields. The study employs a comprehensive classification approach, analyzing the euphemisms based on their method of formation. The primary methods identified include borrowings from other languages, expansion of semantic meaning, metonymy, metaphor, and various word-formation changes. Peripheral methods such as allusion, eponymy, personification, vulgarisms, and epithets were also examined. The research highlights the significance of euphemism as an integral component of the English language system,

reflecting the historical development and formation of language while serving as a mechanism for smoothing communicative acts. It acknowledges that euphemization of speech can be employed not only for constructing polite communication but also for implementing manipulative effects on the addressee. The qualitative and quantitative analysis of the dictionary reveals that metaphorical transfer, expansion of semantic meaning, and various word-formation changes are the most productive ways of forming euphemistic vocabulary. Borrowing foreign words, allusion, personification, eponymy, epithets, and vulgarisms are found to be less productive. The implications of this research extend to linguistics, sociolinguistics, pragmatics, cross-cultural communication, language education, cultural studies, anthropology, manipulative language use, and discourse ethics.

Keywords: euphemism, trope, metaphor, allusion, metonymy, abbreviation, epithet, linguistic manipulation

Introduction

The process of speech production in any language is characterized by a multitude of variables that influence the direction of the conversation and the choice of linguistic tools employed. The selection of specific linguistic elements in constructing a message often reflects the intentions and attitudes of the speaker, including the manipulation of the emotional tone to conceal the true semantic content. Such linguistic phenomena form the foundation of euphemism, an essential component of English speech production.

The objective of this study is to conduct a comprehensive analysis of euphemisms, focusing on their linguocultural characteristics, manipulative potential, and formation methods. This implies defining the concept of euphemisms, exploring their functions, and outlining their main classifications; examining euphemism as a linguocultural phenomenon; analyzing euphemisms as tools of speech manipulation; identifying thematic fields as the foundation for the study; examining the primary methods of forming euphemisms within various thematic fields; and exploring peripheral methods of constructing euphemisms within different thematic fields.

The research on euphemistic vocabulary and its classification according to thematic parameters holds several implications for various fields and disciplines. These implications are outlined below.

1. Linguistics and Language Studies. The study provides valuable insights into the formation and usage of euphemisms in the English language. It enhances our understanding of the linguistic mechanisms employed to soften and mitigate potentially sensitive or taboo topics. Linguistic scholars can utilize this research to delve deeper into the intricate workings of euphemistic language and its cultural and social implications.

2. Sociolinguistics and Pragmatics. The classification of euphemisms based on thematic fields exposes the social and cultural contexts in which euphemisms are employed. It highlights the specific domains and areas of human experience where the use of euphemisms is prevalent. Sociolinguists and pragmatic researchers can use this information to explore how euphemisms reflect societal attitudes, values, and norms, and to analyze their impact on interpersonal communication.

3. Cross-Cultural Communication. The examination of borrowings from other languages and the influence of cultural contacts on the formation of euphemisms has implications for cross-cultural communication. Understanding the cultural associations and connotations of euphemisms can facilitate effective communication between individuals from different linguistic and cultural backgrounds. It helps to avoid misunderstandings and promotes intercultural sensitivity and understanding.

4. Manipulative Language Use. The research acknowledges that euphemisms can be employed as a manipulative tool in communication. By veiling certain concepts or topics, manipulators can influence the perceptions and reactions of their interlocutors. This observation has implications for critical discourse analysis, persuasion studies, and media studies, where the examination of manipulative language use is of great importance.

5. Language Education and Pedagogy. The study of euphemisms and their construction can be integrated into language education curricula. By familiarizing students with the concepts of euphemism, its various forms, and their thematic associations, educators can enhance language learners' communicative competence and cultural awareness. This knowledge enables students to navigate language use effectively in different social contexts.

6. Cultural Studies and Anthropology. Euphemisms reflect cultural attitudes, values, and social changes. The thematic classification of

euphemisms allows for a deeper understanding of cultural and social dynamics within specific domains. This research can contribute to cultural studies and anthropology by providing insights into how societies construct and negotiate meaning, taboo topics, and social norms through language.

7. Discourse Ethics. The study of euphemisms raises ethical considerations regarding language use and its impact on social interactions. It invites critical reflection on the balance between politeness, honesty, and the potential manipulation inherent in euphemistic language. Discourse ethics and philosophy can draw upon this research to explore ethical decision-making in communication and the implications of linguistic choices.

Theoretical background

Definition, functions, and classifications of euphemisms

Euphemism has become a prominent subject of study within the field of linguistics, receiving extensive attention from various disciplines. Researchers examining euphemism delve into its origins, provide precise definitions of this linguistic phenomenon, and categorize euphemisms based on different classification parameters.

Euphemism, like many language-related issues, has been subject to diverse interpretations by individual scholars. Some works perceive euphemism as a linguistic "trend" rooted in the desire for a form of speech conspiracy, aiming to veil the true meaning of certain realities and concepts (Gómez, 2009). Alternatively, others view euphemism as a trope that serves as a tool for semantic softening and smoothing (Bowers & Pleydell-Pearce, 2011).

The consideration of euphemism as a stylistic concept remains debatable. Some scholars propose classifying euphemism as a stylistic device (Halmari, 2011), while others refute this interpretation due to its direct designation of the subject (Rabab'ah & Al-Qarni, 2012).

Many researchers examining the nature of euphemism concur that it is intricately linked to the broader social phenomenon of taboo (Olimat, 2020). Consequently, euphemisms are often interpreted as lexemes or expressions with neutral tones and semantics, employed to adhere to societal prohibitions stemming from prejudices and superstitions.

Another prevalent viewpoint emphasizes the primary functional aspect of euphemisms, focusing on their role in mitigating existing or potential communicative conflicts. By minimizing conflict, euphemisms

contribute to the "camouflage" of real-world phenomena (Jing-Schmidt, 2019).

Euphemism is occasionally equated with a related linguistic phenomenon known as "cryptolalia" or secret speech, primarily observed in closed communication among specific social groups. In such cases, the meaningful content of the communication remains inaccessible to individuals outside of the group (Rittenburg et al., 2016). While euphemism shares similarities with secret speech in terms of concealing the true semantics of words, an important functional distinction lies in the accessibility of the statement's meaning to all participants in communication, as opposed to the selectivity of secret speech. In other words, euphemism and secret speech can be seen as "situationally opposed" (McCallum & McGlone, 2011).

Consequently, the heterogeneity of the components comprising the concept of euphemism leads to varying definitions that highlight different aspects, whether it be its functions, the construction of a "camouflage" effect, or the intended purpose of use.

In our view, a comprehensive definition of euphemism as a complex linguistic phenomenon should not only encompass its fundamental functions but also account for how these functions are performed and the speaker's objectives in employing euphemism within a specific communication context. Therefore, as a working definition, we propose the following: euphemism involves substituting an undesirable lexeme or expression with a neutral or positively connotated unit within a given communicative scenario, with the aim of mitigating communicative conflicts or masking unpleasant aspects of reality.

The primary purpose of using euphemisms is to manipulate the addressee's perception and reinforce a non-critical understanding by concealing or softening the true, direct content of a statement. Specific goals of employing euphemistic language include resolving communicative conflicts or discomfort and limiting the audience to whom the message's content is accessible (Danilina et al., 2019; Malyuga & Orlova, 2016).

The functions of euphemisms are diverse and can generally be categorized as follows:

1) substituting precise names of fear-inspiring real-world phenomena, as in *pass away* vs *die, recessions* vs *depression*;

2) indirect naming, as in *executive action* vs *assassination*;

3) substituting names of socially deemed indecent phenomena, as in *honk the horn* vs *blow one's nose*;

4) observing etiquette to consider the interlocutor's feelings, as in *not a great reader* vs *a poor reader*, *verbally deficient* vs *illiterate*;

5) distorting or concealing the true essence of designated real-world phenomena.

Euphemisms as a tool for speech manipulation

Numerous studies examining the features and nature of euphemisms indicate that euphemistic language use serves not only to construct polite communication but also to exert manipulative influence on the message recipient. Manipulation, as a multifaceted phenomenon encompassing various aspects of human life, has been extensively described within multiple scientific disciplines, including philosophy, psychology, sociology, political science, and linguistics. In linguistic research, manipulative influence is carefully analyzed as a practice embodied through the use of language tools.

The term "manipulation" often connotes hidden influence, with the two concepts considered synonymous. In this understanding, manipulation is interpreted as a means of exerting psychological influence, aimed at subtly intruding into the listener's psyche, introducing attitudes, intentions, goals, or evaluations that contradict the listener's initial beliefs (Dubrovskaya & Yuskaeva, 2022; Akopova, 2016).

Effective manipulation relies on the construction of a "false reality", which conceals and masks the manipulative intent as much as possible (Filyasova, 2022; Grishechko, 2011). This artificial, "parallel" reality maximizes the importance of certain aspects while minimizing others, thereby shaping the perception and evaluation of real-world phenomena in accordance with the speaker's manipulative intentions.

The essence of manipulation lies in deliberately constructing an incorrect and distorted informational framework within a communicative scenario, involving the concealment of facts, modification of knowledge, and rearrangement of priorities (Antipova et al., 2021). The manipulative effect is based on the association of explicit content, creating a kind of "formal armor" that diverts the listener's attention from taboo subjects while conveying additional semantics in the subtext (Malyuga & Grishechko, 2021; Agapova & Grishechko, 2016).

Importantly, the smoothing effect of euphemisms is not always achieved through associative correlation with a positive object or reality; additional mechanisms are employed by manipulators. Euphemistic language devices encompass phonetic distortion, abbreviations, acronyms, and paraphrasing through expanding the elements of a statement. These methods of constructing euphemisms bring about slight modifications to the tabooed unit, indicating a substitutive effect rather than a purely associative one.

The functioning characteristics of euphemisms in speech, focused on implementing and maintaining manipulative influence, have prompted scholars to describe their role as a "buffer" or "intermediate link" between a linguistic unit with an undesirable connotation and the consciousness, mental processes, and volitional activities of recipients within the communication context (Petrosyan & Grishechko, 2019).

The most significant and profound manipulative impact is often associated with political euphemisms, which, in the current global political landscape, have gained independent recognition. Political euphemisms are defined as linguistic devices embedded in political discourse aimed at the mass audience, intended to mitigate negative associations by providing inaccurate and distorted representations of the true meaning of the described real-world phenomena (Grishechko & Akopova, 2016).

However, some researchers argue that deliberate distortion of the statement's true meaning undermines the euphemistic nature of camouflage within political discourse. Such situations arise when the euphemism loses its connection to the object it nominally represents, thus stripping it of its status as a euphemism (for example, using *tension* instead of *uprising*, *undernourishment* instead of *starvation*) (Terry, 2020).

Nevertheless, the effectiveness of euphemistic speech as a tool for manipulative influence is widely recognized and supported by several evidential arguments:

1) euphemisms mask the true denotation by creating a neutral or positive connotation through associative concepts, thus serving as a "buffer" that relies on the notion that the higher the indirect method of influencing the addressee, the more successful the exchange of information;

2) the abundance of information in modern society hinders message navigation and adequate assessment, leading to a less critical perception by the addressee;

3) the mechanism of effective euphemization relies on the process of "recognizing" the hidden meaning, which can be challenging for individuals with low levels of communicative competence or due to extralinguistic factors such as limited time resources, inadequate education levels, or a lack of necessary background knowledge.

Mechanisms of implementing euphemistic manipulative influence and their effectiveness

Manipulative influence through euphemistic speech occurs in English at the phonetic, morphological, and lexical levels, allowing for varying degrees of impact effectiveness.

Euphemistic substitution at the phonetic level also serves manipulative intentions. Through sound analogy, the form of a taboo lexeme is modified to divert the addressee's attention from an undesirable, forbidden, or unacceptable object of reality. Such denotations typically involve swear words or obscenities that are transformed, while the recipient still understands the intended meaning even if these explicit words are not verbalized. The manipulative potential in this case is limited primarily due to the specific domain of application, often associated with informal language and relevant topics for discussion. Additionally, the replaced word remains transparent to all participants in the communication. However, in certain cases, sound analogy proves to be the most suitable mechanism for effective manipulation and enables impactful influence on the interlocutor.

At the morphological level, three primary methods of euphemization contribute to manipulative impact on the interlocutor.

1. Negative prefix. This method involves adding a negative prefix to a noun (adjective, adverb) that has an antonymous meaning opposite to the replaced word. The resulting semantic content can be described as a moderate form of censure. Negative prefixation is a common approach in euphemistic manipulation, as it influences the psychological mechanisms of the addressee's perception and their hidden unconscious models of behavior and understanding. Denying a positive denotation is a less intrusive method of conveying information in conversation than affirming a negative one. The manipulative effect of euphemisms constructed through negative prefixation relies on the clear principle of

mitigation and leveling. An important aspect is the lack of precise and specific designation of the undesirable denotation, as euphemisms allow for a wide range of possible interpretations.

2. Meiosis. Meiosis is a trope that involves underestimating the intensity of properties or features of an object, phenomenon, or process. Euphemisms based on meiosis weakly allude to the designated phenomenon or object of reality, resulting in a high degree of effectiveness in achieving manipulative goals and communicative intentions. From a psychological perspective and for the sake of covert speech production, overtly using blatant lies is unacceptable, as the speaker aims to avoid exposure and the consequent loss of trust from the manipulated recipient. Meiotic euphemisms aim to create an illusion, making the addressee believe that the unwanted denotation has been expressed (thus assuming they are not being deceived). However, the negative reality is actually referred to in a manner that significantly softens its manipulative impact. Reducing undesirable semantics through meiosis is considered an effective method of manipulative influence. The reduction of a feature leads to modifications and distortions of the recipient's perception regarding the essence of the discussed matter, contributing to the "camouflage" of its importance and significance. Furthermore, the indirectness, reduction, and weakening of negative concepts create an illusion of reliable information presentation, thereby increasing the addressee's susceptibility and accessibility to manipulative influence.

3. Abbreviation. Among the morphological methods employed in euphemistic speech, abbreviation holds the highest manipulative potential. This is primarily due to its ability to explicitly avoid full naming of the object of reality, which the manipulator intends to conceal. The absence of a specific word plays a significant role in the effectiveness of abbreviation. The speaker replaces the word with its abbreviated form, causing the interlocutor to be distracted and abstract from the essence of the discussed issue. Furthermore, deciphering the abbreviation in the recipient's mind may require additional time, providing the manipulator with a strategic advantage for planning and implementing their manipulative intentions.

The lexical level, which encompasses fundamental processes underlying euphemistic speech production, is widely regarded as the most influential level of operation. Manipulative influence is focused on

modifying words in line with the speaker's conscious and unconscious intentions, aligned with the recipient's personal perception. Specific words are chosen to initiate associations that serve the manipulator's interests.

Lexical units such as terms and borrowings exhibit a significant degree of manipulative potential. Borrowings, in particular, are foreign words that are often obscure to native speakers of the recipient language due to their secretive and ambiguous internal form. They lack negative connotations and are perceived as prestigious and noble, thus having the ability to elevate the denotation even when it is explicitly named. The usage of specific lexemes and terminological designations in communication creates an aura of respectability and fosters trust and respect towards the source of information. In contemporary euphemistic discourse, borrowings predominantly manifest as abstract nouns. For instance, *price liberalization* is used instead of *price escalation*, *confrontation* instead of *opposition*, *correction* instead of *reform*, *sequestering* instead of *reduction.*

The use of terms is advantageous in the context of manipulative intentions, as a significant portion of the audience either has limited access or partial understanding of their meanings. Consequently, correctly perceiving the true semantic content of a statement becomes difficult or even impossible for such individuals.

Materials and methods

The study utilized examples from Holder's (2008) dictionary of euphemisms, which served as the primary material for analysis. The dictionary consisted of a total of 7,896 entries, providing a comprehensive sample for investigation. The research methods employed in this study included linguistic observation and description, which involved interpreting the characteristics of the language units under examination. In addition to linguistic observation and description, the research methodology incorporated several analytical techniques to gain deeper insights into the studied euphemisms.

Linguo-stylistic analysis was employed to examine the stylistic features and effects of the euphemistic language units. This approach aimed to identify the specific linguistic choices, rhetorical devices, and stylistic variations used in the formation of euphemisms. By examining the linguistic nuances and stylistic strategies, a comprehensive understanding of the euphemistic expressions was obtained.

Contextual analysis played a crucial role in exploring the situational factors and communicative contexts in which the euphemisms were employed. The contextual analysis involved examining the surrounding linguistic and social factors that influenced the selection and usage of specific euphemisms. This included considerations of cultural norms, social conventions, power dynamics, and intended audience.

Statistical analysis was utilized to quantify and analyze the frequency of the identified euphemisms within the dataset. By employing statistical techniques, the research aimed to identify trends, thematic fields, and recurrent patterns in the formation and usage of euphemisms. This quantitative analysis provided grounds for valuable observations regarding the prevalence and variations of euphemistic language in different contexts.

The combination of these methodologies allowed for a comprehensive examination of the linguistic, stylistic, and contextual aspects of euphemisms, having facilitated a deeper understanding of the nature of euphemistic language and its manipulative potential, contributing to a comprehensive analysis of the chosen euphemistic expressions in the study.

Study results

Basic ways of constructing euphemisms in various thematic fields

This study focuses on the analysis of the corpus of euphemistic vocabulary in the English language, with a specific emphasis on classifying the euphemistic vocabulary according to thematic parameters. Holder's (2008) encyclopedic dictionary of euphemisms served as the source of statistical and thematic material, containing a total of 7,896 vocabulary units categorized into 68 thematic fields that correspond to the areas of euphemistic language use in speech production.

Given the substantial number of identified thematic fields in the dictionary, which may hinder the productivity of analysis, we consolidated thematically similar lexemes and expressions into larger groups. As a result, the original 68 thematic fields were reduced to 17 fields, namely: (1) body parts, (2) disease, physical and mental disabilities, (3) sexual relations, sexual orientation, (4) physiological secretions, (5) natural and forensic death, suicide, (6) work, (7) sins, (8) politics, (9) crimes, (10) war, (11) appearance, (12) age, (13) animals and

animal-derived meat, (14) charity, (15) race issues, slavery, (16) education, and (17) religion and superstition.

The euphemisms presented in the dictionary were classified based on their method of formation. The following methods of formation were identified: (1) borrowing from other languages, (2) semantic expansion, (3) metonymy, (4) metaphor, and (5) various types of word-formation changes. In addition to these methods, we also observed instances of allusion, eponymy, personification, and, in some cases, epithets in the formation of euphemistic vocabulary. Each of these formation methods will be further explored in detail in the subsequent sections of this study.

Borrowing. In Holder's (2008) dictionary of euphemisms, 84 euphemistic units were identified as being formed through borrowing vocabulary. This accounts for approximately 1.3% of the total number of analyzed euphemisms. Borrowed vocabulary is predominantly utilized in euphemizing thematic fields such as sexual relations and sexual orientation (29 units), sins (10 units), body parts (8 units), and diseases, physical and mental disabilities (7 units). Examples include *in fragrante delicto* (in the act of extramarital copulation), *au naturel* (naked), *blighty* (a serious but not fatal wound), and *loco* (mad). The presence of borrowed euphemisms can be attributed to linguistic and cultural interactions between native English speakers and other cultures, primarily French, Latin, Italian, Spanish, and others. The extensive borrowing from the French language is explained by geographical proximity and the intertwined historical and cultural destinies of the two peoples. The frequent use of Indian language for designating certain unpleasant objects and phenomena can be attributed to the prolonged British presence in India, which enriched the English language not only materially but also linguistically.

Extension of Semantic Meaning. Holder's (2008) dictionary includes 1,780 cases (approximately 28% of the total) where euphemistic vocabulary is formed through the extension of semantic meaning. This method of word formation is particularly prevalent in thematic fields such as sexual relations and sexual orientation (281 units), work (229 units), physiological discharge (194 units), diseases, physical and mental disabilities (188 units), natural death and forensic death, suicide (158 units), crimes (137 units), and politics (82 units). Examples include *illegitimate* (born a bastard), *prestigious* (expensive), *currency adjustment* (devaluation), *early retirement* (dismissal from

employment), *negative employee situation* (staff dismissal), *cash flow problem* (bankruptcy), *non-heart beating donor* (a corpse), *vital statistics form* (death certificate), *self-violence* (suicide), *pre-emptive self-defense* (killing), *deep interrogation* (torture), *additional means* (illegal drugs used for bodybuilding purposes), *ethical investment* (policy of buying stocks that do not offend dogmatists' prejudices), and *approved school* (penal institute for young criminals). The extension of semantic meaning or abstraction is a common means of forming euphemistic vocabulary. Abstractions allow for discussing sensitive or unpleasant topics while saving face for both the speaker and the interlocutor. Common words do not impose obligations on anyone and, when used in the appropriate context, are understandable to all participants in communication. This approach may be seen as a form of hypocrisy, but it serves the purpose of maintaining politeness. Using euphemistic abstractions has become increasingly common in the era of political correctness in the US and Britain, as it helps avoid insult, humiliation, and even subtle hints of someone's inferiority, such as *people with differing abilities, partially sighted, cerebrally challenged, differently abled, visually challenged, physically challenged, mobility impaired,* and *people with learning difficulties.*

Metonymy. The analyzed dictionary contains 110 cases of metonymy used in the formation of euphemistic vocabulary, accounting for approximately 17% of the total number of analyzed euphemisms. Metonymy is most commonly employed in the thematic fields of sexual relations and sexual orientation (29 units), physiological discharge (16 units), crimes (14 units), and work (12 units). Examples include *a big belly* (a pregnant woman), *dress for sale* (a prostitute), *front office* (a police station), and *boys uptown* (corrupt political bosses from Tammany Hall in New York City). Metonymy is not a widely used method for euphemizing English vocabulary, as it does not veil the unpleasant aspects of phenomena and objects as effectively as metaphor or the extension of semantic meaning.

Metaphor. The analysis of Holder's (2008) dictionary revealed 3,782 cases of metaphorical usage, representing approximately 60% of the total number of euphemistic vocabulary considered. Metaphor is predominantly employed in euphemizing thematic fields such as sexual relations and sexual orientation (1,213 units), sins (810 units), natural death and forensic death, suicide (364 units), crimes (330 units), work

(300 units), physiological discharge (205 units), diseases, physical and mental disabilities (135 units), and politics (105 units). Examples include *come in at the window* (to be a bastard), *petticoat government* (a situation where a wife makes decisions for the household, including the husband's leisure time and spending), *woman in a gilded cage* (a young woman married to a rich old man), *wear a fork* (a cuckold), *creature of sale* (a prostitute), *fly a kite* (to write a begging letter), *lose your shirt* (to be ruined), *fly one wing low* (drunk), *hang up your hat* (to die), *give up the spoon* (to die), *written out of the script* (killed or dismissed from employment), *draw the king's picture* (to counterfeit banknotes), *guest of her Majesty* (a prisoner), *sheriff's hotel* (a prison), *let fly* (to fart), *light in the head* (of low intelligence), and *banana skin* (potentially dangerous situation). Metaphorical transfer is the most productive means of forming euphemistic vocabulary. Metaphor creates vivid and imaginative images that overshadow the unpleasant or coarse aspects of the word's primary, nominative meaning. Through metaphor, a remarkable image is created, often overshadowing the primary meaning altogether.

Word-Formation Changes. Within Holder's (2008) dictionary of euphemisms, we identified 244 cases (approximately 3.8% of the total) where word-formation changes were employed to euphemize vocabulary. Thematic fields such as sexual relations and sexual orientation (66 units), body parts (27 units), diseases, physical and mental disabilities (25 units), physiological secretions (24 units), crimes (20 units), and politics (11 units) were particularly prone to word-formation changes. The following types of word-formation changes were observed in the euphemized vocabulary.

1. Various Structural Types of Abbreviations.

Abbreviation of "initial" type. This type of word-formation change, often employed to create euphemisms, accounted for 77 cases (approximately 1.2%) in the analyzed dictionary. It was frequently used to euphemize thematic fields such as crimes (16 units), sexual relations and sexual orientation (11 units), politics (11 units), and work (8 units). Examples include *B-pill* (benzedrine used illegally), *H and C* (heroine and cocaine), *SOB* (son of a bachelor, a bastard), *R and R* (rest and recreation extramarital copulation), *SGO* (same gender-oriented homosexual), *SQ* (in such a situation pregnant), *PC* (politically correct), *CCB* (Civil Co-operation Bureau, a unit established by the government

to try to perpetuate white political domination), *NIH* (not invented here), and *RIF* (reduction in force).

Abbreviation as the addition of parts of two words. This type of abbreviation accounted for 26 examples (approximately 0.4%) in Holder's (2008) dictionary of euphemisms. Euphemistic vocabulary was formed by combining parts of two words, primarily in thematic fields such as appearance (8 units), sins (6 units), and sexual relations and sexual orientation (5 units). Examples include *don't-name-'ems* (trousers), *sit-in-'ems* (trousers), and *canoodle* (to fondle sexually, perhaps a compound of canoe and cuddle).

Syncope as a type of abbreviation. Syncope refers to truncating part of an old word to form a new word. This type of abbreviation was found to be the most productive method of forming euphemisms through word-formation changes. We identified 82 cases (approximately 1.3% of the total) where truncation was employed, particularly in thematic fields such as sexual relations and sexual orientation (24 units), body parts (17 units), diseases, physical and mental disabilities (12 units), physiological secretions (12 units), and sins (7 units). Examples include *bi* (bisexual), *welly* (a contraceptive sheath, shortened form of Wellington boot, which is also made of rubber for protective reasons), *by-courting* (an indication of bastardy), *pash* (a homosexual desire, shortened form of passion), and *psycho* (a psychopath).

2. Transition of Words from One Part of Speech to Another.

Only 11 cases (approximately 0.2%) of euphemization through the transition of words from one part of speech to another were noted in the dictionary analysis. This method was observed primarily in three thematic fields: sexual relations and sexual orientation (7 units), sins (2 units), and appearance (2 units). Examples include *buckle* (to copulate, from the obsolete English "Bucklebury" – buggery), *claimant* (a poor person supported in the past or wholly by the state, from the word to claim money), and *cheaters* (cosmetic padding, from the attempt to deceive and the word "to cheat").

3. Diminutives.

This method involves creating new words by adding a diminutive suffix to the stem of the original word. Diminutives were relatively unproductive in euphemization, with only 15 instances (approximately 0.2%) identified. They were most frequently used in thematic fields such as body parts (6 units), diseases, physical and mental disabilities (4

units), and sexual relations and sexual orientation (2 units). Examples include *booby* (a mad person), *chubby* (fat), and *girlie* (a prostitute).

Peripheral methods of constructing euphemisms in various thematic fields

Within Holder's (2008) dictionary of euphemisms, we identified individual cases of allusion, eponymy, personification, epithets, as well as contextually conditioned vulgarisms.

Allusion. In the analyzed material, we found 85 cases (approximately 1.3% of the total number of analyzed euphemisms) of allusions to various events, names of people, literary and mythological characters. Allusions were most prevalent in thematic fields such as sexual relations and sexual orientation (27 units), crimes (16 units), natural and criminal death, suicide (9 units), and sins (8 units). Examples include *Drury Lane vestal* (a prostitute), *Magdalene* (a prostitute), *Buddha stick* (a marijuana cigarette), and *Bloody Mary* (a drink of tomato juice and vodka). Allusion is a high-context stylistic device that draws upon a rich background or history behind a euphemistic word or expression, which explains its wide usage in euphemism.

Eponymy. We identified 21 cases (approximately 0.3% of the total number of analyzed units) of eponymous euphemisms. Eponymy was most frequently employed to euphemize thematic fields such as sexual relations and sexual orientation (7 units), illness, physical and mental disability (3 units), charity (3 units), and physiological discharge (2 units). Examples include *Oscar* (a male homosexual), *Peeping Tom* (a voyeur), *Down's syndrome* (a congenital disorder formerly known as mongolism), and *Hansen's disease* (leprosy).

Personification. In the course of material analysis, we observed 79 cases (approximately 1.2% of the total analyzed euphemistic lexicon) of personification. This method of forming euphemistic vocabulary was most commonly utilized in thematic fields such as body parts (24 units), physiological secretions (16 units), sexual relations and sexual orientation (15 units), politics (8 units), and race issues, slavery (4 units). Examples include *Little Mary* (the abdomen), *Jimmy Brits* (diarrhea), *Janet and John* (an oversimplified summary), and *Jim Crow* (unfair treatment of black people by whites).

Vulgarisms. We also noted 147 instances of vulgarisms (approximately 2.3% of the total), primarily in thematic fields such as sexual relations and sexual orientation (62 units), body parts (55 units),

and natural and forensic death, suicide (12 units). Examples include *dead meat* (a corpse), *conk out* (to die), and *croak* (to die).

Epithets. The dictionary also included a number of epithets (23 units) used to euphemize thematic fields such as sexual relations and sexual orientation (12 units), illness, physical and mental disability (5 units), and body parts (4 units). Examples include *bedworthy* (describing a sexually attractive woman or one who may benefit from having a child), *beddable* (referring to a nubile woman), and *private* (pertaining to a patient paying personally for medical care).

The qualitative and quantitative analysis of the dictionary revealed that the most productive methods of forming euphemistic vocabulary are metaphorical transfer, expansion of semantic meaning, and abstraction. Various word-formation changes also contribute to the creation of euphemisms. Borrowing foreign words, allusion, personification, eponymy, epithets, and vulgarisms were found to be less productive means of constructing euphemisms. It is worth noting that in certain sociocultural contexts, vulgarisms can also function as a form of euphemistic vocabulary. The study of euphemisms, their formation methods, and underlying reasons represents a promising area within modern linguistics.

Conclusion

This study delved into the examination of the corpus of euphemistic vocabulary in the English language by classifying it according to thematic parameters. Holder's (2008) encyclopedic dictionary of euphemisms served as a valuable resource, comprising a sample size of 7,896 vocabulary units within 68 thematic fields, representing the various domains in which euphemisms are employed in speech production.

By grouping thematically similar lexemes and expressions, we were able to condense the number of thematic fields into 17 broader categories, including body parts, illness, physical and mental disability, sexual relations, sexual orientation, physiological secretions, natural and forensic death, suicide, job, sins, politics, crimes, war, appearance, age, animals and meat derived from animals, charity, racial issues, slavery, education, and religion and superstition.

The classification of euphemisms in the dictionary was conducted based on their method of formation. The primary ways of formation identified were as follows.

1. Borrowings from other languages, with sexual relations, sexual orientation, sins, body parts, and diseases, physical and mental disability being the dominant thematic fields.

2. Expansion of semantic meaning, with sexual relations and sexual orientation, work, physiological secretions, diseases, physical and mental disability, natural and forensic death, suicide, crimes, and politics being the dominant thematic fields.

3. Metonymy, with sexual relations and sexual orientation, physiological secretions, crimes, and work being the dominant thematic fields.

4. Metaphor, with sexual relations and sexual orientation, sins, natural and forensic death, suicide, crimes, work, physiological secretions, diseases, physical and mental disability, and politics being the dominant thematic fields.

5. Various types of word-formation changes, with sexual relations and sexual orientation, body parts, diseases, physical and mental disability, physiological secretions, crimes, and politics being the dominant thematic fields.

Additionally, peripheral methods of forming euphemisms were distinguished, including allusion, eponymy, personification, vulgarisms, and epithets, each with their respective dominant thematic fields.

Euphemism, as an integral component of the English language system, reflects its historical development and formation, serving as a mechanism to soften communicative acts. The need for such softening arises from relevant cultural and social prerequisites, attitudes, and traditions. Euphemisms are a significant aspect of linguistic and cultural knowledge, reflecting cultural and social changes, customs, and traditions through verbal representation. Moreover, euphemization of speech can serve not only the construction of polite communication but also the implementation of manipulative effects on the addressee.

The qualitative and quantitative analysis of the dictionary revealed that the most productive ways of forming euphemistic vocabulary are metaphorical transfer, expansion of semantic meaning or abstraction, and various word-formation changes. Borrowing foreign words, allusion, personification, eponymy, and epithets were found to be less productive means of forming euphemisms. Additionally, vulgarisms can also function as a novel euphemistic vocabulary within specific sociocultural contexts.

The study of euphemisms, their methods, and the reasons for their formation represents a promising area within modern linguistics. The research on euphemistic vocabulary and its classification carries implications for linguistics, sociolinguistics, pragmatics, cross-cultural communication, manipulative language use, language education, cultural studies, anthropology, and discourse ethics. It provides valuable insights into the formation, usage, and social implications of euphemisms, enriching our understanding of language, culture, and communication dynamics.

Литература

1. Гришечко, Е. Г. Средства реализации коммуникативной стратегии вежливости в современном английском языке: автореф. … дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2011. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19359409
2. Петросян Г. О., Гришечко Е. Г. Управление конфликтом в политической коммуникации: лингвистический и методический аспекты // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2019. № 11. С. 100-105. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42417327
3. Agaopva E. A., Grishechko E. G. Censorship as a factor of information warfare // Russian Linguistics Bulletin. 2016. T. 3. № 7. P. 43-44. https://doi.org/10.18454/RULB.7.06
4. Akopova A. S. Manipulation as a component of efficient communication // The Humanities and Social Sciences. 2016. № 6. P. 33-39. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28839724
5. Antipova A. S., Rabeson M. D., Smirnova O. V. Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse // Training, Language and Culture. 2021. T. 5. № 2. P. 73-89. https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89
6. Bowers J. S., Pleydell-Pearce C. W. Swearing, euphemisms, and linguistic relativity // PloS One. 2011. T. 6. № 7. e22341. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0022341
7. Danilina E. A., Kizyan E. E., Maksimova D. S. Euphemisms in advertising discourse: Putting on a positive face and maintaining

speech etiquette // Training, Language and Culture. 2019. T. 3. № 1. P. 8-22. https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.1.1
8. Dubrovskaya T. V., Yuskaeva E. I. Language aggression in virtual professional communities // Training, Language and Culture. 2022. T. 6. № 4. P. 62-72. https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-4-62-72
9. Filyasova Yu. A. Perfection as a concept of hyperbolisation in English promotional discourse: A multi-dimensional linguistic analysis // Training, Language and Culture. 2022. T. 6. № 4. P. 50-61. https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-4-50-61
10. Gómez M. C. Towards a new approach to the linguistic definition of euphemism // Language Sciences. 2009. T. 31. № 6. P. 725-739. https://doi.org/10.1016/j.langsci.2009.05.001
11. Grishechko O. S., Akopova A. S. The concept of precedent phenomena and their role in shaping social consciousness // Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2016. T. 12. № 66. P. 71-74. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27264838
12. Halmari H. Political correctness, euphemism, and language change: The case of "people first" // Journal of Pragmatics. 2011. T. 43. № 3. P. 828-840. https://doi.org/10.1016/j.pragma.2010.09.016
13. Holder R. W. Dictionary of euphemisms. Oxford University Press, 2008.
14. Jing-Schmidt Z. Cursing, taboo and euphemism // The Routledge handbook of Chinese applied linguistics. Routledge, 2019. P. 391-406. https://doi.org/10.4324/9781315625157-26
15. Malyuga E. N., Akopova A. S. Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution // Training, Language and Culture. 2021. T. 5. № 4. P. 65-76. https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76
16. Malyuga E. N., Grishechko E. G. How to build the foundation for a successful research journal: Training, Language and Culture best practices // Science Editor and Publisher. 2021. T. 6. № 1. P. 48-58. https://doi.org/10.24069/2542-0267-2021-1-48-58

17. Malyuga E., Orlova S. Teaching professional English terminology to students of economic universities // EDULEARN16 Proceedings. IATED, 2016. P. 7236-7241.
18. McCallum N. L., McGlone M. S. Death be not profane: Mortality salience and euphemism use // Western Journal of Communication. 2011. T. 75. № 5. P. 565-584. https://doi.org/10.1080/10570314.2011.608405
19. Olimat S. N. COVID-19 pandemic: Euphemism and dysphemism in Jordanian Arabic // GEMA Online Journal of Language Studies. 2020. T. 20. № 3. P. 268-90. https://doi.org/10.17576/gema-2020-2003-16
20. Rabab'ah G., Al-Qarni A. M. Euphemism in Saudi Arabic and British English // Journal of Pragmatics. 2012. T. 44. № 6-7. P. 730-743. https://doi.org/10.1016/j.pragma.2012.02.008
21. Rittenburg T. L., Gladney G. A., Stephenson T. The effects of euphemism usage in business contexts // Journal of Business Ethics. 2016. № 137. P. 315-320. https://doi.org/10.1007/s10551-014-2501-4
22. Terry A. Euphemistic dysphemisms and dysphemistic euphemisms as means to convey irony and banter // Language and Literature. 2020. T. 29. № 1. 57-75. https://doi.org/10.1177/0963947020910624

References

Agaopva, E. A., & Grishechko, E. G. (2016). Censorship as a factor of information warfare. *Russian Linguistics Bulletin, 3*(7), 43-44. https://doi.org/10.18454/RULB.7.06

Akopova, A. S. (2016). Manipulation as a component of efficient communication. *The Humanities and Social Sciences, 6,* 33-39. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28839724

Antipova, A. S., Rabeson, M. D., & Smirnova, O. V. (2021). Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse. *Training, Language and Culture, 5*(2), 73-89. https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89

Bowers, J. S., & Pleydell-Pearce, C. W. (2011). Swearing, euphemisms, and linguistic relativity. *PloS One, 6*(7), e22341. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0022341

Danilina, E. A., Kizyan, E. E., & Maksimova, D. S. (2019). Euphemisms in advertising discourse: Putting on a positive face and maintaining speech etiquette. *Training, Language and Culture, 3*(1), 8-22. https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.1.1

Dubrovskaya, T. V., & Yuskaeva, E. I. (2022). Language aggression in virtual professional communities. *Training, Language and Culture, 6*(4), 62-72. https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-4-62-72

Filyasova, Yu. A. (2022). Perfection as a concept of hyperbolisation in English promotional discourse: A multi-dimensional linguistic analysis. *Training, Language and Culture, 6*(4), 50-61. https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-4-50-61

Gómez, M. C. (2009). Towards a new approach to the linguistic definition of euphemism. *Language Sciences, 31*(6), 725-739. https://doi.org/10.1016/j.langsci.2009.05.001

Grishechko, E. G. (2011). *Sredstva realizatsii kommunikativnoi strategii vezhlivosti v sovremennom angliiskom yazyke [Means of realizing the communication strategy of politeness in the modern English language].* (Candidate thesis abstract, South Federal University, Rostov-on-Don, Russia). https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19359409

Grishechko, O. S., & Akopova, A. S. (2016). The concept of precedent phenomena and their role in shaping social consciousness. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice, 12*(66), 71-74. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27264838

Halmari, H. (2011). Political correctness, euphemism, and language change: The case of "people first". *Journal of Pragmatics, 43*(3), 828-840. https://doi.org/10.1016/j.pragma.2010.09.016

Holder, R. W. (2008). *Dictionary of euphemisms.* Oxford University Press.

Jing-Schmidt, Z. (2019). Cursing, taboo and euphemism. In C.-R. Huang, Z. Jing-Schmidt, & B. Meisterernst (Eds.), *The Routledge handbook of Chinese applied linguistics* (pp. 391-406). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315625157-26

Malyuga, E. N., & Akopova, A. S. (2021). Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution. *Training, Language and Culture, 5*(4), 65-76. https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76

Malyuga, E. N., & Grishechko, E. G. (2021). How to build the foundation for a successful research journal: Training, Language and Culture best practices. *Science Editor and Publisher, 6*(1), 48-58. https://doi.org/10.24069/2542-0267-2021-1-48-58

Malyuga, E., & Orlova, S. (2016). Teaching professional English terminology to students of economic universities. In *EDULEARN16 Proceedings* (pp. 7236-7241). IATED.

McCallum, N. L., & McGlone, M. S. (2011). Death be not profane: Mortality salience and euphemism use. *Western Journal of Communication, 75*(5), 565-584. https://doi.org/10.1080/10570314.2011.608405

Olimat, S. N. (2020). COVID-19 pandemic: Euphemism and dysphemism in Jordanian Arabic. *GEMA Online Journal of Language Studies, 20*(3), 268-90. https://doi.org/10.17576/gema-2020-2003-16

Petrosyan, G. O., & Grishechko, E. G. (2019). Conflict management in political communication: Linguistic and methodical aspects. *Modern Science: Actual problems of theory and practice. Series Humanities, 11,* 100-105.

Rabab'ah, G., & Al-Qarni, A. M. (2012). Euphemism in Saudi Arabic and British English. *Journal of Pragmatics, 44*(6-7), 730-743. https://doi.org/10.1016/j.pragma.2012.02.008

Rittenburg, T. L., Gladney, G. A., & Stephenson, T. (2016). The effects of euphemism usage in business contexts. *Journal of Business Ethics, 137,* 315-320. https://doi.org/10.1007/s10551-014-2501-4

Terry, A. (2020). Euphemistic dysphemisms and dysphemistic euphemisms as means to convey irony and banter. *Language and Literature, 29*(1), 57-75. https://doi.org/10.1177/0963947020910624

УДК 811.11. 81`23:316.772.2
https://doi.org/10.25076/vpl.50.03
В.А. Безруков
Государственный институт русского языка
имени А.С. Пушкина
И.Ю. Шачкова
Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова

МАНИПУЛЯЦИИ С ПРЕДМЕТАМИ В ИЗМЕНЕННОМ СОСТОЯНИИ СОЗНАНИЯ И ИХ НОМИНАЦИЯ В АВТОРСКИХ РЕМАРКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Цель данного исследования - описать средства косвенного способа номинации (изображения) манипуляций с предметами, реализуемых при сверхсильном эмоциональном возбуждении, которое вызывает у субъекта измененное состояние сознания. Эффект, который измененное состояние сознания оказывает на речь и поведение субъекта, может быть различен и находит свое отражение в вербальном и невербальном поведении, в частности в специфике манипуляций с предметами. Поскольку особенности невербального поведения в измененном состоянии сознания легко фиксируются и понятны на интуитивном уровне, именно они описываются в авторских ремарках. Проведенный анализ лексических средств номинации манипуляций с предметами позволяет утверждать, что авторы драматургических произведений точно изображают особенности невербального поведения субъекта, переживающего измененное состояние сознания. Новизна проведенного исследования состоит в том, что авторы впервые систематически описывают особенности изображения (косвенного способа номинации) манипуляций с предметами, отражающих специфику невербального поведения

© Безруков В.А., Шачкова И.Ю., 2023
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

субъекта, переживающего измененное состояние сознания, и таким образом вносят вклад в создание классификации способов изображения невербального поведения индивидуума в состоянии аффекта.

Ключевые слова: измененные состояния сознания, манипуляции с предметами, номинация, авторские ремарки, английский язык

UDC 811.11. 81`23:316.772.2
https://doi.org/10.25076/vpl.50.03

V.A. Bezrukov
State Institute of the Russian Language named after A.S. Pushkin
I.Yu. Shachkova
Chuvash State University named after I.N. Ulyanov

MANIPULATIONS WITH OBJECTS IN AN ALTERED STATE OF CONSCIOUSNESS AND THEIR NOMINATION IN STAGE REMARKS (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

The purpose of this study is to depict the means of the indirect way of nomination (description) of manipulations with objects, implemented under over-intense emotional tension which causes an altered state of consciousness in a person. The effect that an altered state of consciousness has on the speech and behavior of a person can be different and is reflected in verbal and nonverbal behavior, in particular in the specifics of manipulations with objects. Since the features of nonverbal behavior in an altered state of consciousness are easily fixed and understandable on an intuitive level, they are described in stage remarks. The analysis of lexical means of naming units of manipulations with objects suggests that the authors of dramaturgical works accurately describe the features of nonverbal behavior of a person experiencing an altered state of consciousness. The novelty of the conducted research consists in the fact that the authors systematically describe for the first time the features of description (the indirect way of nomination) of manipulations with objects reflecting the specifics of the nonverbal behavior of a person experiencing an altered state of consciousness, and thus contribute to the creation of a classification of ways to describe the nonverbal behavior of an individual in a state of affect.

Keywords: manipulations with objects, altered states of consciousness, naming units, stage remarks, English

Введение

Прошло уже несколько десятилетий с того момента, как специалисты в области адаптации человека к необычным, стрессогенным условиям окружающей среды начали утверждать, что до трети городской популяции периодически или систематически находится в измененном состоянии сознания той или иной степени глубины (Лебедев, 1983). Данный вопрос привлек значительное внимание специалистов в области психологии, физиологии и судебной психиатрии, но изучение вербальных и невербальных коррелятов измененных состояний сознания все еще находится в стадии разработки. Актуальность этой статьи определяется тем, что в ней авторы впервые представляют систематическое описание средств косвенной номинации (изображения) манипуляций с предметами, реализуемых под воздействие измененного состояния сознания. Поскольку данный вид поведения в настоящее время получает все большее распространение, задача разработки собственно лингвистических способов оценки психического состояния субъекта без привлечения сложных психологических и психиатрических методик и тестов становится как никогда актуальной.

Теоретической базой для настоящего исследования служат труды по физиологии человека и психологии Обрели (1961), Медведева (1982), Лебедева (1983), Фресса и Пиаже (1975), Ротенберга и Аршавского (1984), лингвистике и психолингвистике Шаховского (1987) и Гака (1997), невербальному поведению Величко (1982), Лабунской (1986), Мида (2009), Холла (1959), Мерабиана (1971), судебной психиатрии Ситковской (1983), Калашника (1961), Шаврулидзе (1973), Жарикова (1999) и лингвистике измененных состояний сознания Синеоковой (2004).

Задачи, поставленные авторами статьи, включают:

1) выделение и описание специфических черт невербального поведения субъекта, переживающего измененное состояние сознания, в частности особенностей манипуляций с предметами;

2) разработку классификации косвенных средств номинации (изображения) манипуляций с предметами на основе анализа

средств номинации в авторских ремарках англоязычных авторов драматургических произведений.

Теоретическое значимость данной работы, по нашему мнению, состоит в том, она может расширить существующие знания о невербальной коммуникации и взаимодействии между ней и измененными состояниями сознания. Это, в свою очередь, может способствовать развитию теоретических моделей коммуникации в нестандартных условиях общения и пониманию психофизиологических механизмов, лежащих в основе таких коммуникативных процессов.

Практическая значение нашего исследования заключается в том, что исследование манипуляций с предметами в измененных состояниях сознания может быть полезным для психологов, психотерапевтов и других специалистов в области психического здоровья. Оно может помочь им лучше понять взаимосвязь между невербальными компонентами коммуникации и измененными состояниями сознания, а также использовать этот инструмент при работе с пациентами в психотерапии или реабилитации. Решению этой задачи, в свою очередь, призвана помочь предлагаемая авторами классификация средств номинации манипуляций с предметами, реализуемых в том или ином типе измененного состояния сознания.

Материалы и методы

Для решения задач, поставленных в данном исследовании, нами были использованы метод контекстуального анализа, а также метод дефиниционного анализа.

Материалом исследования послужили около 100 авторских ремарок, изображающие характерные особенности манипуляций с предметами, которые реализуются в измененном состоянии сознания и были получены методом сплошной выборки из 12 драматургических произведений англоязычных писателей 20-го века, таких как: Лоррейн Хэнсберри «Изюминка на солнце» (Hansberry L. A Raisin in the Sun. New York: Penguin Books, 1988), Лилиан Хеллман «Лисята» (Hellman L. The Little Foxes // Sixteen Famous American Plays. The Modern Library. New York: Random House, Inc., 1941 (reprint)), Сидни Ховарда «Они знали, чего хотели» (Howard S. They Knew What They Wanted // Sixteen Famous American Plays. The Modern Library. New York: Random House, Inc., 1941

(reprint)), Артура Миллера «Суровое испытания» A. The Crucible. The Bantam Library of World Drama, 1967), Юджина О'Нила «За горизонтом» (O'Neill. E. Beyond the Horizon // New York: Dover Publications, 1996), Эмлин Уильямс «Ночь должна наступить» (Williams E. Night Must Fall. – Mode of access: <http://www.gutenberg.org/etext/7765>), Кеннета Кэмерона «Папп» (Cameron, K. Papp // The American Place Theatre: Plays. – New York: A Delta Original, 1973. – P. 31-88), Элис Чилдресс «Вино в пустыне» (Childress, A. Wine in the Wilderness // Plays By and About Women. – New York: Random House, 1974. – P. 379-421), Сары Дэниэлс «Прилив» (Daniels, S. Neaptide // Plays: 1. – London: Methuen Drama, 1997. – P. 231-327), Джона Голсуорси «Поражение» (Galsworthy, J. Defeat. – Mode of access: <http://www.gutenberg.org/etext/4269>), Теннесси Уильямса «Орфей спускается в ад» (Williams, T. Orpheus Descending // Three American Plays. – M.: Progress Publishers, 1972. – P. 221-307) и Алана Александра Милна «Белинда» (Milne, A.A. Belinda. – Mode of access: <http://www.gutenberg.org/etext/7805>)

Результаты и обсуждение

В настоящий момент лингвисты убеждены, что в тексте литературного произведения присутствует два основных способа передачи эмоций и эмоциональных состояний: косвенный способ (изображение эмоций через фиксацию невербального поведения субъекта) и прямой способ номинации (сообщение об эмоции) (Гак, 1997; Шаховский, 1987). Суть второго способа номинации состоит в использовании лексем, денотативное значение которых включает характерные особенности той или иной эмоции или эмоционального состояния. В качестве яркого примера лексической единицы, которая может быть использована для прямой номинации измененного состояния сознания, выступает лексема to transfix. Анализ дефиниции лексической единицы to transfix (to be unable to move because you are shocked, frightened etc - Longman Dictionary of Contemporary English, p. 1537) показывает, что ее семантика передает такой важный внешний признак аффективного ступора как иммобильность субъекта (unable to move).

Важно отметить, однако, что в авторских ремарках намного более распространены случаи косвенной номинации (изображения) эмоций и эмоциональных состояний персонажей. Проведенный авторами контекстуальный анализ авторских описаний,

содержащих примеры косвенной номинации эмоций и эмоциональных состояний показал, что авторы изображают различные невербальные компоненты коммуникации: мимику, жесты, позы, локомоции (перемещение в пространстве), голосовые характеристики, тактильное и визуальное действие и взаимодействие и даже вегетативные характеристики субъекта (плач, изменение ритма дыхания, тремор и т.п.), включая, безусловно, изображения манипуляций с предметами. Тем более удивительным предстает тот факт, что теоретические работы по невербальной коммуникации содержат прямо противоположные воззрения касаемо статуса манипуляций с предметами как компонента невербальной системы коммуникации.

С одной стороны, рассмотрение манипуляций с предметами как неотъемлемой части невербальной коммуникации имеет долгую историю и значительный теоретический багаж. Так, например, существует минимум три теоретические концепции, объясняющие роль и функции манипуляций с предметами в системе невербальной коммуникации. Согласно первой теории, разработанной Джорджем Х. Мидом, манипуляция с предметами может служить символической формой коммуникации, где предметы или действия приобретают определенное значение и передают информацию о намерениях или эмоциональном состоянии человека (Мид, 2009). Вторая теория - эта концепция Эдварда Т. Холла, которая изучает использование пространства и физического расстояния (проксемики) в коммуникации. Согласно теории Холла, манипуляция с предметами может быть использована для управления пространственными отношениями и установления контакта с другими людьми и зависит от культурных норм и ценностей. Например, передвигая предметы ближе к себе или другому человеку, можно создать более дружественное взаимодействие (Hall, 1959). Наконец, концепция инструментальной коммуникации Альберта Мерабиана рассматривает коммуникацию как процесс достижения целей или выполнения задач. Манипуляция с предметами может быть использована в качестве инструмента для достижения этих целей. Например, использование инструментов или предметов может помочь в объяснении сложных концепций, демонстрации процессов или управлении ситуацией (Mehrabian, 1971). И тем не

менее некоторые авторы не спешат рассматривать манипуляции с предметами как важный компонент невербальной системы коммуникации (Крейдлин 2001; Лабунская, 1986).

Внимание исследователей к данному компоненту невербальной коммуникации резко увеличивается в работах, посвященных изучению поведения человека, переживающего сверхсильное эмоциональное напряжение. Так, Л.Ф. Величко, исследуя особенности невербального поведения, сопутствующего устной монологической речи обучающихся на иностранном языке, устанавливает прямую корреляцию между низким уровнем навыков устной речи (и как следствие сильным или сверхсильным эмоциональным напряжением) и значительным количеством разнообразных манипуляций с предметами (Величко, 1982).

Необходимо при этом подчеркнуть, что большое количество манипуляций и их высокая интенсивность не выступают надежными критерием определения специфических характеристик эмоционального состояния субъекта. Намного более важным критерием выступает то, как субъект выполняет манипуляции с предметом, а именно: 1) наличие или отсутствие прагматической цели у манипуляции с предметом; 2) присутствие или отсутствие затруднений при выполнении манипуляций, а также 3) использование предмета по его прямому назначению. Например, использование трости хромым человеком является прагматическим действием, которое, как правило, не несет никакой информации об эмоциональном состоянии индивидуума. Когда же трость используется для избиения человека, подобные манипуляции являются четким сигналом не только о переживаемом сверхсильном эмоциональном возбуждении, но также демонстрирует для читателя или зрителя информацию о качественных особенностях поведения человека, переживающего измененное состояние сознания (Ситковская, 1983; Жариков и др, 1999; Калашник, 1961; Шаврулидзе, 1973). Все качественные особенности невербального поведения человека, включая манипуляции с предметами, определяются пребыванием субъекта в одном из трех типов измененных состояний сознания: дистрессе, поисковом состоянии или эвстрессе.

Так, к внешне наблюдаемым признаками дистресса, который оказывает разрушающее воздействие на процессы порождения речи

и невербальное поведение, относятся: 1) гипокенетика (иммобильность субъекта как крайнее проявление данного признака) и 2) гиперкенетика, которые комбинируется с такими признаками невербального поведения, как 3) ригидность, негибкость (вследствие разрушения сложных моделей поведения) (Фресс, Пиаже, 1975) и 4) бесцельность (хаотичность) (Медведев, 1982).

Поисковое состояние отличается от дистресса тем, что по сути является успешной попыткой преодолеть сверхсильное эмоциональное напряжение, вызывающее измененного состояния сознания (Ротенберг, Аршавский, 1984; Синеокова, 2004). В то же время разрушающее влияние возбуждения достаточно велико, чтобы проявляться в невербальном поведении в следующих признаках: 1) гиперкинетика в сочетании с внезапностью ответной реакции (действие как первая успешная попытка сориентироваться в резко изменившейся обстановке), 2) внешне наблюдаемые нарушения в невербальном поведении (например, покачивание при ходьбе), 3) слишком частые (не обусловленные прагматической необходимостью) действия методического характера.

Эвстресс по механизмам воздействия на психику человека представляет собой измененное состояние сознания, которое прямо противоположно дистрессу, поскольку оказывает конструктивное, положительное воздействие на речепорождение и невербальное поведение, несмотря на сверхсильное эмоциональное возбуждение. Особенности поведения субъекта, переживающего состояние эвстресса, проявляются в следующих признаках: 1) гиперкинетические действия агрессивного, наступательного характера и 2) гиперкенетические действия, цель которых: а) объективация (демонстрация) эмоционального состояния субъекта и б) установление (разрывание) контакта с собеседником. Очень важно подчеркнуть, что все действия, совершаемые индивидуумом в состоянии эвстресса, являются контролируемыми и осознанными (Жариков и др., 1999).

Поскольку особенности невербального поведения в измененном состоянии сознания, как мы видим, внешне легко наблюдаемы и понятны читателю или зрителю на интуитивном уровне, именно они описываются в авторских ремарках, включая, безусловно, особенности изображения манипуляций с предметами. Проведя

анализ около 100 авторских ремарок, изображающих невербальное поведение, реализуемое под воздействие сверхсильного возбуждения, авторами предложена классификация косвенных средств номинации (изображения) манипуляция с предметами в авторских описаниях на английском языке.

Важным отличительным признаком *манипуляции аффективного ступора* выступает неспособность субъекта совершить действие с предметом, что происходит вследствие генерализированного моторного торможения. Лексемы, которые используются авторами драматургических произведений для изображения манипуляций данного типа, акцентируют внимание читателя на наступающей (или наступившей) иммобильности субъекта и имеют значения «класть (предмет), падать / ронять (о предмете)»: to drop smth, to let smth slip / drop, to put smth (down), например:

1) Blanche: Ah, me, ah, me, ah, me… (Her eyes fall shut and the palm leaf drops from her fingers.) (Williams, 1935, p. 172) / Бланш: Ах, я, ах, я, ах, я… (Её глаза закрываются и пальмовый листок выскальзывает из ее пальцев) (Здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – В. Б. и И. Ю.)

2) Mrs. Mortar (Puts phone down, collapses in chair, sobs quietly). You think she's dea- (Hellman, 1941, p. 80) / Миссис Мортар (Кладет телефон, падает в кресло, тихо плачет) Ты думаешь, она умерл –

3) AMY [She stands a moment without moving at all. Suddenly she lets quilt and papers slip to the floor and her hands clasp themselves over her abdomen.] Oh, my God! (… […her face rigid with terror.] (Howard, 1941, p.48) / ЭМИ [Она стоит мгновение, не двигаясь вообще. Внезапно она позволяет одеялу и бумагам соскользнуть на пол, и ее руки сжимают живот.] О, Боже мой! (… […ее лицо застыло от ужаса.]

Анализ контекста показывает, что изображение манипуляций аффективного ступора, как правило, не является достаточным признаком для однозначной идентификации описываемого эмоционального состояния. Поэтому авторы используют целые ансамбли как вербальных, так и невербальных признаков. Так, в первом примере дополнительными признаками идентификации аффективного ступора могут служить речь персонажа драматургического произведения, которая однозначно указывает на торможение речемыслительных процессов, переходящее в ступор

(обрыв речевого потока), так же как и мимика аффективного ступора (*Her eyes fall shut*). Во втором случае, помимо собственно манипуляции с предметом (Puts phone down) читатель наблюдает и анализирует следующий ансамбль невербальных и вербальных признаков: а) изменение позы (*collapses in chair*), б) вегетативные проявления (*sobs quietly*), в) обрыв речевого потока, которые в совокупности, безусловно, свидетельствуют о наступающей иммобильности субъекта. Той же тактики в изображении аффективного ступора придерживается и третий автор: помимо манипуляции аффективного ступора, в авторской ремарке мы видим позу аффективного ступора (*stands ... without moving at all*), жест аффективного ступора (*her hands clasp themselves over her abdomen*) и, наконец, весьма яркое описание мимики аффективного ступора. Для ее изображения автор использует лексему rigid (*her face rigid with terror*), одно из словарных значений которой «stiff and not moving or bending» (Longman Dictionary of Contemporary English, p. 1222). Финальная позиция данной авторской ремарки, по нашему мнению, лишь усиливает значение лексической единицы rigid и эффект, который изображение ансамбля невербальных признаков, сигнализирующих об аффективном ступоре, производит на читателя.

Манипуляции, сигнализирующие о регрессе сложной модели поведения, изображаются авторами драматургических произведений как набор действий с предметами, которые объединяет один признак: машинальность их исполнения. Объясняется это, очевидно, тем, что при распаде сложной модели реагирования на острый психогенный фактор, все действия субъекта деградируют до автоматизмов, а поведение в целом отличается негибкостью (ригидностью). Рассмотрим, следующий пример:

(Mechanically, she sweeps together the scattered fragments of notes, assembling them with the dust into a little pile […] while the tears run down her cheeks.) GIRL. Defeat! Defeat!. . . . (Galsworthy, 1921, p. 17) / (Машинально, она подметает разбросанные фрагменты, собирает их вместе в стопку […], пока слезы текут у нее по щекам) ДЕВУШКА. Поражение! Поражение!

Как мы видим, манипуляции с предметами героини вполне успешны с точки зрения прагматики: она прибирает помещение. Но

анализ контекста и ее речи позволяет нам говорить не только о том, что она переживает сильнейшее эмоциональное напряжение, но также сделать выводы о психофизиологическом механизме, который лежит в основе дистресса. Так, речь главной героини максимально упрощена (она повторяет одно и то же слово - Defeat! Defeat! (Поражение! Поражение!)), но при этом отсутствует обрыв речевого потока (признак аффективного ступора) и слова произносятся без очевидных нарушений их фонетической формы (что могло бы свидетельствовать о поисковом измененном состоянии сознания). При этом, изображая невербльные действия героини, автор четко указывает на характер действий - *mechanically*. Анализ дефиниции лексической единицы mechanically (… *is done without thinking,* and has been done many times before - Longman Dictionary of Contemporary English, p. 889), безусловно, свидетельствует о том, что генерализированное возбуждение привело к распаду сложной системы реагирования, но не затронуло уровень хорошо усвоенных действий, то есть автоматизмов.

Неосознанный разрыв контакта с фактором, вызывающим острую стрессогенную ситуацию, в авторских ремарках часто (как и в случае манипуляций аффективного ступора) изображается в виде сочетания нескольких невербальных компонентов коммуникации, при этом *пассивно-оборонительные манипуляции с предметами*, как правило, являются финальным звеном в цепочке действий субъекта. Наиболее часто пассивно-оборонительные манипуляции реализуются как открытие / закрытие дверей, хлопание дверьми и изображаются авторами драматургических произведений при помощи лексем to slam / to shut / to close / to swing the door open, например:

1) CLAIRE [almost speechless with rage]. You bastard. [She exits, slamming the door.] (Daniels, 1997, p. 307) / КЛЭР [от ярости почти не может говорить]. Негодяй. [Она уходит, хлопая дверью.]

2) TOM. You ugly – babbling old – witch… [He goes through a series of violent, clumsy movements, seizing his overcoat, lunging to the door, pulling it fiercely open.] (Williams, 1935, p.42) / ТОМ. Уродливая ты - болтливая старая - ведьма… (Он совершает серию резких, неуклюжих движений, хватая свое пальто, бросаясь к двери, яростно распахивая ее.)

Приведенные примеры являются типичными для изображения невербального поведения, в основе которого лежит пассивно-оборонительная реакция. Первая ремарка при помощи сочетания косвенной (*speechless*) и прямой (*with rage*) номинаций дистресса сигнализирует о высочайшей степени эмоционального возбуждения, которое препятствует построению развернутого высказывания, и реализуется как побег от стрессогенного фактора (сочетание изображения пассивно-оборонительной локомотиции (*exits*) и пассивно-оборонительной манипуляции (slamming the door)). Вторая ремарка предстает как комбинация изображений двух компонентов невербальной коммуникации, а именно: перемещение в пространстве (*violent, clumsy movements* и *lunging to the door*) и манипуляции с предметами (seizing his overcoat и pulling it fiercely open).

Как важный отличительный признак мы уже отмечали тот факт, что изображение пассивно-оборонительной манипуляции, как правило, занимает в авторской ремарке финальную позицию по отношению к другим невербальным компонентам коммуникации. Стоит также упомянуть, что все манипуляции данного типа имеют ярко выраженный гиперкинетический характер. Объяснятся это, по всей видимости тем, что пассивно-оборонительная реакция как психофизиологический механизм выполняет роль «спасательного круга» организма, на который он не жалеет своих последних сил (Орбели, 1961). В авторских ремарках этот важный признак изображается как при помощи слов-уточнителей значения типа violent, fiercely, так и находит отражение в семантике лексических единиц, используемых для номинации пассивно-оборонительных манипуляций. Так, например, лексема to seize (seizing his overcoat) имеет значение «to take hold of something *suddenly and violently*» (Longman Dictionary of Contemporary English, p. 1291), подчеркивающее гиперкинетический характер манипуляций, и поэтому используется автором в данном ансамбле номинаций невербальных компонентов коммуникации.

Уникальным типом пассивно-оборонительной манипуляции выступают примеры, когда авторы изображают так называемое «заедание стресса». Манипуляции в данном случае производятся с посудой, едой, напитками и т.п. Так, в следующем примере помимо важного вегетативного признака (*her lips trembling*),

сигнализирующего о сверхсильном возбуждении, присутствует изображении манипуляции с предметом (стаканом с вином - downing her port), действия с которым характеризуются высокой степенью интенсивности (at a gulp - одним глотком):

ANNA--[Downing her port at a gulp like a drink of whiskey--her lips trembling.] Skoal? (O'Neill, 1996, p. 7) / АННА—[Опустошает стакан с портвейном одним глотком как будь-то стакан с виски—ее губы дрожат.] Скоал?

Гиперкенетика действия является одним из наиболее важных признаков *хаотических манипуляций.* Происходит это в силу того, что хотя генерализированное возбуждение блокирует работу коры головного мозга субъекта и проявляется в неосознанных манипуляциях, адаптивные возможности еще не исчерпаны и возможно временное повышение энергетических ресурсов организма, что находит свое выражение в бесцельных, гиперкинетических действиях с предметами. Рассмотрим следующий пример:

[She crosses to the door and a little outside it […]. Then she comes in furiously, with an Italian curse, shutting the door with her foot or shoulder, and throws the linen down on counter. She crosses abruptly to cashbox, rings it open and discovers theft. Slams drawer violently shut.] LADY: Thief! Thief! (Williams, 1972, p. 277) / [Она идет к двери и ненадолго выходит из комнаты. Затем в ярости заходит обратно, произносит итальянское ругательство, закрывает дверь ногой или плечом и бросает белье на прилавок. Затем неуклюже идет к кассе, открывает ее и обнаруживает пропажу. С силой и злобой закрывает ящик кассы.] ЛЕДИ: Вор! Вор!

Он интересен тем, что особенности невербального поведения субъекта, находящегося во власти психофизиологического механизма, провоцирующего хаотическую модель поведения субъекта, переданы комбинацией двух компонентов невербальной системы коммуникации, а именно: а) хаотические манипуляциями с предметами (shutting the door, throws the linen, rings it open, slams the drawer) и б) хаотические перемещения в пространстве (she comes in furiously, crosses abruptly to cashbox), что позволяет автору оптимально изобразить воздействие сверхсильного эмоционального возбуждения на человека в рамках данной модели.

Следующий пример доказывает, что данный прием является одним из типичных для изображения хаотической модели поведения:

LADY [She blows the horn over and over, grotesquely mounting the stairs, as Val tries to stop her. She breaks away from him and runs up to the landing, blowing the paper horn and crying out.] I've won, I've won, Mr. Death, I'm going to bear! (Williams, 1972, p. 305) / ЛЕДИ (Снова и снова трубит в рог, гротескно поднимаясь по лестнице, а Вэл пытается ее остановить. Она вырывается и выбегает на площадку, трубя в бумажный рожок и крича.] Я победила, я победила, мистер Смерть, я вытерплю!

Как и в предыдущем примере мы вновь наблюдает комбинацию хаотических манипуляций (blows the horn over and over, blowing the paper horn) и хаотических локомоции (*breaks away from him and runs up to the landing, breaks away from him and runs up to the landing*) для изображения в авторской ремарке хаотической модели поведения при измененном состоянии сознания.

*У*никальным типом хаотической манипуляции с предметом являются бессмысленные действия, совершаемые в состоянии сверхсильного возбуждения, с несуществующими (воображаемыми), либо со сломанными объектами, например:

(rage) TONY. Goddam!… (You wait, you dirty…) [He flourishes the broken gun.] (Howard, 1941, p. 52) / (в ярости) ТОНИ. Черт побери! (Погоди, грязный…) [Он размахивает сломанным ружьем]

Прямая номинация измененного состояния сознания (*rage*) и очевидные проблемы в речепорождении, которые свидетельствуют об ослаблении контроля за речепорождением и поведением субъекта, позволяют нам интерпретировать изображаемую в ремарке манипуляцию как хаотическую (бесцельную), а не агрессивную (осознанные действия наступательного характера).

Появление у субъекта, переживающего сверхсильное эмоционально возбуждение, *поисково-настроечных манипуляции с предметами* свидетельствует об активации процесса адаптации к психогенному фактору. Существует два основных типа поисково-настроечных манипуляций с предметами.

В первом типе предмет выступает как «помощник адаптации», манипуляции с которым помогают субъекту компенсировать проблемы при перемещении в пространстве, принятии нужной

позы и т.п. Изображение данных манипуляций происходит при помощи лексем, которые имеют обобщенное денотативное значение «схватить / держать / держаться»: to grab / to grip, to hold, etc, например:

1) ELIZABETH [supporting herself against collapse, grips the bars of the window, and with a cry:] He have his goodness now. God forbid I take it from him! (Miller, 1967, p. 138) / ЭЛИЗАБЕТ [чтобы не упасть хватается за решетку окна и кричит:] У него теперь есть своя богиня! Не дай Бог мне отнять ее у него!

2) (BELINDA holds the place with her other hand, and still looking at MR. BAXTER, slowly begins to laugh--*half-laughter, half-tears, wonderingly, happily, contentedly*.)BELINDA. And I didn't know! (Milne, 1981, 24) / (БЕЛИНДА держит стол другой рукой и, все еще глядя на мистера БЭКСТЕРА, медленно начинает смеяться - *полусмехом, полуслезами, удивленно, счастливо, удовлетворенно*.) БЕЛИНДА. А я не знала!

Настроечный, адаптивный характер манипуляции с предметом в ремарке в первом примере (grips the bars of the window) становится тем более очевидным на фоне другого компонента коммуникации - непроизвольного изменения позы субъекта (*supporting herself against collapse*). При контекстуальном анализе этой ремарки стоит обратить внимание на особенности речепорождения героя драматургического произведения. Если для состояния дистресса характерны серьезные нарушения речепорождения (вплоть до обрыва речевого потока), то проблемы, которые испытывает субъект с речью в поисковом состоянии можно описать как рассогласование между внешней формой и содержанием высказывания (что, например, может внешне выглядеть как совершенно не типичное для индивидуума заикание). Рассматриваемый пример, в котором подлежащее и сказуемое не согласованы (he *have*), является, на нас взгляд, дополнительным критерием, который позволяет интерпретировать переживаемое измененное состояние сознания как поисково-настроечное.

Интересно отметить, что во втором примере автор помимо использования манипуляции с предметом в роли «помощника адаптации» (hold the place with her other hand), находит очень оригинальный способ изобразить подвижность психики субъекта по время поисково-настроечного измененного состояния сознания.

При помощи лексемы half автор предает динамику развития вегетативных невербальных признаков коммуникации (*half-laughter, half-tears*). Эту же функцию, безусловно, в ремарке выполняют наречия *wonderingly, happily, contentedly*, которые описывают сомнения, охватившие героя ремарки в это момент времени.

Второй тип поисково-настроечных манипуляций может быть представлен в авторской ремарке как действия с предметами самого разнообразного характера. Общая черта данных манипуляций - изображение манипуляции с предметом как фонового действия, при помощи которого субъект пытается рационализировать стрессогенную ситуацию, например:

[Presently Beneatha's bedroom door opens and Ruth's mouth falls and she puts down the iron in fascination.] RUTH. What have we got on tonight! (Hansberry, 1988, p.76) / [Вскоре дверь спальни Бенеаты открыватся, у Рут от удивления открывается рот и она в восхищении кладет утюг.] РУТ. И что это у нас тут есть сегодня!

Как прямая (*in fascination*), так и косвенная номинация (*Ruth's mouth falls*) в ремарке свидетельствуют о сильном эмоциональном возбуждении и необходимости включения механизмов адаптации к резко изменившейся ситуации. Фоном для этого и служит поисково-настроечная манипуляция (she puts down the iron), представленная неспецифическим действием с предметом, происходящим без нарушений, гипермобилизации или иммобилизации.

Агрессивные манипуляции представляют собой осознанные действия наступательного характера, в которых любой предмет может быть использован как оружие. Соотвественно, лексемы, которые могут быть использованы для изображения данного типа манипуляции, имеют значения «поднимать (пистолет) / схватиться (за меч), угрожать (любым предметом), бить (предметом)»: to raise a revolver / to clutch a sword, to menace / to threaten (with any object), to beat (with a broom) / to strike (with a cane), etc, например:

1) Papp (Strikes him with cane): The Papp cannot lose face! Because the Papp can doubt, can disbelieve, can question without losing - face. Only the Papp! (Cameron, 1973, p. 48) / Папп (бьет его своей тростью): Папп не может потерять лицо! Папп может сомневаться,

может не верить, может задавать вопросы, но не может потерять лицо! Только лишь Папп!

2) ENGLISH TOBY: (Angered, menaces all three with pistols) Goddamnit! (Hansberry, 1988, p.72) / АНГЛИЙСКИЙ ТОБИ: (В гневе, угрожает всем троим пистолетами) Черт возьми!

Обе ремарки является типичными для изображения агрессивно-наступательных манипуляций. При этом в первой ремарке помимо агрессивной манипуляции с предметом (strikes him with cane) в речи персонажа присутствуют признаки, позволяющие не только оценить состояние субъекта как «сильное эмоциональное возбуждение» (что выражено даже пунктуационно с помощью знаков восклицания), но отсутствуют какие-либо показатели значимых нарушений в речепорождении, что, конечно, не позволяет интерпретировать данную манипуляцию как пассивно-оборонительную. Вторая ремарка также является описанием агрессивной модели поведения при помощи изображения манипуляций с предметом (menaces all three with pistols), поскольку значение лексической единицы angered (in the state of anger) подразумевает наступательный характер совершаемых действий (anger - a strong feeling to harm, to hurt or criticize someone…. (Longman Dictionary of Contemporary English, p. 43) и не включает в себя ни одного признака, указывающего на состояние дистресса (уход из конфликта как часть пассивно-оборонительной модели поведения).

Демонстративная манипуляция и средства ее изображения выступают важным инструментом драматурга, при помощи которых он доносит до читателя или зрителя эмоциональное состояние субъекта через использование разнообразных предметов в несвойственных для них функциях. Все действия, как правило, имеют гиперкинетический характер, что находит отражение в использовании наречий и предложных оборотов типа suddenly, violently, furiously, with a sudden outburst (crescendo) of, например:

1) BILL [throws charcoal pencil across room]. No good! (Childress, 1974, p. 411) / БИЛЛ [бросает угольный карандаш в другой конец комнаты]. Это плохо!

2) DAN. (Throwing his stub into the fire in a sudden crescendo of fury) Orders, orders, orders; go here, do this, don't do that, you idiot, open the door for me, get a move on--I was never meant to take orders, never!... (EWilliams, 1935, p. 62) / ДЭН. (Бросает заглушу в огонь в неожиданном порыве ярости) Приказы, приказы, приказы; иди туда, сделай то, не делай этого, ты идиот, открой для меня дверь, сходи—Я не должен был исполнять приказы, никогда!

3) CARDIN. [Suddenly hits the side of the table with his hand]. What the hell did you do it for? (Hellman, 1941, p. 68) / КАРДИН. [Внезапно ударяет рукой по краю стола]. Какого черта ты это сделал?

Как мы видим, демонстративная манипуляция представлена самыми разными действиями, которые, тем не менее, имеют две отличительные черты:1) гиперкинетический характер манипуляций, 2) отсутствием субъекта, на который манипуляция с предметом направлена. Это, в свою очередь, позволяет отличить демонстративные манипуляции от агрессивных действий с предметами.

Выводы

Подводя итоги сказанному, возможно утверждать, что предложенная в статье классификация средств изображения (косвенной номинации) манипуляций с предметами отображает характерные признаки невербального поведения человека, переживающего измененное состояние сознания. Именно поэтому она может служить основанием для создания алгоритма идентификации типа измененного состояния состояния, основанного на контекстуальном анализе языкового материала, представленного в авторских ремарках. Данное предположение звучит более весомо, поскольку в статье были успешно решены задачи исследования.

Так, всесторонний анализ работ по невербальной коммуникации, психолингвистике, лингвистике измененных состояний сознания, а также физиологии и психологии позволил систематизировать и описать характерные признаки невербального поведения человека, переживающего то или иное аффективное состояние.

Например, состояние дистресса характеризуется дихотомией признаков «гипокенетика (иммобильность как его крайнее проявление) / гиперкенетика», которая комбинируется с такими

признаками как «ригидность (вследствие разрушения сложных моделей поведения)» и «бесцельность (хаотичность) поведения». Поисковое состояние может проявляться в невербальном поведении в следующих признаках: 1) «внезапность, резкость невербального ответа в сочетании с гиперкинетикой действия», 2) «нарушения в невербальном поведении, которые проявляются внешне» (например, покачивание при ходьбе или заикание), 3) «частые действия методического характера». Особенности поведения индивидуума, находящегося в состоянии эвстресса, находят выражение в следующих внешне наблюдаемых проявлениях: 1) «гиперкинетические действия агрессивного, наступательного характера» и 2) «гиперкенетические действия», цель которых: а) объективация (демонстрация) эмоционального состояния субъекта и б) установление (разрывание) контакта с собеседником. Для успешной дифференциации изображений манипуляций с предметами, совершаемых в состояниях дистресса и эвстресса очень важно подчеркнуть, что все действия, совершаемые индивидуумом в состоянии эвстресса, являются контролируемыми и осознанными.

Кроме того, контекстуальный анализ авторских ремарок, дефиниционный анализ лексических средств изображения и разработанная на его основе классификация средств косвенной номинации манипуляций с предметами, свидетельствует о том, что средства их описания на английском языке делают возможной однозначную идентификацию типа измененного состояния сознания персонажа пьесы. Данная классификация включает следующие средства изображения манипуляций с предметами: 1) манипуляций аффективного ступора, 2) манипуляций, сигнализирующих о регрессе сложной модели поведения, 3) пассивно-оборонительных манипуляций, 4) хаотических манипуляций, 5) поисково-настроечных манипуляций, 6) агрессивных манипуляций, 7) демонстративных манипуляций с предметами. Это дает нам право утверждать, что классификация средств косвенной номинации (изображения) манипуляция с предметами, которую мы предлагаем в статье, может стать основой алгоритма идентификации типа измененного состояния сознания и внести существенный вклад как в дальнейшее развитие

лингвистики измененных состояний сознания, так и целого ряда других наук.

В качестве перспективы исследования авторы видят создание алгоритма идентификации типа измененного состояния сознания, основанного на анализе средств косвенной номинации не одного компонента невербальной коммуникации, а целых ансамблей невербальных компонентов коммуникации, что, безусловно, в будущем повысит надежность создаваемого алгоритма.

Литература

1. Величко Л.Ф. Методический аспект паралингвистических характеристик устной иноязычной речи: автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 1982.
2. Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 87-95.
3. Жариков Н.М., Морозов Г.В., Христинин Д.Ф. Судебная психиатрия. М., 1999.
4. Калашник Я.М. Судебная психиатрия. М., 1961.
5. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М., 2001.
6. Лабунская В.А. Невербальное поведение. Ростов, 1986.
7. Лебедев В.И. Особенности психической деятельности в измененных условиях существования: автореф. дис. ... докт. мед. наук. М., 1983.
8. Медведев В.И. Устойчивость физиологических и психологических функций человека при действии экстремальных факторов. М., 1982.
9. Мид Дж. Г. Избранное: Сборник переводов. М., 2009.
10. Орбели Л.А. Вопросы эволюционной физиологии: доклад. Избранные труды в 5-ти томах. Т.1. М.-Л., 1961. С. 152-165.
11. Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Поисковая активность и адаптация. М., 1984.
12. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса (на материале английского языка): дис … д-ра филол. наук. М., 2004.
13. Ситковская О.Д. Судебно-психологическая экспертиза аффекта (методическое пособие). М., 1983.
14. Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. М., 1975.

15. Шаврулидзе Т.Г. Аффект и уголовная ответственность. Тбилиси, 1973.
16. Шаховский В.И. Категоризация эмоции в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
17. Hall E. T. The Silent Language. New York, 1959.
18. Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Limited. 3rd edition. 2000.
19. Mehrabian A. et al. Silent messages. Belmont, 1971. Т. 8. №. 152. С. 30.

References

Fress, P., & Piazhe, Zh. (1975). *Eksperimental'naya psihologiya* [Experimental psychology]. Moscow.

Gak, V.G. (1997) Emocii i ocenki v strukture vyskazyvaniya i teksta [Emotions and evaluations in the structure of the utterance and text]. *Scientific letters of Moscow State University, Philology, 3,* 87-95.

Hall, E. T. (1959). *The Silent Language*. New York.

Kalashnik, Ya.M. (1961). *Sudebnaya psihiatriya [Forensic psychiatry].* Moscow.

Krejdlin, G.E. (2001). *Neverbal'naya semiotika [Non-verbal semiotics].* Moscow.

Labunskaya, V.A. (1986). *Neverbal'noe povedenie [Non-verbal behaviour].* Rostov.

Lebedev, V.I. (1983). O*sobennosti psihicheskoj deyatel'nosti v izmenennyh usloviyah sushchestvovaniya [Peculiarities of mental activity in altered conditions of existence].* (Doctoral dissertation abstract, Moscow).

Longman Dictionary of Contemporary English. (2000). Pearson Education Limited.

Medvedev, V.I. (1982). *Ustojchivost' fiziologicheskih i psihologicheskih funkcij cheloveka pri dejstvii ekstremal'nyh faktorov [Stability of physiological and psychological functions of a person under the influence of extreme factors].* Moscow.

Mehrabian, A. et al. (1971). Silent messages. *Belmont, 8(152), 30.*

Mid, Dzh. G. (2009). *Izbrannoe: Sbornik perevodov [Selected translated papers].* Moscow.

Orbeli, L.A. (1961). Voprosy evolyucionnoj fiziologii: doklad. [Questions of evolutionary physiology: report]. In *Collected papers, 1,* 152-165.

Rotenberg, V.S., & Arshavskij, V.V. (1984). *Poiskovaya aktivnost' i adaptaciya [Search activity and adaptation]*, Moscow.

Shahovskij, V.I. (1987). *Kategorizaciya emocii v leksiko-semanticheskoj sisteme yazyka [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of the language].* Voronezh.

Shavrulidze, T.G. (1973). *Affekt i ugolovnaya otvetstvennost' [Affect and criminal liability*]. Tbilisi.

Sineokova, T.N. (2004). *Paradigmatika emocional'nogo sintaksisa (na materiale anglijskogo yazyka) [Paradigmatics of emotional syntax (based on the material of the English language)].* (Doctoral dissertation thesis, Moscow, Russia).

Sitkovskaya, O.D. (1983). *Sudebno-psihologicheskaya ekspertiza affekta (metodicheskoe posobie) [Forensic-psychological examination of an affect (methodological guide)].* Moscow.

Velichko, L.F. (1982). *Metodicheskij aspekt paralingvisticheskih harakteristik ustnoj inoyazychnoj rechi [Methodical aspect of paralinguistic characteristics of oral foreign speech].* (Candidate thesis abstract, Moscow).

Zharikov, N.M., Morozov, G.V., & Hristinin, D.F. (1999). *Sudebnaya psihiatriya [Forensic psychiatry].* Moscow.

УДК 811.111:003.086
https://doi.org/10.25076/vpl.50.04
М. А. Салькова
Московский государственный лингвистический университет

ДИНАМИКА ПУНКТУАЦИОННОЙ НОРМЫ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОТДЕЛЯЮЩЕЙ ТОЧКИ

В статье обсуждаются вопросы качественного изменения современной англоязычной пунктуационной нормы на примере одного из традиционных знаков препинания – отделяющей точки, которая приобретает статус необлигаторного способа графического оформления краткого сообщения в информационном режиме messaging. В то время как обращение к англоязычной пунктуации не является характерным для лингвистических исследований в отечественной науке, перенос разнообразных форм коммуникации в виртуальную среду превращает пунктуацию в значимое предметное поле для изучения с применением эффективной функционально-когнитивной методологии. Анализ функциональных характеристик отделяющей точки показал, что в «устной письменной речи» интернета она выполняет не столько традиционную задачу смыслоразличительного членения письменного речевого потока, сколько риторический потенциал, состоящий в возможности прервать коммуникацию. При ведении диалога онлайн в отсутствие необходимых социально-прагматических ключей, важных для понимания установок собеседника, отделяющая точка начинает приоритетно ассоциироваться с передачей негативных эмоций и не используется в статистически значимом количестве случаев. Обсуждаются также иные причины отказа от отделяющей точки. Отмечено возникновение своеобразной «пунктуационной

© Салькова М. А., 2023
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

синонимии», когда пользователи принимают решение в пользу возможных альтернативных пунктуационных решений, чему в значительной мере способствуют возможности информационных технологий. Таким образом, на сегодняшний день в интернет-коммуникации наметилась выраженная динамика пунктуационной нормы на фоне общей тенденции к демократизации оформления письменного сообщения. Вместе с тем «упаковочный» характер пунктуации и ее принадлежность к т.н. «цифровому языку тела» связывают перспективы отделяющей точки с понятием уместности языкового знака, что в итоге определит направление развития пунктуационного правила, регламентирующего способ завершения высказывания.

Ключевые слова: отделяющая точка, пунктуация, пунктуационная норма, альтернативные пунктуационные решения, «устная письменная речь», messaging, «упаковка», негативные эмоции, уместность

UDC 811.111:003.086
https://doi.org/10.25076/vpl.50.04
M. A. Salkova
Moscow State Linguistic University

DYNAMISM OF PUNCTUATION NORM IN INTERNET COMMUNICATION: FUNCTIONING OF PERIOD

The article discusses qualitative changes in modern English punctuation norm exemplified by one of the traditional punctuation marks, the period, the latter gradually becoming arbitrary at the end of an electronic message. While interest to English punctuation is hardly characteristic of Russian linguistics, development of virtual communication has turned punctuation into a topical field of research, where functional-and-cognitive methodology is effectively applied. Analysis of functional properties of the period has shown that in internet-specific 'oral written speech' it is no longer popular for meaning segmentation, but it is rather used rhetorically, mainly to terminate communicative exchange. In online dialogue, where meaningful social and pragmatic clues relevant for grasping the partner's intentions are missing, the period grows primarily associated with conveying negative emotions, which results in absence of statistically significant frequency.

Other possible reasons for the absence of sentence final punctuation are also given a critical overview. A possibility of punctuation synonymy is suggested; it springs from language users punctuating alternatively, often via information technologies. Thus, today's internet communication clearly signals dynamism of punctuation norm, which is part of the more general tendency towards a more democratic way of punctuating written utterances. Adding to the perspectives for the period is the 'packaging' potential of punctuation marks and their novel functionality as part of 'digital body language'; both contribute to appropriateness that a language sign must have in use. This intricate combination will eventually determine the development of the punctuation rule that is to be used to complete an utterance.

Keywords: period, punctuation, punctuation norm, alternative punctuation, "oral written speech", messaging, "packaging", negative emotions, appropriateness

Введение

Вопросы пунктуационного оформления текста не утрачивают актуальности с развитием и изменением коммуникативных форматов: общение, перенесенное в виртуальную среду электронного почтового обмена, социальных сетей, разнообразных мессенджеров и т.п., по-прежнему нуждается в письменном коде, и, следовательно, в знаках пунктуации (Dubrovskaya & Yuskaeva, 2022). Распространенность и сложность сетевого взаимодействия объясняют повышенный интерес ученых именно к этой реальности. Так, результаты исследования, проведенного компанией We Are Social в 2022 г. свидетельствуют о том, что среднестатистический житель планеты проводит онлайн почти 7 часов ежедневно: «…we now spend more than 3 full days using social media each month, equating to roughly 15 percent of our waking lives» (Digital 2022: July Global Statshot Report).

Став неотъемлемой частью жизни человека, цифровая коммуникация протекает далеко не безоблачно. Так, автор книги «Цифровой язык тела» Эрика Дхаван (Dhawan, 2021), бизнес-консультант по вопросам развития инноваций, создания ценностей и взаимодействия между сотрудниками, описывает собственное исследование американских компаний, согласно которому «из 2 тысяч сотрудников и менеджеров, участвовавших в опросе, 70%

считают, что проблемы в цифровом общении часто препятствуют эффективной работе. Это приводит к потере около четырех часов еженедельно, что составляет 10% от обычной рабочей недели» (Dhawan, 2021, http).

В обозначенном контексте уместным будет предположить, что подобные неэффективные цифровые взаимодействия могут возникать в том числе из-за неясной пунктуации либо из-за того, что постоянное и стремительное обновление коммуникативных режимов и форматов ведет к переоценке даже наиболее простых и привычных действий по оформлению сообщений (Tivyaeva & Abdulmianova, 2023). Именно поэтому в качестве объекта изучения была избрана т. н. отделяющая точка.

Небольшой интерес отечественных лингвистов к пунктуации в английском языке объясним. Действительно, в предыдущий период пунктуационные правила традиционно, но без должной детализации и объяснительности включались во многие руководства по грамматике. Однако отличаясь от организованности и системности русскоязычной пунктуации, расстановка знаков препинания в англоязычных текстах имеет выраженные признаки субъективности, как групповой – в виде политики издательских домов, так и индивидуальной – в виде частных семантических установок конкретного автора (Резник, Сорокина, Казарицкая, 1996, с. 221; Norris, 2015, p. 46; Nordquist, 2018). Сегодня обращает на себя внимание тот факт, что согласно традиции формирования языковой политики в англоязычном сообществе знакам препинания («учению о силе точек» или «точечном разуме») посвящают статьи авторы и редакторы качественной британской и американской прессы (The Guardian, The Daily Mail, The Washington Post, NPR, The New York Times и др.), пишут журналы «Коммерсант» и «Эксперт», «Гарвард Бизнес Ревю», «Look at Me» и «New Republic», рассуждают колумнисты лингвистического департамента службы BBC, блогеры Лаборатории Касперского и профессионального виртуального сообщества Freelance Today, создатели и подписчики Telegram-канала «Цифровой этикет», высказываются авторитетные лингвисты из отечественных и зарубежных университетов (см. например, (Трасс, 2006; Baron, 2008; Cress, 2003; Crystal, 2008, Dendrinos, 2018) и др.).

Таким образом, рассуждения ниже сосредоточены в области критики языка, которая свойственна человеку в силу самого факта владения языком. «Более того, если учесть, что оживление критики языка происходит периодически, то сам факт такого оживления является значимым, он характеризует определённое состояние языка (и общества) и определённые процессы в языке. Общественную критику языка следует признать важным лингвистическим или, по крайней мере, социолингвистическим фактором» (Кронгауз, 1999).

Увязывая идеи социального в существовании языка вообще, его отдельных единиц и языковой рефлексии, обозначим интересы пунктуации, которые Н. С. Валгина рассматривает именно в этом ключе: «Обслуживая потребности письменного общения, пунктуация имеет четкое назначение – передать читающему смысл написанного таким, каким он воспроизводится пишущим. А это возможно лишь при условии одинакового понимания ими значений отдельных знаков. Именно в этом смысле можно считать пунктуацию явлением социальным» (Валгина, 2004).

Отсюда – вывод о том, что мы обращается к общественно значимой лингвистической проблематике.

Методология

Настоящая статья, посвященная частному вопросу пунктуационного оформления сообщений в интернет-коммуникации, вписывается в установки функционально-когнитивного направления лингвистической мысли, в том числе позволяя по-новому взглянуть на начавшуюся еще в античности дискуссию о нормативности и аномальности в языковой и речевой деятельности человека. Кардинальное изменение облика современной коммуникации, ее переноса в онлайн и формирование уникального гибрида устной и письменной речи предполагает, по крайней мере, частичный пересмотр антиномии нормы и не-нормы, учета совокупности языковых и неязыковых факторов и смещение акцентов лингвистического описания в сторону динамического характера бытия языковых знаков, реализующих актуальные когнитивные и коммуникативные потребности пользователей (Aleksandrova, Mendzheritskaya, & Malakhova, 2017).

Обозначенная в названии проблема также попадает в круг интересов лингвистической философии, которая видит основным

объектом языковой рефлексии обыденный язык во всех его реальных проявлениях. Именно этот подход, обозначенный Оксфордской лингво-философской школой, стимулировал прогресс лингвистической науки в середине прошлого века: лингвисты получили своеобразный карт-бланш для рассмотрения и стандартных, и нестандартных решений коммуникантов.

Пунктуация и пунктуационная норма: статическая и динамическая трактовки

В отношении термина пунктуация (от лат. *punctum*, т.е. точка) в лингвистике сформировано устойчивое представление о том, что «он означает, во-первых, собрание правил расстановки знаков препинания и, во-вторых, сами знаки препинания, используемые в письменной речи для указания на ее расчленение, их систему» (Валгина, 2004). Использование знаков препинания безусловно функционально (т. е. целеположено), поскольку оно компенсирует недостаточность либо отсутствие определенных морфологических и синтаксических маркеров смыслового членения текста; в качестве способов синтаксического оформления текста на письме они «облегчают его зрительное восприятие и понимание, а при воспроизведении текста вслух помогают осуществить его интонационное оформление» (ibid.). Функциональность пунктуационных знаков для передачи смысла сохраняется в отсутствие вербального текста: ~~How dare you talk to me like that~~**?!?** – ~~I do~~**!!!**

Кодификация пунктуационного оформления письменного текста, сопровождающая становление литературных языков, имела своим следствием возникновение пунктуационной нормы, которая, в сочетании с орфографической нормой, определила стандартный графический облик современной письменной речи. В статическом смысле, в качестве свода правил, регламентирующих расстановку знаков препинания, пунктуация получила объективный и эксплицитный статус языкового явления общественно одобренного и обязательного к употреблению в общественно-речевой практике. Таким образом, в высшем социальном смысле правильность, то есть традиционность и единообразие в использовании пунктуации «способствовали совершенствованию письменного языка как орудия культуры» (ЛЭС 1990, с. 338).

Определенная парадоксальность нормы состоит в том, что, определяя функциональную стабильность языковой системы и отдельного языкового явления, но имея сферой своей реализации речь, она одновременно носит динамический характер, сочетая, таким образом, ретроспективно-актуализированное и потенциальное (Петрова, 2013, с. 4). Применительно к пунктуации эта особенность раскрывается в том, что, если ее функциональным предназначением является смысловое членение высказывания, предусмотреть все возможные варианты смыслов практически не представляется возможным, как и не представляется возможным создать действительно исчерпывающий список правил, запретов, предписаний и рекомендаций. Можно также сказать, что соучастие пунктуации в передаче смысла коммуникации прогнозирует «цели, выходящие за пределы языкового знака» (ЛЭС 1990, с. 391).

Исторический, лингвистический и профессиональный фон изменений в использовании пунктуации

С появлением информационных технологий облик современной коммуникации разительно изменился. Практически, самой востребованной сегодня оказывается интернет-коммуникация, которая была обозначена Д. Кристалом как «устная письменная речь» (Crystal, 2004). И хотя термин несет в себе явное противоречие, успешнее него ничего не зафиксировало тот результат, который принесли в общественную жизнь технологические факторы, начавшие свое влияние задолго до массового освоения компьютеров.

Так, тенденцию к сближению письменной коммуникации с устной в языке официальных документов различных компаний и государственных организаций отмечал Дж. Лакофф в 1982 г. (Lakoff, 1982). Изучение лингвистической составляющей концепции Plain Language в США и попыток реформировать технический, бюрократический и юридический язык в Великобритании также демонстрирует смещение в сторону устной речи (Redish, Selzer, 1985). Данная идеология упрощения коммуникации повлияла на обучение письменной речи, где, по выражению авторитетного исследователя общения онлайн Н. Барон, профессора лингвистики Департамента мировых языков и культур Американского университета в Вашингтоне, округ

Колумбия, “the teaching of writing fostered a more oral style” (цитируется по: Maybin, Swann, 2010).

Употребление отделяющей точки в спонтанной «устной письменной речи» (texting / messaging): результаты

В действительности, дело обстоит гораздо сложнее. Принципиальные «свойства устной речи: неподготовленность, линейный характер, ведущий как к экономии, так и к избыточности речевых средств» (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 407) повлияли на характер восприятия письменного сообщения: нормативное пунктуационное оформление высказывания кажется не просто избыточным, но также вызывает негативную реакцию, и наоборот, экономия, граничащая с безграмотностью, получает одобрение и поддержку в глобальном языковом сообществе. А это значит, что в нормативной пунктуации формируется то, что в истории принято называть «революционная ситуация».

Обратимся к коммуникативному режиму messaging, или texting (подробнее ниже) и рассмотрим использование в нем т. н. отделяющей точки – одного из первых одиночных пунктуационных знаков, возникших и закрепившихся в период становления письменного общения и упорядоченных языковедами, кодифицирующими языковые нормы. Отметим, что в отношении указанного знака англоязычные грамматики используют достаточно пестрый набор терминов (full stop, period, point), что уже само по себе становится указанием на возможные сложности. Тем не менее, до недавнего времени функциональность точки казалась аксиоматичной для письменного текстообразования: точка ставится в конце предложения как структурно-синтаксической единицы и отвечает за членимость высказывания на относительно свободные семантико-грамматические фрагменты (Валгина, Розенталь, Фомина, 2002). Однако автор знаменитой книги «Казнить нельзя помиловать» Л. Трасс эмоционально комментирует эту нормативную установку: «…увы! Даже судьба таких надежных и недвусмысленных знаков, как точка, внушает опасения. Молодежь теперь, видите ли, называет точку dot и пишет после нее слова со строчной буквы и без пробела» (Трасс, 2006, с. 30-31).

Коммуникация в режиме messaging (в качестве синонима также называемого texting, описывающего лингвистический аспект

генерирования сообщения) предполагает 1) отправку SMS/MMS-сообщений – предустановленной в мобильных устройствах возможности обмениваться текстовыми сообщениями между пользователями сотовой сети, и 2) использование программ-мессенджеров – приложений к основному программному обеспечению, установленному на телефоне, которые также позволяют пользователям вести коммуникацию в текстовой или иной доступной форме (Cambridge Dictionary Online; Crystal, 2008, p. 182, 187). Таким образом, messaging / SMS / texting имеет собственную специфику: краткие сообщения-тексты, где активно используются сокращенные либо усеченные формы слов, – это образцы спонтанной «устной письменной речи», опосредованные технологиями; соответственно, такие тексты сочетают и свойства обоих речевых режимов.

Изучение русскоязычных и англоязычных источников и систематизация наблюдений в отношении упомянутых языковых материалов, находящихся в открытом доступе по поиску браузера Google и примеров в периодических и учебных изданиях, показывает следующее: «классическая» пунктуация в интернете не работает, и отделяющая точка сегодня существует как необязательный знак препинания в сетевой речи, как пунктуационное излишество. Доказательной видится следующая статистика.

Исследование, которое организовала в 2015 г. Селия Клин, доцент Бингемптонского университета, штат Нью-Йорк, и провела вместе с командой психологов, показывает, что отделяющая точка в абсолютном конце текстовых сообщений указанного типа (sentence-final punctuation) используется студентами только в 39% случаев. В частности, респондентам предлагали дать односложные утвердительные ответы (“Okay,” “Sure,” “Yeah” or “Yup.”) на стимулы следующего типа: “Dave gave me his extra tickets. Wanna come?”

Рис. 1. Study: Text messages that end in a period seen as less sincere. https://www.eurekalert.org/news-releases/570442

В другой части эксперимента, где респондентам предоставлялась возможность использовать большее разнообразие знаков препинания, было установлено, что между предложениями внутри текста показатели (transmission-final punctuation) еще ниже. Здесь отделяющая точка обнаружена всего в 29% текстов (Gunraj et al., 2016, Study, 2015; Study, 2017).

Независимое исследование, описанное профессором Наоми Барон, продемонстрировало, что обучающиеся американских колледжей и студенты Мичиганского университета (преимущественно девушки), обнаружило отсутствие отделяющей точки (и иной пунктуации) в повествовательных предложениях в абсолютном конце предложения (sentence-final punctuation) в 65 / 71% случаев, внутри текста (transmission-final punctuation) в 22 / 46% случаев. От общего числа предложений в текстах пунктуация отсутствовала в 55 / 61% случаев. Исследователь также отметила, что по отношению к остальным пунктуационным знакам все студенты проявляли разумную прагматичность (Baron, 2008, pp. 156, 159).

В целом, эти наблюдения совпадают с утверждением лингвиста-популяризатора Кита Хьюстона, сотрудничающего в качестве автора с качественными медийными ресурсами, о том, что точку в конце сообщений не ставят больше половины пользователей интернета (Houston, 2013).

Причины изменений

Причины отсутствия точки, как видится, довольно разнообразны и далеко не все из них прямо связаны с интересами лингвистической науки. Кроме того, заслуживают внимания изменения в тех ситуациях, когда точка все-таки используется для завершения высказывания.

Так, существуют причины техногенного характера, к которому присоединяется экономическая составляющая: используя точку, пользователь может не уложиться в требуемое количество знаков (например, лимит для поста в Twitter - 140 знаков, для SMS - 160 знаков). В случае превышения лимита из тарифа пользователя может быть списано несколько сообщений, что не всегда выгодно.

Несколько иначе звучит прагматически ориентированное объяснение отказа от пунктуации специалистов Лаборатории Касперского о том, что язык бессмысленно бальзамировать – «Язык просто следует за изменениями в жизни. А жизнь стала быстрой и суматошной. <…> Новое время — новые правила» (Бирюков, 2015). В условиях многозадачности использование точки противоречит экономии языковых средств и времени в диалоге. Этим же вполне возможно объяснить отсутствие капитализации в начале предложения (пример из (Feltman, 2015)):

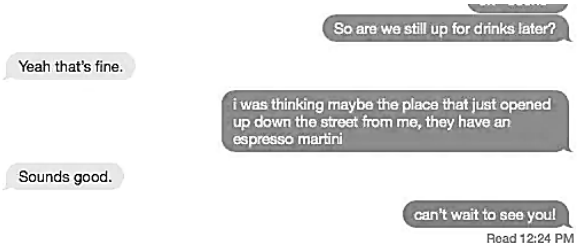

Рис 2. Пример отсутствия капитализации

В коммуникативном смысле отсутствие капитализации на фоне отсутствия точки взаимосвязаны: если состоятельна экономия усилий по финализации предложения, так же логично не выделять его начало. Обратившись к собеседнику, мы очевидно начнем предложение с самого его начала, как бы ни выглядела запись.

Под другим углом эту же идею трактует автор книги о корректном поведении в сети (Лукинова, 2020), создатель Telegram-канала «Цифровой этикет», преподаватель РАНХиГС О. Лукинова.

Она формирует представление о необлигаторности точки, объединяя прагматические, когнитивные и лингвистические причины: точка самоочевидна как признак законченности мысли, а отправка сообщения является показателем того, что мысль состоялась. Коммуникативную эффективность отсутствия отделяющей точки подчеркивает редактор The Awl, веб-сайта о «новостях, идеях и малоизвестных мелочах Интернета дня», базирующегося в Нью-Йорке и ранее работавшего под девизом «Будь менее глупым». Журналист полагает, что предложения, оставленные без пунктуации, «очень привлекательны – они нейтральны и оставляют ощущение продолжающегося диалога, хотя этого в действительности не происходит» (Crair, 2013; Мухатаев, 2015).

Оригинальную трактовку отказа от точки предложила Эрика Дхаван, исследование которой упоминалось выше. По ее мнению, под «цифровым языком тела» можно понимать целый ряд невербальных сигналов, которые собеседник может так или иначе считывать: точку, восклицательный знак или отсутствие знака препинания в конце предложения, использование эмодзи или их отсутствие, скорость ответа и т. д. Придерживаясь коммуникативного понимания пунктуации, Э. Дхаван утверждает, что точка, как и ее отсутствие, способны репрезентировать «новые способы передачи энергетики коммуникантов и их эмоций» (Dhawan, 2021).

С указанной позиции, если теперь точка появляется там, где она по складывающейся коммуникативной традиции должна отсутствовать, возникает особая модальность коммуникации. Возможных интерпретаций последней достаточно много, например:

- нежелание общаться, грубость (Shall I tell you about the excursion? – I don’t care.)
- категоричность (You’ll do as I tell you.)
- напряженность (Let’s talk.)
- упрек (You might have called.)
- обида, гнев (Will you keep your promise.)
- утрированная серьезность разговора (Mom won’t be pleased.)
- холодность (It was a joke 😏 – I see.)

- строгость (Can I come later? – Ok.)

Сравним также:

- “Thanks” vs. “Thanks.”
- “No” vs. “No.”
- “It’s fine” vs. “It’s fine.”

В любом случае, наличие точки, которую один из блогеров Лаборатории Касперского остроумно назвал «точкой резкости» (Бирюков, 2015), большинство исследователей связывают с неприятным тоном разговора, повышенным коммуникативным дискомфортом вплоть до возникновения конфликта – неслучайно слово «точка» этимологически опирается на глагол «ткнуть» (Crair, 2013; Мухатаев 2015; Жарый, 2019; Силко 2019).

Психолингвисты и лингвоконфликтологи предлагают свое объяснение негативной реакции на точку. Канадский лингвист Гретхен Маккаллох объясняет, что в звучащей речи приближение к точке для обозначения конца предложения, как правило, отмечается понижением голоса (McCulloch, 2019). В свою очередь, нисходящий тон является интонационным сигналом серьезности собеседников, это особенно заметно в условиях формального диалога и, чаще всего, не вызывает негативных эмоций. Негативная коннотация отделяющей точки становится очевидной в ситуации, где возникает противоречие между позитивным содержанием сообщения и выраженной серьезностью в форме подачи этого сообщения, вплоть до ощущения пассивной агрессии (пример из (Pan Jie, 2018)):

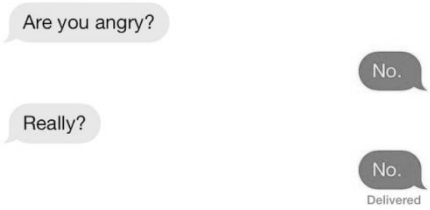

Рис. 3. Негативная коннотация отделяющей точки

Дополняющие статистику о наличии / отсутствии отделяющей точки комментарии респондентов, проанализированные специалистами Бингемптонского университета (см. выше), показали, что отделяющая точка в конце сообщения негативно

влияет на коммуникацию: собеседники подвергают сомнению искренность диалога, испытывают в нем ощущение фальши, приписывают партнеру скрытность. Авторы Бингемптонского эксперимента, как и создатель термина «цифровой язык тела» Э. Дхаван утверждают, что непосредственное общение в значительной мере привлекает к интерпретации речи невербальные данные, особенно при считывании эмоций: мимику, взгляд, жестикуляцию, положение лица и тела и т. д. Иными словами, общение оффлайн предоставляет коммуникантам ресурсы, которые отсутствуют в электронной переписке. Таким образом, даже базовая общеизвестная пунктуация подвергается реинтерпретации (Feltman, 2015; Study, 2017).

Близкую к обозначенной выше позицию занимает сотрудник Русской службы BBC, переводчик М. Трубицина: «В переписке мы опираемся на то, что у всех нас есть общий набор символов для завершения сообщения: эмодзи и скобки, знак вопроса, восклицательный знак, точка и ничего для подчёркнуто нейтрального тона. Выбор диктуется вкладываемой эмоцией, и поэтому точку уже сложно воспринять как простую приверженность письменной традиции» (BBC News Русская служба, 2019).

Особый взгляд на причины отказа от пунктуации предлагают исследователи, связывающие частоту использования интернета и возрастные характеристики коммуникантов. При этом попытка прямого переноса правил создания письменной речи, в том числе правил пунктуации в интернет-дискурс получила название «эффекта цифрового мигранта». В этом же ключе в качестве возможной причины неиспользования правила отделяющей точки можно рассматривать и возрастную конфликтность младшего поколения пользователей, когда отказ от правил, от стереотипов любого типа становится отражением подросткового бунтарства. По отношению к этим группам избыточная и утонченная правильность пунктуации заставит собеседника почувствовать недостаток образования или профессиональных навыков, почувствовать высокомерное отношение со стороны партнера (Силко, 2019) (пример из (Harrison-Caldwell, 2021):

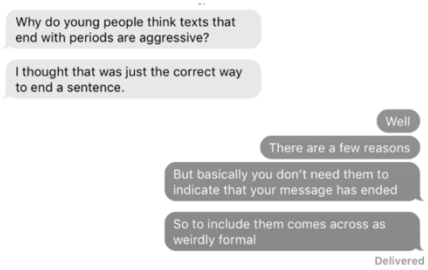

Рис 4. Возрастной аспект употребления точки

Однако возможен и иной взгляд на пунктуацию в messaging / texting со стороны молодежи – альтернативные комплексные пунктуационные решения отражают стремление к творческому эксперименту и новизне, которые стимулируют цифровые технологии (Dean, 2019). Так, например, устойчивостью характеризуются следующие варианты выражения согласия или одобрения:

Ok (нейтральное отношение)

Ok. (отделяющая точка – признак встревоженности)

Ok 👍 (одобрение ситуации в целом, разделяемая эмоция, эмпатия)

Ok 😒 (согласие с элементом раздражения или саркастическое отношение)

Ok 👏 (энтузиастическая поддержка)

Ok 😘 (поддержка, характерная для отношений эмоционально близких, приязненных, например, у влюбленных)

Ok 🙃 (решение для искушенных пользователей, в значении «ситуация не вызывает ощущения сенсации или душевного трепета, но поддержу тебя улыбкой»)

В результате, решения по пунктуационному оформлению предложения постепенно приобретают предсказуемость, узнаваемость и, что особенно важно, популярность среди все большего числа пользователей, которые вовлекаются в эту довольно безобидную коммуникативную игру, так что лингвисты, регистрирующие признаки регулярности новой пунктации, уже начинают разговор о ее систематизации по отношению к знакам

эмотикона: «children of the future may be learning about proper emoji structure at school instead of punctuation» (O'Neil, 2015).

Альтернативные пунктуационные решения?

Из сказанного следует, что, оформляя коммуникацию в сетевом пространстве, участники общения, во-первых, имеют возможность выбора между точкой и ее отсутствием. Это, в частности, означает, что режим messaging в сочетании с общекоммуникативной ориентированностью на успешность взаимодействия порождает вариативность, причем вариант традиционный, но несущий чаще всего негативную коннотацию, будет наименее востребованным. Во-вторых, появление «значимого отсутствия точки» в сетевом коммуникативном режиме становится источником своего рода «пунктуационной синонимии», когда в конце сообщения используются либо функционально близкие, при этом лишенные негативной коннотации пунктуационные знаки (запятые, многоточия, популярное у старшего поколения пользователей (Mallenbaum, 2020), либо графические решения (знаки эмотикона), либо функции клавиатуры (операция ENTER). При этом нужно отметить, что каждая из обозначенных возможностей привносит в диалог собственный коммуникативный вклад. Например, замена точки многоточием выполняет, по крайней мере, две функции: 1) придает кажущуюся или реальную глубину диалогу и 2) сближает диалог со спонтанной вербальной коммуникацией, где неизбежно возникают хезитационные паузы, различные звуковые заполнители типа *Эээ, Ну, Как бы это сказать*… Но на самом деле без них речь становится неуютной, искусственной, стерильной. Многоточия позволяют задать комфортный ритм пауз в разговоре, сгладить излишнюю прямоту, убавить накал, особенно если тема побуждает к эмоциональным реакциям. Аналогичным образом можно воспринимать запятую, графическая форма которой в визуально-метафорическом смысле предстает в виде крючка, за которые цепляются связанные воедино замыслом автора текста фрагменты предложения:

gdfaldferytqen lkug ytr,

• = запятая

kjhrfemnc eq kjg gcd,

• = запятая

Рис. 5. Использование запятой

Оформление сообщения в виде графически автономного фрагмента текста (line break), возникающего после нажатия клавиши ENTER, становится невербальной имитацией речевого ритма (Crair, 2015); к тому же данное действие более чем технологично и в этом смысле естественно для коммуникации, опосредованной гаджетами:

gdfaldferytqen lkug ytr

• = ENTER

kjhrfemnc eq kjg gcd

• = ENTER

Рис. 6. Использование line break

Знаки эмотикона как один из возможных вариантов финализации высказывания требуют самостоятельного описания, хотя они стали неотъемлемой частью интернет-общения и вполне ожидаемы. Здесь ограничимся лишь несколькими уместными замечаниями от специалистов эмодзи-маркетинга и бизнес-коммуникации. Они единодушны в том, что в отношении значков эмотикона необходима предельная осторожность и умеренность, поскольку профессиональный текст, используемый, например, в коммуникации бренда и переполненный графической символикой, утрачивает понятность и серьезность для 90% пользователей. Обращает на себя внимание и тот факт, что грустные и сердитые эмодзи обнаруживаются, в основном, в разговорах, где партнеры

имеют короткую коммуникативную дистанцию, а позитивные – практически в любых коммуникативных обменах (Жарый, 2019).

Отделяющая точка и «упаковка» смысла

Переводя сказанное выше на язык современной функционально-когнитивной науки, дополняющей теорию коммуникации, мы можем заключить, что сегодняшний пользователь - создатель текстовых сообщений, имеет довольно отчетливое, хотя и всего лишь интуитивное представление о пунктуационной синонимии: одна и та же ситуация действительности (завершение сообщения) обозначается языковыми и иными средствами по-разному. При этом идея негативизма, идущего от сообщения с точкой, связана с вопросом восприятия сообщения, но есть и создатель сообщения, роль которого не учитывалась в экспериментах, описанных выше. Если рассмотреть действия отправителя сообщения, логично предположить, что выбор способа обозначения завершенности связан с двумя тесно взаимосвязанными факторами: «каким образом сам пишущий воспринимает и оценивает ситуацию, вынесенную на обсуждение, и каким образом он хочет ее репрезентировать своему собеседнику» (Кобрина и др., 2009, с. 194). Такая постановка вопроса адресует нас к идее «упаковки» информации, предложенной У. Чейфом (Чейф, 1982), планирования дискурса и фрейминга как встраивания смысла в каждый компонент коммуникации от самого простого языкового решения до глобального социального контекста в трактовке Г. Кресса (Cress, 2003).

Терминологическое обозначение «упаковка» и механизм «упаковочного» процесса, находящие выражение в поверхностной графической форме итогового текста, применительно к пунктуации позволяют визуализировать смысловые акценты и доминирующие коммуникативные установки, или речевые интенции отправителя сообщения (Malyuga & Aleksandrova, 2022). Вслед за лингвистами-когнитологами мы рассматриваем пунктуационную «упаковку» информации с помощью отделяющей точки или без нее как реализацию одной из трех возможностей.

1. Возможность фокусировки, которая представляет собой попытку заставить реципиента сконцентрироваться на каждом фрагменте информации при его дробной подаче. Так, в примере You. Must. Be. Joking в сочетании с общей информационной

установкой текста на недоверие к происходящему отправитель грамматически последовательно придает вес и особую значимость исполнителю действия, модальности сообщения, актуализированности действия в текущем коммуникативном контексте. Хрестоматийным примером фокусировки с помощью пунктуации и капитализации эллиптических предложений можно считать острый рекламный слоган компании – производителя шоколада Ritter-Sport «Quadratisch. Praktisch. Gut.» (ср. Вариант Quadratisch, praktisch, gut, оставляющий впечатление обыденного нейтрального сообщения). Аналогичную картину на материале русского языка можно наблюдать, сравнивая знаменитое «Пришел. Увидел. Победил.» и «Пришел, увидел, победил».

2. Возможность перспективизации предполагает векторное иконически направленное конструирование речевого сегмента с целью задать реципиенту модус восприятия продолжения высказывания. Перспективизация имеет катафорическую направленность и особенно заметна в текстовом формате, то есть при наличии дальнейшего развития текста. Показателен в этом смысле выбор вариантов пунктуации в следующем обмене сообщениями (пример из (Crair, 2013)):

‘Boy: I know we made a reservation for your bday tonight but wouldn’t it be more romantic if we ate in instead?’

Если в конце ответной реплики не обнаруживается отделяющая точка (Girl: we could do that Ø), это означает готовность к продолжению диалога, то есть отсутствие точки становится сигналом коммуникативно благоприятного развития событий. Если же к оформлению привлекается традиционная пунктуация (Girl: we could do that.), это сигнализирует о сбое в коммуникации, негативной реакции партнера и, возможно, переносе темы диалога в другую тематическую область.

3. Манипулирование с помощью пунктуации, по нашему мнению, направлено на стимуляцию у реципиента определенных эпистемических / эмоциональных оценочных реакций, что показательно для финальных реплик в обмене сообщениями (Malyuga & McCarthy, 2020). Иллюстрируя манипулятивный потенциал отделяющей точки обратим внимание на то, как один из коммуникантов намекает на желательность / нежелательность предлагаемого развития событий. Используя разные

пунктуационные знаки после одного и того же слова, автор реплики «Sure» провоцирует позитивную (слева) и сдержанно-негативную (справа) реакцию собеседника (пример из (O'Neil, 2015)):

Рис. 7. Зависимость реакции от знака пунктуации

Реалистичность трактовки «упаковочного» характера пунктуации подтверждают диалогические единства, где можно предложить более двух пунктуационных решений. В другом примере, приводимом редактором издания New Republic (Crair, 2013), обыгрывается следующий обмен SMS с разным оформлением.

«Упаковочный» вариант 1.

Boy:

sorry about last night (1)

next time we can order little caesars (2) – he is NOT sorry

Реплика (1) не является финальной и характерна для указанного коммуникативного режима – это эллиптическое предложение без капитализации первого слова, которое здесь становится стимулом к дальнейшему обмену. Именно поэтому оно не «закрывается» точкой. Реплика (2), выполненная в аналогичном графическом режиме, выглядит (то есть звучит) достаточно небрежно и вряд ли будет расценена, как серьезное извинение.

«Упаковочный» вариант 2.

Boy:

sorry about last night, (1)

next time we can order little caesars (2)

Здесь реплика (1) завершается запятой, которая визуально «цепляет» следующую реплику как семантически и прагматически близкую, практически без перерыва продолжающую развивать

установку автора на извинение за неудачно сложившуюся ситуацию накануне.

«Упаковочный» вариант 3.

Boy: I'm sorry about last night. (1) Next time we can order Little Caesars. (2)

Обе реплики объединены в один текст, пунктуация в (1) и (2) выполнена с соблюдением нормы, и читаются как вполне серьезно обдуманное и искреннее извинение за допущенную оплошность.

Автор данного примера подчеркивает при этом, что «упаковочный» вариант 4, который потенциально существует для данных предложений, нежизнеспособен и «выглядит возмутительно»:

sorry about last night.

next time we can order little caesars.

По-видимому, имеется в виду, что половинчатые решения могут оказаться значительно более отталкивающими, чем те, к которым нас подталкивает новая коммуникативная реальность.

Заключение

Обобщая наблюдения, представленные в статье, подчеркнем их выраженный прикладной характер, что соответствует духу современной исследовательской парадигмы, для которой особую важность приобретает практическая направленность результатов любого исследования. Представляется, что поставленный в работе вопрос о динамичности пунктуационных норм играет существенную роль в формировании как содержания программ обучения, так и способов реализации обучения, и готовности сегодняшних студентов к деловому и повседневному общению и профессиональной деятельности в глобальном цифровом сообществе (Malyuga, 2020).

Начиная с конца 60-х гг. прошлого века в лингвистических и в лингводидактических кругах речь идет о пересмотре социально ориентированного понятия **уместности** (appropriateness), которое является одним из параметров коммуникативной компетентности. Последняя была систематизирована исследователем Деллом Хаймсом в виде комплекса, объединяющего the possible (лингвистически возможное), the feasible (лингвистически возможное и успешное, правильное), the appropriate

(лингвистически возможное и прагматически уместное) и the performed (исполненное с использованием перечисленного).

Полемизируя с идеологией генеративистов, Д. Хаймс рассуждает о переосмыслении понятия лингвистической уместности как необходимости переноса акцентов в аудиторной деятельности в сторону коммуникативного обучения (цитируется по (Johnson, 2009)). И если о состоятельности коммуникативного обучения как лингводидактической программы можно вести долгую полемику, совершенно невозможно оспорить тот факт, что с начала 1980-х гг. интерес к менее формализованному способу ведения коммуникации, в том числе письменной, расширительная трактовка нормы, оживление исследований в области вариантности и вариативности человеческого диалога и языковая рефлексия в целом стали приметой последних декад.

Возвращаясь к вопросам об уместности языкового сообщения и его оформления в связи с письменной коммуникацией, а также о пересечении традиционной письменной коммуникации с ее новой формой – коммуникацией письменной устной, представляется, что в качестве проявления тенденций общественного развития естественно прогнозировать демократизацию в пунктуационном оформлении текстов интернета.

Являясь яркой иллюстрацией колебаний узуса, в центре которого находится идея этикета, продвижения интересов определенных социальных групп и возможной социальной гибкости, интернет-пунктуация концентрирует в себе основные социальные тренды: «it is sometimes more than mere taste, judgment, and education – sometimes it's sheer luck, like getting across a street» (White, 1954). Действительно, выбор уместной пунктуации становится своеобразным барометром состояния общества и в этом смысле может рассказать очень многое о том, кто мы, как мы относимся к своим собеседникам вообще или в конкретный момент диалога. На сегодняшний день, в массовой интернет-коммуникации наличие или отсутствие отделяющей точки, так же, как и появление ее «упаковочного варианта», оказывается одним из наиболее болезненных лингвистических вызовов для обычных пользователей, а также – в качестве объекта исследования и обучения – серьезным профессиональным вызовом для языковедов и педагогов.

Сказанное подтверждает аналитическая рефлексия в отношении отделяющей точки, которая в качестве компонента пунктуационной системы потенциально способна к передаче смысла вплоть до содержательной автономии. Именно этот функционал точки получил реализацию в сетевом общении.

Изменение грамматического функционала точки в направлении риторическом, как избыточного или коннотированного пунктуационного знака определяется особой контекстностью интенсивного высокоскоростного интернет-обмена короткими сообщениями, возникающими в режиме messaging (texting). Осуществляя письменную по форме подачи коммуникацию, массовый пользователь за счет преимуществ информационных технологий имитирует устное общение, стремясь максимально эффективно не только донести вербальное содержание, но и «упаковать» его эмоциональную и социально-прагматическую нагрузку, придать высказыванию перспективу, выставить коммуникативный фокус, создать необходимый настрой. Однако в действительности в таком удаленном общении отсутствуют привычные экстралингвистические ключи к взаимопониманию. Именно этим психологи, психолингвисты и лингвоконфликтологи объясняют нарастающую невостребованность и/или негативную окрашенность отделяющей точки. С учетом высокого уровня стресса в социуме, внимание к эмоциональной составляющей коммуникации вполне предсказуемо, поэтому отказ от пунктуационного знака, нагнетающего напряженность, по мнению исследователей, кажется предрешенным. Таким образом, существует вероятность, что в будущем взаимный интерес в «устной письменной коммуникации» будет скорее демонстрироваться не пунктуационной аккуратностью сообщения, а скоростью информационного обмена и альтернативами традиционной пунктуации, а также творческими решениями с применением имеющегося в их распоряжении пунктуационно-графического набора знаков, символов, операций. Говоря иными словами, сегодня messaging (texting) – это виртуальное пространство, где наблюдается реальная динамика пунктуационной нормы, где оформляется другая, альтернативная норма т. н. «цифрового языка тела».

Тем не менее, и прогрессисты, и консерваторы от пунктуации понимают, что внимание к эмоциям и чувствам партнера не является достаточным основанием, чтобы полностью игнорировать традиционную пунктуацию. Telegram-канал "Цифровой этикет" организовал опрос, слышится ли пользователям негативная эмоция, если в конце сообщения в мессенджере стоит точка. На данный момент более 60% респондентов из более 700 голосовавших выбрали вариант: «Точка - это просто точка», что можно отнести на счет консервативности пунктуационной нормы, необходимой для успешного функционирования письменного языкового кода.

Таким образом, понимание «цифрового языка тела» - это когнитивно-коммуникативный вызов человека будущего. Этот код позволяет делать выводы о настроении или вовлеченности в беседу, однако его общедоступность не стоит преувеличивать. Значение элементов цифрового языка в отсутствие непосредственного контакта интерпретируется не всегда верно, так как поведение онлайн пока не является чем-то столь естественным, как обычный язык тела.

Популяризатор пунктуационной нормы английского языка Л. Трасс убедительно доказывает в своей книге, что «Пунктуацию нужно защищать вовсе не потому, что горка эстетов впадает в депрессию, когда видит отход от правил. Просто без нее нет надежного способа передать смысл» (Трасс, 2006, с. 27). Поскольку в формальных контекстах и сложных дискурсах уместность отделяющей точки связана с читабельностью и однозначностью написанного, здесь данный знак, скорее всего, сохранится для сегментации и смыслоразличения без эмоционального подтекста.

Профессор Н. Барон настаивает, что обучение дифференцированному подходу к разным типам дискурса является такой же задачей педагогов и родителей, как научение детей элементарным правилам вежливости и гигиены. Именно здесь формируется практическая профессиональная установка: «если мы не хотим, чтобы в будущем люди писали свои собственные имена шестью способами или использовали пунктуацию, как им заблагорассудится, мы обязаны объяснить детям разницу между стандартным употреблением и его уместным творческим переосмыслением» (Baron, 2008, p.175).

В целом, осознание статико-динамической природы пунктуационной нормы, интерпретация уместности отделяющей точки на основе нормативного пунктуационного правила, а также исследование перспектив других знаков препинания, имеет прямое отношение к консервации культурных ценностей. Представляется, что пунктуационная грамотность была и остается ценным качеством, и ей не стоит пренебрегать в общении с другими людьми независимо от коммуникативной и социальной дистанции, а также сферы взаимодействия. В этом смысле уместное соблюдение правил пунктуации в сочетании с ответственной пунктуационной мобильностью свидетельствует об уважении к собеседнику, что формирует положительный общественный прогноз.

Литература

1. Бирюков В. Тайная жизнь знаков препинания в эпоху Интернета. Kaspersky Daily [Электронный ресурс]. 02.10.2015. URL: https://www.kaspersky.ru/blog/cyber-slang-peculiarities/9145/ (Дата обращения: 30.05.2023)
2. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык: Учебник / Под редакцией Н.С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2002.
3. Валгина, Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2004.
4. Жарый Н. Пунктуация 21 века: почему вас сочтут грубым и неискренним за точку в конце предложения. Sostav [Электронный ресурс]. 13.02.2021. URL: https://www.sostav.ru/publication/punktuatsiya-21-veka-47298.html (Дата обращения: 30.05.2023)
5. Кобрина Н. А. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учеб. пособие / Н. А. Кобрина, Н. Н. Болдырев, А. А. Худяков. М.: Высшая школа, 2009.
6. Кронгауз М. Критика языка // Журнал «Логос». № 3(13). 1999. Центр гуманитарных технологий. 13.08.2006. – URL: https://gtmarket.ru/library/articles/6228 (Дата обращения: 30.05.2023)
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990.

8. Лукинова О. В. Цифровой этикет. Как не бесить друг друга в интернете. М.: Эксмо, 2020. (Этикет без границ. Новые правила для нового времени).
9. Малюга Е.Н. Новые тенденции англоязычного научного дискурса: вопросы актуальности исследования и языковой идентичности // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2019. № 58. С.52-70. DOI: 10.17223/19986645/58/4 /
10. Можно ли нагрубить собеседнику в интернете при помощи точки? Можно. BBC News Русская служба [Электронный ресурс]. 09.08.2019. URL: https://www.bbc.com/russian/features-49281869 (Дата обращения: 30.05.2023)
11. Мухатаев А. Цифровой этикет: Точку можно не ставить. Look At Me [Электронный ресурс]. 14.05.2015. URL: http://www.lookatme.ru/mag/how-to/etiquette/214233-etiquette-no-full-stop (Дата обращения: 30.05.2023)
12. Петрова Т. А. Теоретическое описание понятия «Норма языка» // Вестник Академии знаний [Электронный ресурс]. 2013. №3(6). С. 86-91. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-opisanie-ponyatiya-norma-yazyka (Дата обращения: 17.04.2023).
13. Резник Р. В., Сорокина Т. С., Казарицкая Т. А. Практическая грамматика английского языка. М.: Флинта, 1996.
14. Силко Г. Знаки препинания не вписываются в диалоги. Коммерсантъ [Электронный ресурс]. 09.08.2019. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4058766 (Дата обращения: 30.05.2023)
15. Трасс Л. Казнить нельзя помиловать. Бескомпромиссный подход к пунктуации. М.: Валент, 2006.
16. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М.: Прогресс, 1982. С. 277–316.
17. Aleksandrova O. V., Mendzheritskaya E. O., Malakhova V. L. Dynamic changes in modern English discourse. Training, Language and Culture. 2017. № 1(1). Pp. 92-106. doi: 10.29366/2017tlc.1.1.6
18. Baron N. S. Always On: Language in an Online and Mobile World. Oxford University Press, 2008.

19. Crair B. The period is pissed. The New Republic. 2013, November 25. URL: https://newrepublic.com/article/115726/period-our-simplest-punctuation-mark-has-become-sign-anger
20. Cress G. Literacy in the New Media Age. Routledge Taylor & Francis Group, London and New York. 2003.
21. Crystal D. Language and the Internet. The Pitt Building, Trumpington Street, Cambridge, United Kingdom. Cambridge University Press, 2004.
22. Crystal D. Txtng. Oxford University Press, 2008.
23. Dean A. Teens Aren't Breaking Language, They're Adding To It. CPR News. 2019, October 30. URL: https://www.cpr.org/2019/10/30/teens-arent-breaking-language-theyre-adding-to-it/ (Дата обращения: 30.05.2023)
24. Dendrinos B. Multilingualism language policy in the EU today: A paradigm shift in language education. Training, Language and Culture. 2018. Vol. 2(3). Pp. 9-28. doi: 10.29366/2018tlc.2.3.1
25. Dhawan E. Digital Body Language: How to Build Trust and Connection, No Matter the Distance. St. Martin's Press, 2021.
26. Digital 2022: July Global Statshot Report. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2022-july-global-statshot (Дата обращения: 30.05.2023)
27. Dubrovskaya, T. V., & Yuskaeva, E. I. Language aggression in virtual professional communities // Training, Language and Culture, (2022). Vol. 6(4). Pp. 62-72. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-4-62-72
28. Feltman R. Study confirms that ending your texts with a period is terrible. The Washington Post. 2015, December 8. URL: https://www.washingtonpost.com/news/speaking-of-science/wp/2015/12/08/study-confirms-that-ending-your-texts-with-a-period-is-terrible/ (Дата обращения: 30.05.2023)
29. Gunraj, D. N., Drumm-Hewitt, M., Dashow, E. M., Upadhyay S.S. N., Klin C. M. Texting insincerely: The role of the period in text messaging // Computers in Human Behavior. Volume 55. Part B, February 2016. Pp. 1067-1075.
30. Harrison-Caldwell M. No More Periods When Texting. Period. The New York Times. 2021, June 29. URL: https://www.nytimes.com/2021/06/29/crosswords/texting-punctuation-period.html (Дата обращения: 30.05.2023)

31. Houston K. Shady Characters: The Secret Life of Punctuation, Symbols, and Other Typographical Marks. W. W. Norton & Company; First Edition (September 24, 2013). Language.
32. Johnson, K., Johnson, H. (2009). Foreign language syllabus design // Handbook of Foreign Language Communication and Learning. Handbooks of Applied Linguistics. De Gruyter Mouton. Pp. 309-340.
33. Lakoff G. Categories and cognitive models // Berkeley cognitive science report, N. 2. Berkeley: Institute for Human Learning (U. of California), 1982.
34. Mallenbaum C. Is your texting punctuation sending the wrong message? Yes. Maybe! Think so… USA Today. 2020, September 28. URL: https://www.usatoday.com/story/life/2020/09/28/texting-etiquette-what-exclamation-point-period-ellipses-mean-to-different-generations/3524169001/ (Дата обращения: 30.05.2023)
35. Malyuga E.N., McCarthy M. Non-minimal response tokens in English and Russian professional discourse: A comparative study // Voprosy Jazykoznanija. 2020. Vol. 4. Pp. 70–86. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.4.70-86
36. Malyuga E.N., Aleksandrova O.V. A closer look at manipulative rhetoric in professional communication // Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication - TILTM 2022. European Publisher, London. C. 180-188.
37. Maybin J., Swann J. Computer-Mediated English. The Routledge Companion to English Language Studies, ed. by Janet Maybin and Joan Swann. Routledge, 2010.
38. McCulloch G. Because Internet: Understanding the New Rules of Language. Riverhead Books (Penguin, US) and Harvill Secker/Vintage (Random House, UK), 2019.
39. Nordquist, R. (2023, April 5). What is Considered 'Ungrammatical'? Retrieved from https://www.thoughtco.com/ungrammatical-meaning-1692480
40. Norris M. Between You & Me. W. W. Norton & Company Ltd, New York, London, 2015.
41. O'Neil L. Ending a text message with a period makes you seem like a jerk, study shows. CBC News. 2015, December 10. https://www.cbc.ca/news/trending/ending-text-with-a-period-seen-

as-a-jerk-move-study-shows-1.3359526 (Дата обращения: 30.05.2023)
42. Pan J. Full Stops Are The Most Passive-Aggressive Texting Punctuation Ever (ricemedia.co). 2018, February 25. URL: https://www.ricemedia.co/culture-life-full-stops-passive-aggressive-texting-punctuation/ (Дата обращения: 30.05.2023)
43. Redish J. C., Selzer J. The place of readability formulas in technical communication Journal Technical communication. Publisher Society for Technical Communication. 1985/12/1. Pp. 46-52.
44. Study: Punctuation in text messages helps replace cues found in face-to-face conversations. 2017, November, 14. URL: https://www.binghamton.edu/news/story/873/study-punctuation-in-text-messages-helps-replace-cues-found-in-face-to-face (Дата обращения: 30.05.2023)
45. Study: Text messages that end in a period seen as less sincere. 2015, December, 8. URL: https://www.eurekalert.org/news-releases/570442 (Дата обращения: 30.05.2023)
46. Tivyaeva I. V., Abdulmianova D. R. Digital politeness in online translator and interpreter training: The lessons of the pandemic // Training, Language and Culture. 2023. Vol. 7(1). Pp. 101-115. doi: 10.22363/2521-442X-2023-7-1-101-115
47. White E.B. The Second Tree from the Corner. Harper & Row, 1954.
48. Cambridge Dictionary Online. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/text-message?topic=faxes-pagers-and-text-messages

References

Aleksandrova, O. V., Mendzheritskaya, E. O., & Malakhova, V. L. (2017). Dynamic changes in modern English discourse. *Training, Language and Culture, 1*(1), 92-106. doi: 10.29366/2017tlc.1.1.6 /

Baron, N. S. (2009). *Always On: Language in an Online and Mobile World.* Oxford University Press.

Birjukov, V. (2015). *Tajnaja zhizn' znakov prepinanija v jepohu Interneta. [Secret life of punctuations marks in the Internet epoch].* Retrieved from https://www.kaspersky.ru/blog/cyber-slang-peculiarities/9145/

Chafe, W. (1982). Dannoe, kontrastivnost', opredelennost', podlezhashhee, topiki i tochka zrenija [Given, contrastivity, definiteness, subject, topics and reference point]. In Novoe v zarubezhnoj lingvistike. [Topical Issues of Foreign Linguistics] Volume XI. (pp. 277–316). M.: Progress.

Crair, B. (2013). *The period Is Pissed.* Retrieved from https://newrepublic.com/article/115726/period-our-simplest-punctuation-mark-has-become-sign-anger

Cress, G. (2003). *Literacy in the New Media Age.* Routledge Taylor & Francis Group, London and New York.

Crystal, D. (2004). *Language and the Internet*. The Pitt Building, Trumpington Street, Cambridge, United Kingdom. Cambridge University Press, 2004.

Crystal, D. (2008). *Txtng.* Oxford University Press.

Dean, A. (2019). *Teens Aren't Breaking Language, They're Adding to It.* Retrieved from https://www.cpr.org/2019/10/30/teens-arent-breaking-language-theyre-adding-to-it/

Dendrinos, B. (2018). Multilingualism language policy in the EU today: A paradigm shift in language education. *Training, Language and Culture, 2*(3), 9-28. doi: 10.29366/2018tlc.2.3.1

Dhawan, E. (2021). *Digital Body Language: How to Build Trust and Connection, No Matter the Distance.* St. Martin's Press.

Digital 2022: July Global Statshot Report. (2023). Retrieved from https://datareportal.com/reports/digital-2022-july-global-statshot

Dubrovskaya, T. V., & Yuskaeva, E. I. (2022). Language aggression in virtual professional communities. *Training, Language and Culture, 6*(4), 62-72. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-4-62-72.

Feltman, R. (2015). *Study Confirms That Ending Your Texts With a Period Is Terrible.* Retrieved from https://www.washingtonpost.com/news/speaking-of-science/wp/2015/12/08/study-confirms-that-ending-your-texts-with-a-period-is-terrible/

Gunraj, D. N., Drumm-Hewitt, A. M., Dashow, E. M., Upadhyay, S. S. N., & Klin, C. M. (2016). *Texting Insincerely: The Role of the Period in Text Messaging*. In *Computers in Human Behavior, 55* (B), 1067-1075.

Harrison-Caldwell, M. (2021). *No More Periods When Texting. Period*. Retrieved from

https://www.nytimes.com/2021/06/29/crosswords/texting-punctuation-period.html

Houston, K. (2013). *Shady Characters: The Secret Life of Punctuation, Symbols, and Other Typographical Marks*. W. W. Norton & Company; First Edition (September 24, 2013). Language.

Johnson, K., & Johnson, H. (2009). Foreign language syllabus design. In *Handbook of Foreign Language Communication and Learning. Handbooks of Applied Linguistics* (pp. 309-340). De Gruyter Mouton.

Kobrina, N. A. Boldyrev, N. N., Hudjakov, A. A. (2009). *Teoreticheskaja grammatika sovremennogo anglijskogo jazyka: Ucheb. posobie [Theoretical grammar of modern English: a textbook]*. M.: Vysshaja shkola.

Krongauz, M. (2006). Kritika jazyka [Criticism of language]. Magazine «Logos», 3(13). Centr gumanitarnyh tehnologij. Retrieved from: URL: https://gtmarket.ru/library/articles/6228

Lakoff, G. (1982). Categories and cognitive models. In *Berkeley cognitive science report,* 2. Berkeley: Institute for Human Learning (U. of California).

Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. (1990). [*Linguistic Encyclopedic Dictionary]*. V.N. Jarceva (Ed.). M.: Sovetskaja jenciklopedija.

Lukinova, O. V. (2020). *Cifrovoj jetiket. Kak ne besit' drug druga v internete [Digital Etiqette. How not to drive one another wild in the internet]*. M.: Jeksmo.

Mallenbaum, C. (2020). *Is Your Texting Punctuation Sending the Wrong Message? Yes. Maybe! Think So…* Retrieved from https://www.usatoday.com/story/life/2020/09/28/texting-etiquette-what-exclamation-point-period-ellipses-mean-to-different-generations/3524169001/

Malyuga, E.N., & McCarthy, M. (2020). Non-minimal response tokens in English and Russian professional discourse: A comparative study. *Voprosy Jazykoznanija, 4*, 70–86. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.4.70-86

Malyuga, E.N., & Aleksandrova, O.V. (2022). A closer look at manipulative rhetoric in professional communication. In *Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and*

Professional Communication - TILTM 2022 (pp. 180-188). European Publisher, London.

Malyuga, E.N. (2020). Emergent Trends in English Scientific Discourse: Issues of Research Relevance and Linguistic Identity. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta Filologiya-Tomsk State University Journal of Philology, 58*, 52-70. DOI: 10.17223/19986645/58/4

Maybin, J., & Swann, J. (2010). Computer-Mediated English. In *Janet Maybin and Joan Swann* (Eds.), The Routledge Companion to English Language Studies. Routledge.

McCulloch, G. (2019). *Because Internet: Understanding the New Rules of Language.* Riverhead Books (Penguin, US) and Harvill Secker/Vintage (Random House, UK).

Mozhno li nagrubit' sobesedniku v internete pri pomoshhi tochki? Mozhno. (2019). *[Can you be rude to your partner using a period? You can].* Retrieved from https://www.bbc.com/russian/features-49281869

Muhataev, A. (2015). *Cifrovoj jetiket: Tochku mozhno ne stavit'.* [Digital etiquette. You needn't punctuate.] Retrieved from http://www.lookatme.ru/mag/how-to/etiquette/214233-etiquette-no-full-stop

Nordquist, R. (2023, April 5). *What is Considered 'Ungrammatical'?* Retrieved from https://www.thoughtco.com/ungrammatical-meaning-1692480

Norris, M. (2015). *Between You & Me.* W. W. Norton & Company Ltd, New York, London.

O'Neil, L. (2015, December 10). *Ending a Text Message with a Period Makes You Seem Like a Jerk, Study Shows.* Retrieved from https://www.cbc.ca/news/trending/ending-text-with-a-period-seen-as-a-jerk-move-study-shows-1.3359526

Pan, Jie. (2018, February 25). *Full Stops Are The Most Passive-Aggressive Texting Punctuation Ever (ricemedia.co).* Retrieved from https://www.ricemedia.co/culture-life-full-stops-passive-aggressive7-texting-punctuation/

Petrova, T. A. (2013). Teoreticheskoe opisanie ponjatija «Norma jazyka». [Theoretical treatment of the notion "Language norm"]. *Vestnik Akademii znanij, 6,* 86-91. Retrieved from

https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-opisanie-ponyatiya-norma-yazyka

Redish, J. C., & Selzer, J. (1985, January 12). The Place of Readability Formulas in Technical Communication Journal Technical Communication. *Publisher Society for Technical Communication,* 46-52.

Reznik, R. V., Sorokina, T. S., & Kazarickaja, T. A. (1996). *Prakticheskaja grammatika anglijskogo jazyka. [Practical grammar of the English language]*. M.: Flinta.

Silko, G. (2019). *Znaki prepinanija ne vpisyvajutsja v dialogi. [Punctation marks don't fit dialogues].* Retrieved from https://www.kommersant.ru/doc/4058766

Study: Punctuation in Text Messages Helps Replace Cues Found in Face-To-Face Conversations. (2017, November 14). Retrieved from https://www.binghamton.edu/news/story/873/study-punctuation-in-text-messages-helps-replace-cues-found-in-face-to-face

Study: Text Messages that End in a Period Seen as Less Sincere. (2015, December 8). Retrieved from https://www.eurekalert.org/news-releases/570442

Tivyaeva, I. V., & Abdulmianova, D. R. (2023). Digital politeness in online translator and interpreter training: The lessons of the pandemic. *Training, Language and Culture, 7*(1), 101-115. doi: 10.22363/2521-442X-2023-7-1-101-115

Trass, L. (2006). *Kaznit' nel'zja pomilovat'. Beskompromissnyj podhod k punktuacii [Eats, Shoots & Leaves: The Zero Tolerance Approach to Punctuation]*. M.: Valent.

Valgina, N.S., Rozental', D.Je., & Fomina, M.I. (2002). *Sovremennyj russkij jazyk: Uchebnik. [Modern Russian Language: Textbook]*. M.: Ed. Logos.

White, E.B. (1954). *The Second Tree from the Corner.* Harper & Row.

Zharyj, N. (2021). *Punktuacija 21 veka: pochemu vas sochtut grubym i neiskrennim za tochku v konce predlozhenija. [21st century punctuation: why you may be considered rude if you use sentence-final period].* Retrieved from https://www.sostav.ru/publication/punktuatsiya-21-veka-47298.html

Cambridge Dictionary Online. (2023). Retrieved from https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/text-message?topic=faxes-pagers-and-text-messages

УДК: 81`25
https://doi.org/10.25076/vpl.50.05
М.С. Степанов
Е. М. Пальванова
Московский государственный лингвистический университет

СЕМИОТИЧЕСКАЯ АДЕКВАТНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ

В данной статье рассматривается понятие семиотической адекватности перевода поэтических текстов. Приводятся некоторые из уже существующих взглядов на семиотический подход при переводе поэтического текста (К. Лукиной, Н. Базылева и др.). Анализируются некоторые из существующих исследований в области семиотизации поэтического текста (Ю. Лотмана, А. Потебни, У. Эко, Р. Барта и др.) Раскрывается понятие поэтического знака, выделяются различные типы поэтических знаков (знаки-образы и структурные знаки; знаки, общие для нескольких языков, знаки, используемые в одном языке, знаки, понятные представителям отдельных социальных групп, и знаки, относящиеся к идиостилю автора) и виды семиотизации (полная и частичная семиотизация). Исследование позволяет прийти к выводу, что переводческие стратегии, применимые для передачи поэтических знаков, во многом зависит от типа знака и вида семиотизации. Учёт семиотической специфики поэтического текста позволяет не только выбрать наиболее подходящий

© Степанов М.А., Пальванова Е.М., 2023
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

переводческий приём, но и оценить качество уже выполненного перевода.

Ключевые слова: переводоведение, поэтический перевод, семиотика, семиотизация, семиотическая адекватность, поэтический знак

UDC 81`25
https://doi.org/10.25076/vpl.50.05
M.S. Stepanov
E. M. Palvanova
Moscow State Linguistic University

SEMIOTIC ADEQUACY OF POETIC TRANSLATION: DEFINITION OF CONCEPTS

The paper discusses the concept of semiotic translation adequacy of a poetic text. Some of the views on the semiotic approach to the translation of a poetic text are presented (K. Lukina, N. Bazylev, etc.). Some of the studies in the field of semiotization of a poetic text (Yu. Lotman, A. Potebnya, U. Eco, R. Barthes, etc.) are analyzed. The paper defines the concept of poetic sign, identifies various types of poetic signs (image signs and structural signs; signs shared by several languages, signs used in one single language, signs shared by representatives of certain social groups and signs related to the author's idiostyle) and types of semiotization (complete and partial semiotization). The study concludes that the translation strategies applicable to the transmission of poetic signs largely depend on the type of sign and the type of semiotization. Taking into account the semiotic specifics of the poetic text allows not only to choose the most appropriate translation technique, but also to assess the quality of a translation.

Key words: translation theory, poetic translation, semiotics, semiotization, semiotic adequacy, poetic sign

Введение

Наверное, каждый переводчик, работая над переводом поэтического произведения, стремится сделать его максимально адекватным и качественным. Однако до сих пор остаётся не вполне ясным, как оценить качество перевода: по сей день среди

переводчиков и переводоведов не сложилось единого мнения о том, каковы критерии оценки (Malyuga, 2016). Так, В. Сдобников писал: «Категория качества перевода является доминирующей категорией переводоведения, с которой все прочие ее категории связаны отношением субординации… Смущает, прежде всего, обилие оценочных терминов, используемых переводоведами в качестве критериев оценки качества перевода. Должен ли перевод удовлетворять всем этим критериям, то есть быть и адекватным, и эквивалентным, и полноценным, и реалистическим? Вряд ли подобное возможно» (Сдобников, 2007, с. 200).

С этим трудно не согласиться. Как известно, поэтический текст несёт в себе огромный объём информации (в том числе – эстетической). И хотя все его элементы связаны между собой и важны для читательского восприятия и понимания, все исследователи и переводчики сходятся на том, что передать средствами другого языка всю информацию, содержащуюся в оригинальном стихотворении, невозможно из-за несовпадений между ИЯ и ПЯ (Vedeneva, Kharkovskaya & Malakhova, 2018). Так, В. Лукина, рассуждая о неизбежных потерях в переводе поэзии, пишет: «Переводчику поэтических текстов нередко приходится делать выбор между сохранением атмосферы оригинала, размера стиха и точной передачей смысла. Достичь первого без смысловых потерь или же, напротив, привнесения новых оттенков смысла порой просто невозможно. С другой стороны, погоня за точностью иногда приводит к тому, что воссоздать настроение стиха становится весьма затруднительно» (Лукина, 2014, с. 144). Точно также считают и другие переводоведы и переводчики. Например, В. Брюсов писал: «воспроизвести при переводе стихотворения все эти элементы полно и точно — немыслимо... Выбор того элемента, который считаешь наиболее важным, составляет метод перевода» (Брюсов, 1973, с. 106).

Итак, на том, что при поэтическом переводе передать всю информацию невозможно и, следовательно, чаще всего приходится что-то опускать и чем-то жертвовать, сходятся все переводчики. Однако уже на этапе выполнения перевода и при оценке качества готового перевода между переводчиками возникают разногласия и разночтения (Anisimova, Pavlyuk & Kogotkova, 2018). Как определить, какой элемент поэтического текста важен для передачи

на ПЯ, а какой можно опустить? Как оценить, насколько правомерно в уже готовом переводе был опущен или изменён тот или иной элемент? И какой перевод считать наиболее адекватным? Мыслится, что ответы на эти вопросы можно получить, если рассматривать поэтический текст как семиотическое образование. Исследование на эту тему было представлено в 2022 г. на конференции «Перевод как профессия, наука, творчество».

Семиотизация поэтического текста

Учёт семиотической специфики поэтического текста поможет определить, какие из его элементов считать более важными для передачи, а какие – менее, а также принять решение, как именно они должны быть переданы. Иными словами, учёт семиотической специфики поэтического произведения поможет как при выполнении перевода, так и при оценке его адекватности (Borisova, Blokhina & Kucheryavenko, 2018).

С XX в. многие литературоведы и лингвисты обращали и продолжают обращать внимание на семиотическую природу художественного, и в том числе поэтического, текста. Например, семиотикой литературы занимался Р. Барт. Исследователь отмечал, что любое литературное произведение представляет собой знак с одним денотативным смыслом (его вкладывает в текст сам автор) и большим количеством коннотативных (их может открыть для себя читатель). «Стремление свести символ к тому или иному однозначному смыслу – это такая же крайность, как и упорное нежелание видеть в нем что-либо, кроме его буквального значения», – писал Р. Барт (Барт, 1989, с. 369).

Феномен семиотизации поэтического текста изучал также У. Эко, полагавший, что любые явления культуры и формы искусства имеют знаковую специфику. Исследователь считал, что с точки зрения семиотики необходимо рассматривать поэтический текст как идиолект, который представляет собой исходный пункт для возможных интерпретаций. Под идиолектом У. Эко понимал некий особый неповторимый код, проступающий на всех его уровнях поэтического текста. «Этот идиолект рождает множество имитаций, определённую манеру, стилистический прием и в конце концов новую норму, как свидетельствует вся история искусства и культуры», – писал семиотик (Эко, 2006, с. 105).

Исследователь утверждал, что поэтический текст обладает авторефлексивностью, т.е. он направлен на самоё себя. Иными словами, поэтическое произведение заставляет читателя осмысливать его устройство. При этом означающие получают значения исключительно в том или ином контексте: «именно и только в контексте оживают они, то проясняясь, то затуманиваясь... Если я меняю что-то одно в контексте, все остальное приходит в движение» (Эко, 2006, с. 100-101). При этом У. Эко указывал, что все означающие, означаемые и контекст в поэтическом произведении влияют друг на друга: «я применяю код нестандартным образом, и это нестандартное использование подчеркивает интимный характер связи между референтом, означаемым и означающим» (Эко, 2006, с. 101). Таким образом, по мнению У. Эко, особенность поэтического произведения заключается в том, что адресат, с одной стороны, из-за его неоднозначности вкладывает в него собственный код, а с другой стороны, из-за контекста, видит текст именно таким, каким его задумывал автор. «Семиотическое исследование эстетического сообщения должно, с одной стороны, выявить системы конвенций, регулирующие взаимоотношения различения уровней, а с другой, держать в поле зрения информационные сбои, случаи нестандартного применения исходных кодов, имеющие место на всех уровнях сообщения, преобразующие его в эстетическое благодаря глобальному изоморфизму, который и называется эстетическим идиолектом», – утверждал У. Эко (Эко, 2006, с. 116). По его мнению, важное значение для семиотики поэтического сообщения имеет изучение низших уровней поэтического текста (сюда относится, в том числе, его звуковая сторона), поскольку их влияние в эстетической коммуникации часто бывает решающим.

В настоящее время семиотизации поэтического текста также посвящено достаточно большое количество исследований. Так, Т. Гречушникова указывает на «неоднократные обращения к исследованию поэтических функций вербальных сообщений, проблем поэтического языка и авторских идиостилей в предметной области отечественной теории языка и семиотики» (Гречушникова, 2006, с. 3).

Семиотическая адекватность перевода

В настоящее время многие переводоведы склонны рассматривать тексты на ИЯ и ПЯ и их соответствие с точки зрения семиотики и обращаться к такому понятию, как семиотическая адекватность перевода. «Анализ западной теории художественного перевода показывает, что значительная часть современных концепций имеет ярко выраженную семиотическую направленность. Для отечественного переводоведения использование семиотического инструментария также не является методологическим новшеством: поскольку перевод как оперирование знаковыми системами изначально имеет знаковую, т.е. семиотическую сущность, практически во всех российских изданиях анализ переводческой проблематики так или иначе сводится к трем уровням языкового знака – семантике, синтактике и прагматике», – утверждает К. Леонтьева (Леонтьева, 2014, с. 75).

К. Леонтьева применяет в своих исследованиях художественного перевода семиотический подход. Она указывает, что важно сместить фокус семиотических исследований с текста на дискурс, отмечая, что «семиотика дискурса, которая, в сущности, составляет эпистемологическую основу дискурсивной онтологии, в российской лингвистике, к сожалению, пока не заняла должной позиции» (Леонтьева, 2014, с. 75). В связи с этим К. Леонтьева считает необходимым заменить термин «контекст», который как бы предполагает, что в качестве объекта исследования выступать будет именно текст, на термин «дискурсивная среда». «При таком метаязыковом оформлении достигается понятийное единообразие теории, а с ним и ее аналитическая целостность: дискурс становится единственным объектом исследования, а «телу» текста отводится лишь второстепенная роль… Более удачным понятие «дискурсивная среда» представляется и с учетом диалектического единства объекта, субъекта и среды их существования», – пишет она (Леонтьева, 2014, с. 75-76).

К. Леонтьева подчёркивает, что в настоящее время в отечественной традиции принято рассматривать такое понятие, как знак, опираясь на исследования Ф. Соссюра, Л. Ельмслева и других структуралистов (т.е. на положения классической семиотики текста). В западной же науке переводоведы работают в парадигме постструктурализма и ориентируются в основном на работы Ч. Пирса, Р. Барта, Ю. Кристевой и др. Говоря об отличии между

этими двумя подходами, К. Леонтьева отмечает, что «структуралистский знак в силу его дуальности “безразличен” к субъективной оценке денотата, это “вещь в себе”, вне какого-либо отношения к субъектам коммуникации и к динамической сущности самой коммуникации» (Леонтьева, 2014, с. 75). В реальности же семантика знака практически полностью зависит от его прагматики, т.е. от прагматических установок адресанта и от интерпретации знака адресатом. Опора на дуальную схему знака приводит к тому, что содержание знаков признаётся совершенно одинаковым как во время креативной, так и во время рецептивной фазы дискурса, т.е. считается, что понимание адресатом произведения будет в точности соответствовать тому, что в него изначально закладывал автор. «Именно на такой презумпции основаны переводоведческие концепции, оперирующие понятиями эквивалентности и/или адекватности перевода», – указывает К. Леонтьева (Леонтьева, 2014, с. 76). При этом, по её мнению, автор и читатель в принципе не могут интерпретировать один и тот же текст совершенно одинаково, поскольку для такого содержательного тождества необходимо, чтобы дискурсивные среды адресанта и адресата были абсолютно идентичны, однако дискурсивная среда, актуальная для каждого человека, включает свой уникальный набор факторов. Взглянуть по-иному на осмысление текста автором и читателем, по убеждению К. Леонтьевой, позволяет триадическая схема знака Ч.С. Пирса, лежащая в основе интрепретативной семиотики дискурса. «Денотат (Объект) отражается в материальном «теле» знака (Репрезентамене) не во всех отношениях, а лишь в отношении к определенному основанию (субъективной идеи Объекта), на основе которого в сознании реципиента структурируется новый знак – Интерпретанта, представляющая собой результат субъективной интерпретации «тела» знака реципиентом, в той или иной степени отличный (курсив автора) от варианта, данного продуцентом в начале знаковой операции», – пишет К. Леонтьева, добавляя, что степень различия Интерпретант, формируемых в сознании автора и читателя, зависит от того, насколько различаются их дискурсивные среды (Леонтьева, 2014, с. 76). При таком подходе основная задача переводчика состоит уже не в реконструкции авторской интенции и максимально точном следовании ей: сделать это было бы невозможно, т.к. любой текст предполагает

бесчисленное количество интерпретаций. К. Леонтьева указывает, что некоторые западные исследователи, опирающиеся на триадическую модель знака, видят задачу переводчика в производстве нового смысла «через “трансформацию-дополнение”, при которой переводчик становится активным участником переводной коммуникации, а не пассивным “прозрачным стеклом” (как принято считать в России), что приводит к “смерти” автора и “рождению” переводчика-читателя» (Леонтьева, 2014, с. 77). Другие же переводоведы усматривают задачу переводчика в том, чтобы «ограничить интерпретативные траектории в отношениях, которые читатель установит с текстом перевода» (Леонтьева, 2014, с. 77).

Н. Базылёв, изучая феномен письменного перевода в контексте семиотики, напротив, утверждает, что цель переводчика – «вызвать в своем воображении и передать читателю фантазии автора первичного текста» (Базылёв, 117). При этом Н. Базылёв в своих исследованиях также переходит на уровень дискурса, уделяя основное внимание не семантике, а прагматике, и, опираясь на теорию Ч. Пирса, определяет знак в переводе как трёхчастную структуру. Н. Базылев считает важным для теории перевода изучение понятия «интерпретанты» как некой прагматической сущности, которую можно выделить в процессе двуязычной коммуникации. «Проблематичным остаётся то, каким образом переводчик должен действовать, чтобы создать определенный тип интерпретанты конечного текста в мозгу реципиента – получателя… переводчику необходимо выбрать интерпретанту первичного текста и воспроизвести ее в конечном тексте. При этом реципиент уже создает в своем представлении более усовершенствованную интерпретанту, которая может быть такой же интерпретантой, как у Ч. Пирса, являющейся интерпретированным результатом, к которому намерен прийти каждый переводчик, если знак им достаточно рассмотрен» (Базылев, 2008, с. 117). Отметим, что Н. Базылев считает перевод специфическим метаязыком, который является результатом взаимодействия ИЯ и ПЯ. По мнению исследователя, «перевод становится метаязыком, поскольку он лексически, лексикографически, семиотически, в знаковой интерпретации, в фонетической интерпретации отличается от каждого в отдельности

и является продуктом образования двух или более языков, включая их семиотику и семантику в своей формально-грамматический статус» (Базылев, 2008, с. 115). Исследователь подчёркивает, что метаязык перевода, как и любой другой метаязык, представляет собой совокупность знаков, которые составляют первичную и конечную интерпретанты. «В понятие первичной интерпретанты мы вкладываем семантическую направленность иллокутивного действия, оказываемую на переводчика в процессе понимания текста на языке оригинала. Конечная интерпретанта представляет собой семантическую направленность иллокутивного действия, оказываемого на реципиента в процессе понимания им текста на языке перевода, подготовленное переводчиком в результате долгих и серьезных усилий в процессе перевода», – пишет Н. Базылев (Базылев, 2008, с. 115).

Зарубежные исследователи также склонны рассматривать перевод как семиотический феномен. Так, переводовед Э. Курдис полагает, что перевод – это «семиотический акт, при котором осуществляется переход от одной семиотической системы (ИЯ) к другой (ПЯ)» (Kourdis, 2015, с. 303; перевод наш). При этом Э. Курдис предупреждает, что, рассматривая перевод как семиотическое явление, исследователи недолжны слишком сильно углубиться в теорию, полностью отрываясь от практики; важно помнить, что теория перевода в первую очередь служит для решения прикладных переводческих задач.

Исследователь считает, что применение семиотического подхода делает переводоведение междисциплинарной областью, поскольку исследователям приходится выйти за рамки лингвистики и обратиться к теории дискурса, когнитивистике, психологии и другим наукам. «На мой взгляд, неправомерно изучать феномен перевода чисто на лингвистическом уровне и сводить его исключительно к межъязыковой коммуникации», – утверждает Э. Курдис, указывая, вслед за Р. Якобсоном, что перевод может быть не только межъязыковым (т.е. с одного языка на другой), но и внутриязыковым (в этом случае имеется в виду интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка), а также межсемиотическим (интерпретация вербальных знаков с помощью невербальных знаковых систем) (Kourdis, 2015, с. 318; перевод наш). Таким образом, Э. Курдис условно разделяет

исследования в области семиотической теории перевода на три группы: исследования межъязыкового перевода, внтуриязыкового и межсемиотического. Другой зарубежный переводовед, И. Стати, также проводит исследования в сфере семиотической теории перевода, и в первую очередь её интересует не межъязыковой, а именно межсемиотический перевод. «Термин «перевод» может употребляться к адаптации литературного произведения для осуществления его театральной или же киноинтерпретации точно так же, как и к передаче текста с одного языка на другой, поскольку в обоих случаях речь идёт о переносе информации из одной знаковой системы в другую», – утверждает И. Стати (Stathi, 2015, с. 321).

Таким образом, можно заметить, что в основном все вышеперечисленные исследования касаются устного перевода, перевода текстов на общественные темы, перевода прозаического текста или же межсемиотического перевода. Применительно к поэтическому же переводу такое понятие как семиотическая адекватность, как правило, не рассматривается. Тем не менее, очевидно, что поэтическое произведение – сложный феномен, обладающий своей собственной спецификой, отличный от других типов текстов и, соответственно, требующий от переводчика особого подхода.

В данной работе рассматривается такое понятие, как семиотическая адекватность поэтического перевода, а также намечаются пути её достижения. Под семиотической адекватностью поэтического перевода мы понимаем такое соотношение между исходным и переводным поэтическими текстами, при котором поэтические знаки, содержащиеся в переводе, соответствуют поэтическим знакам оригинала. Ниже рассмотрим типы поэтических знаков и виды семиотизации поэтического текста.

Понятие поэтического знака

Здесь важно уточнить, что именно следует считать поэтическим знаком. Если обратиться к трудам известных семиотиков, можно отметить, что существует два взгляда на поэтические знаки (или, как их ещё называют, художественные символы). Так, некоторые исследователи, изучая семиотизацию поэтического текста, в первую очередь сосредотачивают внимание на его формальной

составляющей. Вот что писал о знаках в поэзии В. Фещенко: «Знаковыми сущностями могут становиться в поэтической речи, помимо метрических размеров, также и длина строк (или длина предложений в нестиховых формах), объём строфы (или объём абзаца соответственно), даже протяженность стихотворения (или прозаического текста). На собственно языковом уровне эту роль играют: инструментовка, грамматические формы, словоразделы (пробелы), образы, мотивы и т. д. Все это – семиотический арсенал в распоряжении художника слова, языковой инвентарь для смыслообразования» (Фещенко, 2014, с. 48). Другие же исследователи, рассматривая поэтические знаки, пишут прежде всего о содержательной стороне произведения, а именно – о поэтических образах. «Поэтическому образу могут быть даны те же названия, которые приличны образу в слове, именно: знак, символ, из коего берется представление, внутренняя форма», – утверждал А. Потебня (Потебня, 1990, с. 140). Исходя из этого мы можем выделить два основных типа поэтических знаков: структурные знаки (любые элементы стихотворной формы) и знаки-образы – образования, более крупные, чем языковой знак, или равняющиеся ему, означаемое которого не равно сумме смыслов входящих в него языковых знаков. Поэтический знак-образ – это способ воплощения предметно-понятийного мира автора посредством различных поэтических средств (метафоры, гиперболы, метонимии, синекдохи и др.). В данной работе основное внимание уделяется знакам-образам.

Оговоримся, что поэтический знак мы рассматриваем как двустороннюю семиотическую сущность: художественный символ состоит из означающего (т.е. звуковой оболочки) и означаемого. Как правило, поэтический знак-образ указывает на три основных элемента, из которых складывается его значение. Первый элемент – это визуальный образ, который возникает в сознании у читателя. О том, что поэтические знаки носят иконический характер, писали многие исследователи. Так, Ю. Лотман утверждал: «в словесном художественном тексте не только границы знаков иные, но иное и само понятие знака… Знаки в искусстве имеют не условный, как в языке, а иконический, изобразительный характер» (Лотман, 1970, с. 31). Второй элемент – метафорическое значение поэтического знака. Это то или иное содержание знака, которое выражено

иносказательно и не сводится к совокупности означаемых, на которые указывают языковые знаки, составляющие поэтический знак. Наконец, третий элемент – это присущие поэтическому знаку коннотации, то есть выражаемые им оценки и эмоции. Очевидно, что для сохранения адекватности перевода важно передать в тексте на ПЯ все три составляющие, поскольку в противном случае читательское восприятие и понимание текста изменится и, следовательно, перевод нельзя будет считать адекватным.

В качестве примера приведём поэтический знак-образ, который содержится в стихотворении К. Рейн «Ангелюс» («Angelus») в строках «I see the blue, the green, the golden and the red, / I have forgotten all the angel said» (дословно: «Я вижу этот синий, зелёный, золотой и красный; я забыла всё, что этот ангел сказал)». Итак, в данном знаке визуальный образ – фигура ангела и буйство красок (синий, зелёный, золотой и красный). В качестве метафорического значения здесь, вероятно, выступает соединение природы (на которую указывает синий цвет) с божественным началом (красный, золотой). Что касается коннотации, данный знак призван вызывать у читателя смешанные чувства: благоговение перед божественной сущностью и благодарность, с одной стороны, и смутную печаль и тревогу из-за того, что стёрлись воспоминания – с другой. Вот как передала данный знак М. Фаликман при переводе: «Был синий, красный, золотой в размахе крыл. / Явился ангел мне, но что он говорил?». Как мы можем видеть, в данном поэтическом знаке на ПЯ полностью сохранились метафорическое значение и коннотации. Визуальный образ (фигура ангела и буйство красок) был также передан, хотя и с некоторыми потерями: из него исчез один компонент – зелёный цвет. Итак, при переводе были переданы все три составляющие поэтического знака, а это значит, что данный знак на ПЯ практически полностью соответствует знаку на ИЯ и, следовательно, данный перевод можно назвать адекватным.

Трудности в передаче поэтических знаков на ПЯ

В некоторых случаях, однако, передача поэтических знаков может представлять определённые трудности для переводчиков. Так, при воспроизведении поэтического знака на ПЯ может утратиться один из его компонентов. Разумеется, иногда это происходит из-за непонимания переводчиком оригинала (если ему не хватает знаний в области иностранного языка или фоновых

знаний) или же из-за неправильного выбора слов, которые могут передавать смысл написанного, но обладать другими коннотациями (Malyuga, Krouglov & Tomalin, 2018). Так, О. Максютина, перечисляя основные причины нарушения адекватности перевода в работах начинающих переводчиков, в первую очередь выделяет пробелы в знаниях и недостаточное владение техникой перевода (Максютина, 2010, с. 50). Однако иногда сложности в передаче поэтических знаков возникают по объективным причинам, независящим от мастерства переводчика.

Например, при передаче поэтического знака, в составе которого упоминается та или иная реалия, незнакомая читателям перевода, может пропасть его визуальная составляющая: читатель просто не сумеет представить себе картину, которую стремился нарисовать автор. Что касается остальных двух компонентов поэтического знака, они могут быть утеряны, если знак, использованный в оригинале, знаком читателям текста на ИЯ, однако непонятен носителям ПЯ.

Для того, чтобы понять, в каких ситуациях при передаче поэтического знака на ПЯ могут возникнуть проблемы, необходимо разобраться в том, как можно классифицировать знаки по распространённости.

Классификация поэтических знаков

В первую очередь можно выделить так называемые «общеупотребительные» поэтические знаки, присутствующие в разных языках и культурах. Обычно эти знаки связаны с природными явлениями и различными чертами, присущими всему человечеству. Так, дождь во многих культурах может символизировать печаль, солнце – радость, гром и молнии – угрозу, огонь – любовь и буйство страстей и т.д. О символах в поэзии писала, например, Е. Шохина: «Семантика зимы и осени несет в себе внутреннюю противоречивость и амбивалентность, так как витальная энергия сопрягается с тоской по ее потере, жизнь со смертью, что философски осмысливается поэтами… Весна актуализирует представления о райском саде, акцентируя идиллические мотивы молодости, любви, радости, творчества, обновления» (Шохина, 2017, с. 7-8).

Всё это – поэтические знаки, общие для нескольких языков и культур. К этой категории знаков можно отнести и те символы,

которые могут быть интуитивно понятны жителям разных стран и носителям разных языков, поскольку строятся вокруг некоторых общеизвестных понятий и явлений. Например, поэт В. Егоров в одном из своих стихотворений уподобляет душу растению, подчёркивая, что, как почва питает росток, так и воспоминания о юности питают душу: «Опочившую юность хоронить не спеши, / А иначе завянет нежный стебель души, / Ибо, корни пустивши через годы-слои, / Он из юности нашей тянет соки свои». Очевидно, что этот знак будет ясен каждому, кто знаком с понятием «душа» и имеет некоторое представление, как живёт и развивается растение. Иными словами, он может быть воспринят носителями практически любого языка и представителями любой культуры.

Существуют, однако, знаки, используемые лишь в одном языке и, соответственно, понятные только его носителям. Как правило, эти знаки тесно связаны с самим языком, а также с культурой страны, где он используется (Malyuga, 2004). В качестве примера такого символа в русском языке можно привести берёзу, которая стала в поэзии символом России, дома и любви к родине, а также юности и женственности. Соответственно, при передаче данного поэтического знака на иностранный язык метафорическое значение и коннотации, присущие данному символу, потеряются безвозвратно. Ещё один пример: поэтический знак «les miracles de Lourdes», понятный только носителям французского языка. Ведь при его переводе на русский язык – «чудеса Лурда» – нам становится понятным лишь значение составляющих его языковых знаков, но не метафорическое и коннотативное значения поэтического символа (его указание на то, что это ненастоящие, придуманные чудеса) (Эткинд, 2005). Следовательно, при передаче таких знаков на ПЯ для сохранения всех его компонентов и достижения адекватности перевода необходимо применять те или иные трансформации. Например, вводить пояснение в текст, дополнять стихотворение комментарием или менять знак на другой, близкий к нему, но при этом понятный читателям перевода.

В следующую категорию можно объединить знаки, используемые представителями отдельных социальных групп. Как правило, их означаемое известно только узкому кругу читателей, которых объединяет одна профессия, хобби, политические воззрения, субкультура и т.д. Это могут быть как достаточно

широкие группы, включающие многих людей, так и совсем узкие (например, посетители одного клуба по интересам). Причём эти группы могут существовать как в пределах одной страны и культуры (например, это могут быть сотрудники какого-либо предприятия), так и в разных культурах (представители какой-либо профессии). Следовательно, знаки, понятные представителям отдельных социальных групп, можно разделить на два подтипа: знаки, понятные представителям монолингвальных и монокультурных социальных групп, и знаки, понятные представителям полилингвальных и поликультурных социальных групп.

Как правило, стихи, в которых используются такие поэтические знаки, пишут непрофессиональные авторы для других членов социальной группы, которым данные знаки будут понятны. Очевидно, что если стихотворение на ПЯ рассчитано именно на таких читателей, то при передаче данных знаков не требуется никаких дополнительных трансформаций: они и так будут понятны целевой аудитории. Тем не менее, в некоторых случаях (как правило, когда автор является профессиональным литератором) эти стихи могут представлять художественную ценность и быть интересны широкому кругу читателей. Хрестоматийный пример произведения, написанного для ограниченного круга читателей, однако ставшего общеизвестным, – знаменитое стихотворение А.С. Пушкина: «И было мне, мои друзья, / И кюхельбекерно, и тошно». В данном случае слово «кюхельбекерно» как раз является поэтическим знаком, изначально понятным представителям лишь узкой монолингвальной социальной группы. Очевидно, что при переводе знаки данного типа будут непонятны широкому кругу читателей. Соответственно, они должны сопровождаться различными пояснениями для достижения адекватности перевода.

Наконец, существуют поэтические знаки, относящиеся к идиостилю автора. Эти символы не являются общеупотребимыми, их придумывает и наделяет смыслом сам поэт, а читатель понимает интуитивно, опираясь, в первую очередь, на контекст, а также на свои знания других текстов этого автора и его биографии, на понимание, в какое время и при каких обстоятельствах стихотворение было написано, поскольку данные знаки тесно связаны с характером автора, его жизненным опытом и

мировоззрением, условиями, в которых он находился, и т.п. М.С. Степанов, делая акцент на принципиальной связи поэтических знаков с идиостилем автора, отмечает: «поэтический текст сам по себе не несет объективно-рефлексируемого смысла, денотация применительно к поэзии возможна только с момента появления замысла поэтического текста у автора» (Степанов, 2007, с.112). Часто поэтические знаки, относящиеся к идиостилю автора, могут быть не совсем понятны читателю. Тогда то, как поэтические знаки будут истолкованы, будет зависеть от личности самого читателя, его характера, опыта и особенностей восприятия. Очевидно, что в такой ситуации желательно передавать поэтические знаки на ПЯ без изменений, чтобы сохранить адекватность перевода на прагматическом уровне, т.е. позволить читателю самостоятельно истолковать присутствующие в тексте поэтические знаки.

Итак, оптимальные способы передачи поэтических знаков во многом зависят от того, к какой категории распространённости относится каждый конкретный символ: одни поэтические знаки необходимо несколько изменять или дополнять, чтобы воспроизвести в переводе все три компонента поэтического знака. Другие же поэтические знаки можно (и желательно) переводить практически дословно, без каких-либо трансформаций. Однако иногда при передаче знаков, которые следовало бы переводить дословно, переводчик может менять их или же опускать. Это происходит, если сохранение поэтического знака в неизменном виде мешает добиться адекватности перевода на структурном уровне (т.е. сохранить ритмический рисунок, рифму и другие формальные признаки оригинала). Следовательно, необходимо определиться: в каких ситуациях поэтические знаки могут быть изменены или опущены, а в каких это неизбежно приведёт к потере адекватности перевода? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, следует в первую очередь определить вид семиотизации поэтического текста.

Виды семиотизации поэтического текста

Под семиотизацией понимается способность поэтического текста полностью или частично выступать в роли знака. Выше уже говорилось о том, что поэтический текст состоит из цепочки художественных символов. Однако иногда эти символы могут объединяться между собой, складываясь в один цельный, сложный

поэтический знак. Об этом писал, например, Ю. Лотман, утверждая: «один и тот же текст может быть прочтен как некоторая образованная по правилам естественного языка цепочка знаков, как последовательность знаков более крупных, чем членение текста на слова, вплоть до превращения текста в единый знак» (Лотман, 1970, с. 32). Об объединении всех поэтических знаков в один можно говорить в тех случаях, когда стихотворение строится на одном поэтическом образе, который развивается и раскрывается на протяжении всего текста; полученный сложный поэтический знак имеет один, комплексный визуальный образ и одно метафорическое значение. В таком случае мы имеем дело с полной семиотизацией поэтического произведения, в отличие от частичной семиотизации, при которой поэтический текст представляет собой совокупность отдельных, хотя и связанных между собой, знаков.

В качестве примера стихотворения, семиотизирующегося полностью, можно привести, например, произведение Эстер Гранек «Offrande» (перевод наш).

Offrande	Подарок
Au creux d'un coquillage	Пусть светлый день придёт,
Que vienne l'heure claire	И я тогда волну
Je cueillerai la mer	Ракушкой зачерпну
Et je te l'offrirai.	И подарю тебе.
Y dansera le ciel	Запляшет небо в ней
Que vienne l'heure belle.	В прекраснейший из дней.
Y dansera le ciel	Запляшет небо в ней,
Et un vol d'hirondelle	И тучка в вышине,
Et un bout de nuage	И ласточки полёт.
Confondant les images	Засветится восход –
En l'aurore nouvelle	В муаровой волне,
Dans un reflet moiré	Смешавшись, всё вокруг
Dans un peu de marée	Отобразится вдруг.
Dans un rien de mirage	Весь мир миражный тот
Au fond d'un coquillage.	В ракушку попадёт.
Et te les offrirai.	Всё подарю тебе.

Табл. 1. Стихотворение Эстер Гранек

Как видно, в данном стихотворении через весь текст проходит образ морской раковины как символа всего самого прекрасного, что есть мире; готовность лирической героини подарить её любимому выступает символом самоотверженной любви, которую она к нему испытывает. Таким образом, все поэтические знаки, присутствующие в стихотворении, соединяются в единый знак, визуальным образом которого является морская раковина (а также окружающий морской пейзаж, который в неё попадёт), а метафорическим значением – готовность лирической героини сделать всё ради счастья любимого человека. Данное стихотворение призвано вызывать у читателя приятные эмоции и ассоциации с самыми тёплыми человеческими чувствами.

Очевидно, что главный знак, вокруг которого строится всё поэтическое произведение, опустить невозможно и менять на какой-либо другой знак нежелательно. Можно заметить, однако, что не все поэтические знаки в составе единого сложного символа одинаково важны. Так, очевидно, что центральным в данном произведении является сам образ морской раковины, при замене которого полностью потеряется визуальный компонент сложного знака. Другие же знаки (тучка, полёт ласточки, восход), хотя и важны для данного текста, но как бы отходят на второй план: если опустить один из них или заменить на другой, похожий (например, восход на солнечный свет, ласточку – на чайку и т.д.), практически ничего не изменится. Итак, фактически внутри сложного знака можно выявить ядро и периферию: чем ближе знак к ядру, тем важнее передать его в переводе. Те же знаки, которые находятся на периферии, при необходимости могут быть заменены или опущены.

В текстах, семиотизирующихся частично, знаки также могут различаться по степени важности. В таких случаях мы можем говорить о доминантных и недоминантных знаках. Так, в уже упомянутом стихотворении В. Егорова встречаются разнообразные знаки, которые указывают на различные означаемые (опочившая юность, печурка страсти у ледяного окна, осенний перрон и др.). Тем не менее, знак «душа – растение» упоминается в данном стихотворении регулярно, практически в каждом четверостишии: «а иначе завянет нежный стебель души», «осыпаются листья с пожелтевшей души» и т.д. Следовательно, данный знак можно считать доминантным, т.е. наиболее важным для данного

произведения. Очевидно, что при переводе чрезвычайно важно передать доминантные поэтические знаки. Недоминантные же знаки не так важны для читательского восприятия стихотворения и, следовательно, в переводе в случае необходимости могут быть заменены на другие, похожие, знаки или же опущены.

Заключение

Итак, можно заключить, что умение распознать вид семиотизации и тип поэтического знака, а также выделить три компонента поэтического символа поможет определиться, какую стратегию необходимо применять при передаче знака, чтобы сделать перевод семиотически адекватным. Опираясь на данную теорию, переводчик сможет выбрать правильный приём передачи знака и решить, передать ли его в неизменном виде или же опустить; вводить ли пояснение, чтобы раскрыть значение знака, или же заменить его на другой. Кроме того, данная классификация может пригодиться при обучении будущих специалистов поэтическому переводу. Наконец, учёт вида семиотизации и типа знака, а также понимание, какие три компонента поэтический знак включает, может помочь при оценке качества уже выполненного перевода. Из этого следует, что учитывать семиотическую специфику поэтического текста и распознавать вид семиотизации и тип поэтического знака для достижения адекватности необходимо не только переводчикам (как начинающим, так и уже опытным специалистам), но и переводоведам для оценки качества выполненного перевода.

Литература

1. Базылев Н.В. Семиотическая модель перевода // Политическая лингвистика. 2008. №1 (24). С. 115-117.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Москв: Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Брюсов В.Я. Статьи и рецензии. Далекие и близкие. Том 6. Собрание сочинений в семи томах. М.: Художественная литература, 1973.
20. Vedeneva Yu.V., Kharkovskaya A.A., Malakhova V.L. Minitexts of poetic titles as markers of the English cognitive paradaigm // Training, Language and Culture. 2018. T. 2. № 2. C. 26-39.

4. Гречушникова Т.В. Структурно-семиотические характеристики экспериментального поэтического текста: автореф. дис. канд. филол. наук. Тверь, 2006.
5. Леонтьева К.И. Семиотика текста vs. семиотика дискурса: к поиску адекватного эпистемологического основания теории художественного перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1 (38). С. 75-80.
6. Лукина В.М. Утраты и замещения в поэтическом переводе (на материале переводов на русский язык стихотворения «О праздной болтовне» / “Personal talk” / У. Вордсворта, стихотворения «Замок» Выборновой К.А. и его перевода на французский язык Лукиной В.М.) // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. 2014. Вып. 1. С. 143-1529.
7. Малюга Е.Н. Особенности языка и культуры в деловой коммуникации (на материале англ. яз.) / Москва, 2004.
8. Максютин О.В. Переводческая ошибка в методике обучения переводу // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 1 (91). С. 49–52.
9. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. Москва: Высшая школа, 1990.
10. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода: учеб. для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. Москва: АСТ, 2007.
11. Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. Москва: Академический Проект, 2001.
12. Степанов М.С. Поэтическое как научный объект: аспекты реконструкции // Вестник Военного университета. 2007. № 3 (11). С. 109-116.
13. Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака: Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. Москва: Языки славянской культуры, 2014.
14. Французская поэзия в переводах русских поэтов 10-70-х годов XX века / под ред. Е. Эткинда. Москва: Радуга, 2005.
15. Шохина Е.В. Семантика времен года в поэзии пушкинской поры: автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж, 2017.
21. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2006.

22. Anisimova A., Pavlyuk M., Kogotkova S. Selecting a translation equivalent: Factors to consider in the classroom // Training, Language and Culture. – 2018. – №2(1). – Pp. 38-50. doi: 10.29366/2018tlc.2.1.3
23. Borisova,E. B., Blokhina A. V., Kucheryavenko V. V. Translation as a subject of theoretical text analysis // Training, Language and Culture. 2018. Vol. 2(3). Pp. 55-70. doi: 10.29366/2018tlc.2.3.4
24. Kourdis E. Semiotics of Translation: An Interdisciplinary Approach to Translation // International Handbook of Semiotics / Peter P. Trifonas. Toronto, 2015. Pp. 303–320.
25. Malyuga E. Exploiting the potential of ICT: assessment of students' knowledge // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016. Conference proceedings. 2016. C. 319-326. DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B13/S03.042
26. Malyuga E.N., Krouglov A., & Tomalin B. Linguo-cultural competence as a cornerstone of translators' performance in the domain of intercultural business communication // XLinguae. 2018. № 11(2). Pp. 566–582 DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.46
27. Stathi I. Inter-semiotic Translation and Transfer Theory in Cinematic / Audiovisual Adaptations of Greek Drama // International Handbook of Semiotics / Peter P. Trifonas. Toronto, 2015. Pp. 321–338.

References

Anisimova, A., Pavlyuk, M., & Kogotkova, S. (2018). Selecting a translation equivalent: Factors to consider in the classroom. *Training, Language and Culture, 2*(1), 38-50. doi: 10.29366/2018tlc.2.1.3

Bazylev, N.V. (2008). Semioticheskaya model perevoda [Semiotic model of translation]. *Politicheskaya lingvistika, 1*(24), 115-117.

Barthes, R. (1989) *Izbrannye raboty: semiotika, poetika* [Selected works: semiotics: poetics]. Moscow: Progress.

Borisova, E. B., Blokhina, A. V., & Kucheryavenko, V. V. (2018). Translation as a subject of theoretical text analysis. *Training, Language and Culture, 2*(3), 55-70. doi: 10.29366/2018tlc.2.3.4

Bryusov, V.Ya. (1973). *Statyi i retsenzii: dalekie i blizkie. Tom 6* [Articles and reviews. Far and near. Volume 6]. Moscow: Fiction.

Grechushnikova, T.V. (2006). *Strukturno-semioticheskie kharakterictiki eksperimentalnogo poeticheskogo teksta [Structural and semiotic characteristics of an experimental poetic text]* (Candidate thesis abstract, Russia, Tver state university, Tver, Russia).

Leontieva, K.I. (2014). Semiotika teksta vs. semiotika diskursa: k poisku adekvatnogo epistemologicheskogo osnovanya teorii khudozhestvennogo perevoda [Semiotics of the text vs. Semiotics of discourse: towards the search for an adequate epistemological basis for the theory of literary translation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki, 1* (38), 75-80.

Lukina, V.M. (2014). Utraty i zameshchenia v poeticheskom perevode (na materiale perevodov na russkiy yazyk stikhotvoreniya "Personal talk" W. Wordsworta, stikhotvoreniya "The castle" K. Vybornovoy i ego perevoda na frantsuzskiy yazik V. Lukinoy) [Losses and their compensation in poetic translation (a case study of Russian translations of W. Wordsworth's poem "Personal talk", K. Vybornova's poem "The castle" and its French translation by V. Lukina)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22: Teoriya perevoda, 1*, 143-152.

Malyuga, E. (2016). Exploiting the potential of ICT: assessment of students' knowledge. In *3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts, SGEM 2016. AUG 24-30, 2016. Book 1: Psychology And Psychiatry, Sociology And Healthcare, Education Conference Proceedings*, Vol. III. (pp. 319-325).

Malyuga, E.N., Krouglov, A., & Tomalin, B. (2018). Linguo-cultural competence as a cornerstone of translators' performance in the domain of intercultural business communication. *XLinguae, 11*(2), 566–582 DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.46

Malyuga, E.N. (2004). *Peculiarities of language and culture in business communication (based on English).* Moscow.

Maksyutina, O.V. (2010). Perevodcheskaya oshibka v metodike obutcheniya perevodu [Translation error in the method of teaching translation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogitcheskogo universiteta, 1* (91), 49-52.

Potebnya, A.A. (1990). *Teoreticheskaya poetika [Theoretical poetics].* Moscow: Vysshaya shkola.

Sdobnikov, V.V. (2007). *Teoriya perevoda: uchebnik dlya studentov lingvisticheskikh vuzov i fakultetov inostrannykh yazykov [Translation theory: textbook for students of linguistic universities and faculties of foreign languages]*. Moscow: AST.

Stepanov, Yu.S. (2001). *Semiotika: Antologiya [Semiotics: Anthology]*. Moscow: Akademicheskiy Proyekt.

Stepanov, M.S. (2007). Poeticheskoe kak nauchnyy obyekt: aspekty rekonstruktsii [Poetic as a scientific object: aspects of reconstruction]. *Vestnik Voennogo universiteta, 3* (11), 109-116.

Feshchenko, V.V. (2014). *Sotvorenie znaka: Ocherki o lingvoestetike i semiotike iskusstva [Creation of Sign: Essays on Linguistics and Semiotics of Art]*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.

Etkind, E. (2005). *Frantsuzskaya poeziya v perevodakh russkikh poetov 10-70-kh godov XX veka [French poetry in translations of Russian poets of the 10-70s of the twentieth century]*. Moscow: Raduga.

Shokhina, E.V. (2017). *Semantika vremen goda v po`ezii pushkinskoy pory [The semantics of the seasons in the poetry of Pushkin's time]* (Candidate thesis abstract, Voronezh state university, Voronezh, Russia).

Eko, U. (2006). *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiotiku [Missing structure. Introduction to Semiology]*. Saint-Petersburg: Simpozium.

Kourdis, E. (2015). Semiotics of Translation: An Interdisciplinary Approach to Translation. In Peter P. Trifonas (Ed.), *International Handbook of Semiotics* (pp. 303–320). DOI 10.1007/978-94-017-9404-6.

Stathi, I. (2015). Inter-semiotic Translation and Transfer Theory in Cinematic / Audiovisual Adaptations of Greek Drama. In Peter P. Trifonas (Ed.), *International Handbook of Semiotics* (pp. 321–338). DOI 10.1007/978-94-017-9404-6.

Vedeneva, Yu. V., Kharkovskaya, A. A., & Malakhova, V. L. (2018). Minitexts of poetic titles as markers of the English cognitive paradaigm. *Training, Language and Culture, 2*(2), 26-39. doi: 10.29366/2018tlc.2.2.2

УДК 811. 111-26
https://doi.org/10.25076/vpl.50.06
О. В. Смурова
Московский государственный лингвистический университет

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСЛОВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Статья посвящена исследованию функционирования условных высказываний в английском дискурсе. Объектом данной статьи являются условные высказывания двух семантико-прагматических типов, различающиеся как логико-семантическим строением, так и способностью активировать тот или иной тип иллокутивного фрейма. Активация фреймовой структуры в данном случае понимается как осуществление соответствующей иллокутивной функции, происходящее в рамках типового сценария. Целью данной статьи явилось изучение когнитивно-дискурсивных особенностей условных высказываний на материале английского языка. Материалом исследования послужили фрагменты из произведений современной художественной литературы из корпусов COCA и BNC. В ходе проведенного исследования было установлено, что условные высказывания способны активировать четыре типа фреймовых сценариев, выполняя в них соответствующие иллокутивные функции и передавая широкий спектр прагматических значений. При исследовании прототипических условных высказываний основное внимание уделялось особенностям взаимодействия таких высказываний с модальностью. Показано, что условные высказывания, которые не только выражают гипотетичность, но и имеют в своей семантической структуре модальный компонент, участвуют в дроблении эпистемической шкалы, предавая два варианта значения оценочной гипотетической возможности. Новизна исследования

© Смурова О.В., 2023
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

заключается в исследовании прагматических особенностей условных высказываний особого типа - косвенных условных высказываний, по своим свойствам отличающимся от стандартных условных высказываний. Результатом исследования явилось как установление общей функции косвенных условных высказываний, так и выявление их частных прагматических функций в каждом из рассмотренных типов речевого взаимодействия. В работе показано, что основными прагматическими функциями косвенных условных высказываний в рамках директивного иллокутивного фрейма являются выражение вежливости, снижение или повышение категоричности высказывания и выражение экспрессивности. В части случаев косвенные условные конструкции имеют чисто этикетный характер и представляют один из способов хеджирования. В этом смысле можно считать, что условные конструкции такого типа выступают как дискурсивные маркеры, имеющие чисто прагматическую функцию. В декларативно-экспрессивном типе речевого взаимодействия главной функцией косвенных условных высказываний служит увеличение вовлеченности адресата происходящую интеракцию. Также рассмотрены случаи совмещения в одном и тоже высказывании двух иллокутивных функций.

Ключевые слова: прототипические условные высказывания, косвенные условные высказывания, типы иллокутивного фрейма, косвенные речевые акты, иллокутивная функция, прагматическое значение, эпистемическая модальность

UDC 811. 111-26
https://doi.org/10.25076/vpl.50.06
O. V. Smurova
Moscow State Linguistic University

COGNITIVE-DISCURSIVE FEATURES OF CONDITIONAL UTTERANCES

The paper is devoted to the study of the functioning of conditional utterances in English discourse. The object of this article is conditional utterances of two semantic-pragmatic types, which differ both in their

logical-semantic structure and in the ability to activate one or another type of illocutionary frame. The activation of the frame structure in this case is understood as the implementation of the corresponding illocutionary function, which occurs within the framework of a typical scenario. The purpose of this article was to study the cognitive-discursive features of conditional utterances on the material of the English language. The material of the study was fragments from works of modern fiction from the COCA and the BNC corpora. In the course of the study, it was found that conditional utterances are able to activate four types of frame scenarios, performing specific illocutionary functions in them and conveying a wide range of pragmatic meanings. In the study of prototypical conditional utterances, the main attention was paid to the features of the interaction of such utterances with modality. It is shown that conditional utterances, which not only express hypotheticality, but also have a modal component in their semantic structure, participate in the more precise division of the epistemic scale, betraying two variants of the value of the estimated hypothetical possibility. The novelty of the study lies in the scrutiny of the pragmatic features of conditional utterances of a specific type - indirect conditional utterances, which differ in their properties from standard conditionals. The result of the study was both the establishment of the general function of indirect conditional utterances, and the identification of their particular pragmatic functions in each of the considered types of speech-act interaction. The paper shows that the main pragmatic functions of indirect conditional utterances within the directive illocutionary frame are the expression of politeness, the decrease or increase in the categoricalness of the utterances and conveying expressiveness. In some cases, indirect conditional utterances are purely etiquette in nature and represent one of the hedging methods. In this sense, we can consider that conditional constructions of this type act as discursive markers that have a purely pragmatic function. In the declarative-expressive type of speech interaction, the main function of indirect conditional utterances is to increase the involvement of the addressee in the ongoing interaction. Cases of combining two illocutionary functions in one and the same statement were also considered.

Key words: prototypical conditional utterances, indirect conditional utterances, types of illocutionary frame, indirect speech acts, illocutionary function, pragmatic meaning, epistemic modality

Введение

Условные высказывания отличаются специфическим логико-семантическим строением, включающим два логических компонента: антецедент и консеквент. Антецедент и консеквент представляют собой «два высказывания, из которых с помощью логической операции импликации («если..., то ...») образуется сложное импликативное высказывание» (Ивин, Никифоров, 1998, с. 18). В антецеденте формулируется условие, являющееся достаточным для реализации консеквента. Логики представляют импликативное высказывание в виде формулы *If p, q/ Q, if p*, где *if p* — условие, или антецедент, а *q* — результат, или консеквент. Таким образом, высказывания с обусловленной возможностью устанавливают причинно-следственную связь между частями сложного импликативного высказывания. Лингвисты для терминов антецедента и консеквента чаще используют термины «протазис» и «аподозис», соответственно.

В синтаксическом отношении условные высказывания представляют собой сложноподчиненные предложения с придаточными условия. Очевидно, что подчиненной частью является протазис, тогда как аподозис представляет собой главную часть таких предложений. В английском языке протазис – это придаточное предложение, которое чаще всего вводится союзом *if (если)*. В зависимости от вероятности реализации условия обычно выделяют три основных типа условных предложений-высказываний (см., например (Плунгян, 2011, с. 322)):

(1) предложения с *реальными условиями* (вероятность реализации условия высокая): *If it rains, he'll stay home (Если пойдет дождь, он останется дома);*

(2) предложения с *нереальными условиями* (вероятность реализации условия низкая): *If I won the lottery, I would go travelling (Если бы я выиграл в лотерею, я бы отправился путешествовать);*

(3) предложения с *контрфактическими условиями* (реализация условия невозможна*): If you hadn't helped us, we wouldn't have done the task (Если бы вы не помогли нам, мы бы не справились с задачей).*

К условным высказываниям в английском языке также относятся высказывания, в которых протазис носит фактивный характер (т. е. всегда достоверен):

(4) так называемые «условные предложения нулевого типа» (*Zero Conditionals*): *If you press this button, the cover opens (Если вы нажмете эту кнопку, крышка откроется).*

Кроме вышеуказанных четырех типов условных высказываний лингвисты выделяют и другие типы условных конструкций. Так, в работе (Quirk и др., 1985) условные высказывания подразделяются на прямые и косвенные (*direct* и *indirect*) в зависимости от их функций в дискурсе. К первым относятся «прототипические» условные предложения, свойства которых описаны выше (т. е. в протазисе которых формулируется условие, являющееся достаточным для реализации аподозиса), тогда как ко второй группе принадлежат высказывания, в которых условие связано с имплицированным речевым актом, в котором функционирует высказывание (Quirk и др., 1985, с. 1089). В качестве примера косвенного условного высказывания можно привести следующий:

(5) *If you met him yesterday, why didn't you ask him to come and see me?*

В работе (Declerck & Reed, 2001) выделяется еще один тип условных высказываний – релевантные (*relevance conditionals)*:

(6) *If you are thirsty, there's beer in the fridge* (Declerck & Reed, 2001, с. 425)

Согласно авторам работы, формулируя релевантное условное высказывание, говорящий предполагает наличие взаимопонимание между ним и адресатом высказывания в отношении того, что актуализация P (антецедента) является достаточным условием релевантности Q-высказывания (консеквента). С. Финлэй, анализируя аналогичное примеру (6) релевантное условное высказывание *If you want biscuits, then there are some on the table*, указывает, что в нем чувствуется странность (*mild oddity*). Эта странность объясняется тем, что консеквент в подобных высказываниях не является логическим следствием антецедента, а утверждается как независимое от него истинное высказывание. С. Финлэй считает, что «сопротивление» (resistance) антецедента быть связанным с консеквентом с помощью союза *then* является

грамматическим маркером релевантных условных высказываний, а их существование объясняет теорией эллипсиса (Finlay, 2016, с. 71).

Таким образом, в прототипических условных высказываниях формулируется прямая зависимость следствия (консеквента) от исходного условия (антецедента), т. е. прототипическому условному высказыванию соответствует информативно-дескриптивный тип речевого взаимодействия, который маркируется когнитивной иллокутивной функцией, тогда как косвенные условные высказывания высказывания способны функционировать в речевых актах с другими иллокутивными функциями, передавая широкий спектр прагматических значений (Malyuga, Poliakova & Tomalin, 2019). По мысли Е. С. Кубряковой, «языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» (Кубрякова 2012, с. 33). Целью данной статьи является исследование когнитивно-дискурсивных особенностей условных высказываний, что предполагает учет как когнитивных особенностей исследуемых высказываний, так и выявление особенностей функционирования высказывания с обусловленной возможностью в актах речевого общения.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели в работе были использованы несколько методов. Лингво-когнитивный анализ условных высказываний проводился путем интеграции приемов логико-семантического, семантико-синтаксического и функционально-семантического анализов. Для выявления дискурсивно-прагматических факторов, обеспечивающих функционирование высказываний в дискурсе, применялся контекстуальный анализ. Для изложения результатов исследования использовался описательный метод.

Материалом исследования послужили фрагменты из произведений современной художественной литературы из корпусов COCA и BNC. Если примеры взяты не из корпусов, в тексте дается ссылка на источник. Подчеркнем, что для исследования выбирались фрагменты из диалогических высказываний, т. к. в рамках литературного языка диалогические

высказывания отражают особенности разговорной речи, оставаясь при этом в рамках литературной нормы.

Результаты и обсуждение

Функционирование в дискурсе прототипических условных высказываний

Как было показано выше, прототипические условные высказывания представляют собой высказывания с обусловленной возможностью и являются характерным элементом человеческого мышления. В способности человека порождать такие высказывания отражается его способность производить логические выводы из различных посылок. Однако когнитивные функции таких высказываний выходят далеко за рамки простого логического вывода: на способности человека делать выводы из воображаемых ситуаций основана его способность предвидеть развитие событий и принимать на этом основании те или иные решения. Основываясь на условных высказываниях прогностического характера, Б. Данцигер и Е. Свитсер (Dancygier & Sweetser, 2005) вскрывают когнитивный механизм, обеспечивающий человеческую способность к предвидению. Исследователи показывают, что условные высказывания прогностического характера обеспечивают создание альтернативных ментальных пространств. По мнению исследователей, процесс оценки результатов альтернатив лежит в основе общего значения условных предложений как категории.

В нашей выборке около 45% отобранных примеров представляют собой условные высказывания, функционирующие в информативно-дескриптивном типе речевого взаимодействия**,** и у которых основной иллокутивной функцией является когнитивная.

Среди условных высказываний с когнитивной иллокутивной функцией выделяется группа высказываний, в которых эта человеческая способность отражается особенно ярко. В таких высказываниях антецедент является предпосылкой для сформулированной в консеквенте гипотезы говорящего, достоверность которой может быть очень разной, представляя собой, по выражению Е. Е. Корди, «континуум от нереального предположения до потенциальности или реального предположения» (Корди, 1998, с. 292). Так, в примере ниже гипотеза говорящего, сформулированная в консеквенте, представляет собой предположение с высокой степенью

уверенности: *If you didn't damage the curtain, it must have been the cat.* (Declerck & Reed, 2001, с. 293).

В зарубежной лингвистической литературе высказывания подобные приведенному выше, обозначают термином *inferential conditionals* (см., например, работы Dancygier & Sweetser, 2005; Haegeman, 2003; Declerck & Reed, 2001). Подобные высказывания носят оценочный характер и в этом смысле контрастируют со стандартными условными высказываниями, в антецеденте которых всегда содержится условие, являющееся достаточным для истинности консеквента.

Степень достоверности гипотезы в оценочных высказываниях с обусловленной возможностью, может варьироваться от фактуальности до контрфактуальности, занимая все промежуточные положения эпистемической шкалы, которая отражает степень уверенности говорящего в истинности содержания пропозиции. Согласно представлениям, изложенным в (Nuyts, 2001), в формализованном математическом представлении эпистемическую шкалу можно понимать как шкалу значений от 1 до -1, проходящую через ноль, отражающий нейтральную возможность. Таким образом, эпистемическая шкала идет от абсолютной уверенности через правдоподобность к относительно нейтральной возможности, переходя затем на отрицательную сторону, где продолжается через неправдоподобность до абсолютной уверенности в том, что положение вещей не может иметь места ни при каких условиях. Смыслы, связанные с узловыми точками на эпистемической шкале во многих языках закреплены в понятиях.

Как считает Р. Деклерк, в английском языке существует по меньшей мере 9 узловых точек на эпистемической шкале: (i) *factuality* (фактуальность) — (ii) *strong necessity* (жесткая эпистемическая необходимость) — (iii) *weak necessity* (слабая эпистемическая необходимость) — (iv) *probability* (вероятность) — (v) *possibility* (возможность)— (vi) *improbability* (маловероятность) — (vii) *impossibility* (невозможность) — (viii) *not-yet-factuality* (неполная фактуальность) — (ix) *counterfactuality* (контрфактуальность) (Declerck, 2011, с. 36). При этом необходимо подчеркнуть, что высказывания, отражающие фактуальность, не являются модальными и, по существу, выходят за пределы

эпистемической шкалы. Так, за пределами эпистемической шкалы находятся условные предложения с фактивным условием: *If I had a problem I didn't keep it to myself* (*Если у меня была проблема, я не держал ее в себе*).

Очевидно, что в явном виде с узловыми точками эпистемической шкалы соотносятся высказывания с эпистемическими модальными глаголами или лексическими показателями эпистемической модальности (*certainly, possibly, probably* и т. п.), которые эксплицитно выражают степень уверенности говорящего в (не)достоверности пропозиции. Оценочные высказывания с обусловленной возможностью можно рассматривать как условные конструкции, у которых имеется не один консеквент, а целый ряд потенциально возможных консеквентов. Именно наличие эпистемического модального компонента в консеквенте указывает слушателю на теоретическую возможность другого исхода, чем тот, что вербализован говорящим в данной речевой ситуации. Например, модальный глагол *might* в высказывании *If I won the lottery, I might go travelling* подчеркивает, что ситуация консеквента является лишь одной из возможностей.

Оценочные высказывания с обусловленной возможностью, содержащие модальные показатели, могут быть «привязаны» к узловым точкам эпистемической шкалы:

- *I know that sounds weird but if you met him, you'd definitely say the same thing* (жесткая эпистемическая необходимость);
- *If the money is not in the till, it should already be in the safe* (слабая эпистемическая необходимость);
- *You'd probably like him if you met him* (вероятность);
- *If I were you, I might give it a pass* (возможность);
- *If Mark carried out the experiment, it can't have been carefully prepared* (невозможность);
- *If you go to the city centre now, the road will be awful* (неполная фактуальность);
- *If you had walked through the woods, you might have got lost* (контрфактуальность).

Как видно из приведенных примеров, средством выражения степени недостоверности гипотезы, представленной в консеквенте приведенных выше высказываний, служат модальные показатели. Модальность и гипотетичность являются граммемами разных

грамматических категорий, имеющими в семантике общий компонент – ирреальность, т. е. ирреальность может носить как модальный, так и немодальный характер (Lebedeva & Orlova, 2019). Граммемы с семантикой ирреальности способны к взаимодействию в том смысле, что они являются не взаимоисключающими, а, напротив, взаимодополняющими. Модальный компонент, в свою очередь, может относиться как к корневой, так и к эпистемической ее разновидности. Например, в высказывании (1) *If it rains, he'll stay home* семантику ирреальности отражает показатель будущего времени; в высказывании (1a) *If it rains, he'll have to stay home* семантика ирреальности отражается в модально-темпоральном семантическом комплексе с деонтическим модальным компонентом, тогда как в высказывании (2) *If it rains, he may stay home* – с эпистемическим. Очевидно, что высказывание (2) с эпистемическим показателем отражает меньшую степень уверенности говорящего, чем неоценочные высказывания (1) и (1a).

Если антецендент высказываний с нереальными и контрфактическими условиями не имеет модального компонента, то высказывания репрезентируют гипотетичность «в чистом виде»: (3) *If it were to rain, he would stay home* или (3a) *If it had rained, he would have stayed home.*

Любое высказывание, отражающее категориальную гипотетичность, может быть дополнено эпистемическим модальным компонентом: (4) *If it were to rain, he might stay home* или (5) *If it had rained, he might have stayed home*. Высказывания (4) и (5) различаются, т. к. в первом из них реализации условия маловероятна, а во втором – невозможна. Иными словами, в высказывании (4) говорящий оценивает ситуацию консеквента как маловероятную, а в высказывании (5) – как недостоверную, поскольку в последнем высказывании ситуация предшествует моменту речи, хотя в обоих случаях мы имеем дело с воображаемыми ситуациями. Подчеркнем, что, несмотря на наличие эпистемического показателя, консеквенты таких высказываний выражают не эпистемическую, а оценочную гипотетическую возможность. В высказываниях, отражающих такую разновидность возможности, оценочность накладывается на гипотетичность, преобладает компонент значения «ирреальность», а в импликации напрямую отражается (не)достоверность ситуации.

Отметим, что комбинация эпистемической модальности и гипотетичности имеет еще один вариант, когда, наоборот, гипотетичность накладывается на оценочность, и в высказывании преобладающей оказывается степень уверенности говорящего, поэтому такие высказывания трактуются как чисто как модальные. Так, хотя в следующих высказываниях модальный глагол является не только эпистемическим показателем, но и средством выражения гипотетичности, т. к. он употреблен в форме сослагательного наклонения, они воспринимаются как чисто «модальные»: (6) *He might stay home* или (6а) *He might have stayed home*.

Следовательно, высказывания с эпистемической и с гипотетической оценочной возможностями различаются своими характерными свойствами, т. е. эти разновидности возможности в лингвистическом смысле представляют собой различные явления.

Несмотря на то, что в высказываниях (1) – (6) компоненты ирреальности имеют разное происхождение, хорошо ощущается, что достоверность пропозиции [he — stay home] падает в ряду высказываний (1)→(2)→(6)→(3)→(4)→(5): от достоверности в неоценочном высказывании (1) к контрфактуальности в высказывании (5). Следовательно, гипотетичность мы можем рассматривать как средство, модифицирующее модальное значение возможности.

На прагматическом уровне, в актах речевого общения, это свойство гипотетичности позволяет говорящему широко варьировать степень своей уверенности в достоверности высказывания, в том числе и путем использования условных конструкций.

Схематически способность гипотетичности участвовать в членении эпистемической шкалы изображена на рис. 1.

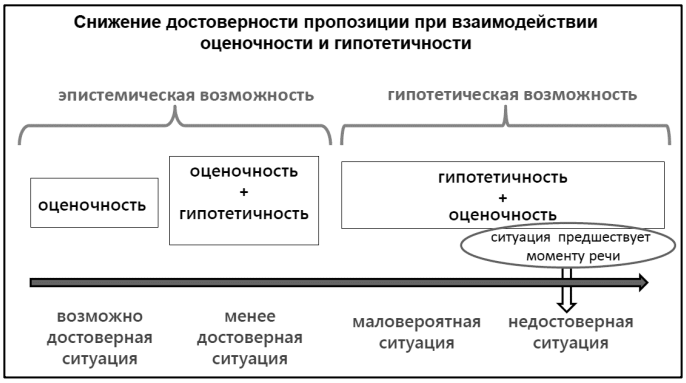

Рис. 1. Снижение достоверности пропозиции при взаимодействии оценочности игипотетичности

Функционирование в дискурсе косвенных условных высказываний

Информативно-дескриптивный тип речевого взаимодействия не является единственным, в котором могут функционировать условные высказывания. Однако если в информативно-дескриптивном типе речевого взаимодействия функционируют прототипическтие условные высказывания, другие типы иллокутивного фрейма активируются косвенными условными высказываниями, главной функцией которых является производство речевых актов. Как отмечает Е. Свитсер, условные высказывания такого типа могут быть перефразированы следующим образом: «Если [протазис], тогда будем считать, что я совершаю этот речевой акт (т. е. тот, который фигурирует в аподозисе)». В отличие от прототипических условных высказываниий, которые перефразируются «Если я знаю [протазис], тогда я делаю вывод [аподозис]» (Sweetser, 1990, с. 121).

Понимая иллокутивность как отношение между высказыванием как коммуникативной единицей и результатом его использования в акте речевого взаимодействия, мы опираемся на представления А. А. Романова о том, что каждая типовая иллокутивная функция активирует типовые фреймовые пространства, в которых «разыгрываются те или иные фреймы или фреймовые сценарии» (Романов, 1988, с. 30). Говорящий, выбирая определенную «форму взаимодействия и маркируя ее соответствующим образом в виде

тех или иных иллокутивных показателей, устанавливает направленность такого воздействия» с учетом фреймовой организации типового взаимодействия партнеров (Там же, с. 53-55). Однако, оставаясь в рамках типового фреймового пространства, которое обеспечивает глобальную стратегию интеракции, говорящий может использовать разные инструменты воздействия на слушателя, в зависимости от прагматических параметров высказывания. К таким параметрам относятся говорящий, адресат, отношения между ними (как статусные, так и ролевые), а также фоновые знания коммуникантов, которые делают возможным как производство, так и понимание высказывания. Таким образом, прагматические параметры высказывания обусловливают выбор говорящим характера и способа воздействия на партнера по диалогу (Malyuga, 2001). Например, побуждать слушателя к действию можно, используя речевые акты одной природы, но различной эмоциональной окраски: приказы, просьбы, советы и т. п.

Директивный тип речевого взаимодействия

Речевые акты, иллокутивной целью которых является побуждение к действию, формируются интерактивной иллокутивной функцией и активируют директивный тип иллокутивного фрейма. В отличие от условных высказываний с когнитивной иллокутивной функцией, иллокутивная цель которых состоит в стремлении зафиксировать ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, речевые акты с интерактивной иллокутивной функцией, прежде всего, выражают стремление говорящего произвести воздействие на слушателя.

Директивный речевой акт – это коммуникативная ситуация, которая, как и всякая модель общения, включает в себя говорящего, адресат и высказывание. Директивный тип иллокутивного фрейма предполагает непосредственное взаимодействие между участниками, т. е. требует определенной реакции слушающего на действия говорящего (Malyuga & Orlova, 2015). Ожидаемый ответ состоит в том, что слушающий выполняет действие или способствует его выполнению. В этом случае взаимодействие имеет минимальное количество шагов: директивный речевой акт → его совершение. В противном случае, если слушающий отказывается от выполнения действия, взаимодействие имеет два

возможных варианта: а) говорящий принимает отказ и взаимодействие завершается, б) говорящий не принимает отказ и настаивает на выполнении действия.

Директивный тип речевого взаимодействия с участием условных высказываний по нашим данным является вторым по частотности после информативно-дескриптивного. В нашей выборке к речевым актам директивного типа относится около 20% проанализированных нами примеров.

В формировании значения директивных речевых актов участвуют средства всех уровней языка. Так, в примере (i) в формировании основанного на необходимости директивного значения участвует синтаксическая структура “модальный глагол в сослагательном наклонении + вопросительная коммуникативная установка”, в примере (ii) – сложная синтаксическая структура, с эксплицитным перформативом, требующим сослагательного наклонения глагола в придаточном предложении, а в примере (iii) директивное значение выражено побудительным высказыванием с глаголом в императиве:

(i) *Could you, please, answer the question?*
(ii) *I insist that you answer the question.*
(iii) *Answer the question, please*.

В рассмотренных примерах средства выражения не меняют иллокутивной цели высказывания, а обслуживают коммуникативную функцию языка, внося вклад в прагматическое значение высказывания: в зависимости от выбранных средств волеизъявление носит более вежливый, как в примере (i), или более директивный, как в примере (iii), либо подчеркнуто субъективный характер, как в примере (ii). Добиваясь своей цели, говорящий пытается выбрать оптимальные способы воздействия на адресата, что означает, что любой речевой акт «связан с «планированием речи» и является сложной сущностью, в которой когнитивные и т. п. функции сочетаются с межличностными при том или ином удельном весе этих функций в конкретной ситуации» (Демьянков 1986, с. 225). Следовательно, в директивном типе иллокутивного фрейма в наибольшей степени проявляется активное отношение говорящего к высказываемому. Очевидно, что прагматические причины лежат в основе того, выбирает ли говорящий эксплицитное выражение мысли или желания, как в примерах (ii) и

(iii), или же полагает, что прямое высказывание нежелательно или неэффективно и использует косвенный речевой акт, как в примере (i). Таким образом, директивные речевые акты могут быть оформлены и как вежливая просьба, и как как предложение совершить какие-то действия, и как безапелляционная команда, которую адресат не может не выполнить.

К непосредственным иллокутивным значениям директивных речевых актов с условными конструкциями относятся (1) советы, (2) просьбы, (3) приглашения и (4) приказы:

(1) *I wouldn't touch that if I were you.*

(2) *I would be grateful if you never posted on this site again.*

(3) *I would be pleased should you find yourself at liberty to attend.*

(4) *If he will now be so gracious as to remove his masterpiece, I shall conduct class.*

Все примеры приведенные выше являются косвенными речевыми актами, поскольку прямое значение этих высказываний как коммуникативно-синтаксических структур находится в конфликте с его семантико-прагматическим значением. Несовпадение ожидаемого сигнала с реальным, побуждает адресат к осмыслению (хотя, скорее всего, не осознанному) соотношения прямого значения структуры и ее имплицитного смысла, т. е. активизирует механизм инференции. Таким образом, подлинный смысл высказывания – это результат инференции из прямого смысла. В этом смысле реальное содержание высказывания оказывается шире кодифицированных, эксплицитно выраженных в нем знаковых значений, и успешность речевых актов связана со способностью адресата декодировать прагматический смысл высказывания (McGee, 2019). Процесс «прагматического осмысления» речевого акта весьма сложен и зависит от целого ряда аспектов:

- от свойств структуры высказывания (его семантико-синтаксического строения);
- от паралингвистических особенностей высказывания (таких как скорость речи, ударение, интонация, высота звука и т. п., а также от жестов, мимики, от того, какие телодвижения производит говорящий и т. п.);
- от актуального коммуникативного контекста (наличия и свойств предметов, других лиц и т. п.);

- от знаний /представлений адресата о говорящем и его особенностях, а также о других свойствах коммуникативной ситуации;
- от знаний/убеждений адресата относительно типа происходящего взаимодействия и структуры предшествующих контекстов взаимодействия;
- от знания адресата, полученных из предыдущих речевых актов
- знания адресата, в том числе конвенциональные, о правилах коммуникации.;
- общие фоновые знания (Van Dijk, 1977, с.214)

Помимо вышеизложенного, необходимо учитывать ряд условностей, типичных для каждой культуры, таких как традиции, ценности, обычаи, законы, нормы, правила, принципы и т. п., которые также оказывают влияние на успешность коммуникации. Так, Вежбицкая в своих работах отмечает, что в некоторых языках, например, в польском, типичная вежливая английская просьба *Can you pass the salt?* будет восприниматься как простой вопрос, а не как директивный речевой акт (Wierzbicka, 1991, с.204).

Пример (1) представляет собой самый распространенный в нашей выборке тип директивного речевого акта с участием условных конструкций. Такой речевой акт характеризует умеренная вежливость и невысокая настоятельность, поэтому он используется в тех случаях, когда коммуниканты имеют равные социальные статусы, и у говорящего нет прямой цели побудить собеседника к действию.

Пример (2) формально соответствует стандартной вежливой просьбе, однако наличие лексического элемента *never* выдает раздражение говорящего и делает его просьбу гораздо более настоятельной. Высказывание такого типа говорящий может себе позволить, если его социальный статус выше социального статуса адресата или если он не заинтересован в дальнейшем общении с собеседником.

Условные конструкции, встроенные в косвенный вопрос, повышают вежливость просьбы и преобладают в деликатных просьбах, например, в случаях, когда говорящего по како-либо причине смущает его просьба, но ему все же важно получить ответ на нее, как в примере ниже:

(5) *I wonder if you could tell me, Doctor, what you consider to be the essential requirements for a treatment program for an individual who is diagnosed as being a multiple personality.*

Значительное количество примеров содержат просьбы, выраженные условными конструкциями, содержащими клишированные фразы («формулы вежливости»):

(6) *Would you mind if I had some pudding?*

(7) *Do you mind if I stay here for a little while?*

(8) *If you don't mind, I think I'll hire a car.*

(9) *Do you mind if I ask you something? Do you actually read your Bible?*

(10) *' What does' ha' mean, if you don't mind my asking?*

Интересно отметить, что в примере (10) клишированная фраза *if you don't mind my asking*, оформляющая просьбу, следует за уже произнесенной просьбой, что показывает ее чисто этикетный характер. Такой же этикетный характер носит фраза типа *If it's ok with you,* присоединяемая к просьбе в менее формальной ситуации общения и при равно-положенности социально-ролевых статусов коммуникантов. Такие случаи можно рассматривать как способ хеджирования.

В примере (3) представлено высказывание, которое выдает более низкий социальный статус говорящего, чем статус его партнера по коммуникации, и демонстрирует высокую заинтересованность говорящего в дальнейшем общении. Использованная в этом примере инвертированная бессоюзная условная конструкция с модальным глаголом *should*, с одной стороны повышает градус формальности высказывания, а с другой стороны, сигнализирует адресату, что говорящий допускает, что адресат не последует его приглашению. Необходимо отметить, что приглашение в примере (3) является чрезвычайно вежливым не только за счет использованной условной конструкции, но и благодаря выбору лексических единиц (*find yourself at liberty).* Аналогично, использование модального глагола *would* в if-части высказывания *If you are interested, I would be pleased if you would join me* усиливает вежливость высказывания и повышает его формальность, а фраза *If you are interested* резко снижает его категоричность.

Пример (4), отличается от разобранных выше примеров ярко выраженной экспрессивностью и представляет собой

саркастическое высказывание, совмещенное с приказом. Сарказм выражается в выборе лексических единиц (*be so gracious, his masterpiece),* а раздражение говорящего ощущается благодаря использованию в протазисе высказывания модального глагола *will*, со значением «соизволит», который не только служит цели заставить слушателя выполнить требуемое действие, но и подчеркивает недовольство говорящего сложившейся ситуацией. Подобное высказывание возможно, когда говорящий имеет более высокий социально-ролевой статус, чем собеседник. Таким образом, экспрессивность высказывания (4) объясняется как намерениями говорящего оказать эмоциональное воздействие на слушателя, так и экстралингвистическим контекстом коммуникативного акта. В общем случае, говорящий может использовать экспрессивные языковые единицы разных уровней (фонетические, лексические, морфологические и синтаксические), когда стремится увеличить перлокутивный эффект высказывания. Экспрессивность является коннотативным компонентом (или, в терминологии, М. В. Никитина, «аксиологической производной») значения языковой единицы.

Помимо косвенных директивных речевых актов, в нашей выборке встречаются условные высказывания в синтаксической структуре с иллокутивным значением «приказ» присутствует глагол в императиве:

(11) *Call the police if someone should try to break in.*

Однако частотность условные высказывания с глаголом в императиве в нашей выборке оказалась существенно ниже частотности косвенных директивных речевых актов. Это можно объяснить тем, что нормы вежливости, принятые в современном обществе, предполагают использование менее категоричных высказываний, особенно при общении собеседников с разными уровнями социального положения. В работе (Bach & Harnish, 1982) описаны необходимые условия для использования говорящим прямого директивного акта. Говорящий в праве потребовать от слушающего совершения действия только в том случае, если он, во-первых, выражает не только намерение, чтобы слушающий совершил требуемое действие, но и убежденность в том, что его высказывание в силу его власти над слушающим дает тому веские основания для совершения этого действия (Bach & Harnish, 1982, с.

47). Таким образом, необходимым условием для прямых директивных актов является авторитет говорящего (институциональный, психологический, социальный или физический), поскольку именно властная позиция говорящего придает вес таким высказываниям. Реакция слушающего, в свою очередь, предполагает безусловное послушание, поскольку в случае неподчинения он может столкнуться с неблагоприятными последствиями.

Интересно отметить, что в директивном типе речевого взаимодействия могут функционировать оценочные высказывания с обусловленной возможностью:

(12) *If you could explain more, I might be able to help more.*

Использование такого высказывание возможно в случае, когда и адресат проявляет определенную нерешительность, и говорящий не слишком заинтересован в произведении действия. Прагматическими функциями оценочного высказывания с обусловленной возможностью являются повышение вежливости и мягкое побуждение.

Рассмотренные примеры директивных речевых актов показывают, что условные конструкции сами по себе не являются непосредственными носителями иллокутивной силы, и своего полного выражения интерактивная иллокутивная функция достигает только на уровне высказывания как целостной коммуникативной единицы.

К прагматическим функциям условных конструкций в директивных речевых актах (которые они осуществляют совместно с лексическими и модальными единицами, участвующими в речевом акте), можно отнести:

1) подчеркнутое выражение вежливости;
2) снижение или повышение категоричности высказывания;
3) выражение экспрессивности.

Декларативно-экспрессивный тип речевого взаимодействия

Декларативно-экспрессивный тип речевого взаимодействия характерен для комиссивов: обещаний, заверений, клятв и угроз. Приведем примеры использования условных высказываний в декларативно-экспрессивном типе речевого взаимодействия:

(13) *If you like, I'll ask around back at the church and see if I can find out what's on offer.*

(14) *You won't be late even if you insist on walking into town rather than accept a lift off me.*

(15) *Oh, darling, if you let me love you, I will never give you pain!*

(16) *I warn you that if see you here again, I'll tell your parents.*

При декларативно-экспрессивном типе речевого взаимодействия обязательства налагаются на адресата, а на самого говорящего. Как видно из приведенных примеров, и в этом типе речевого взаимодействия условные конструкции не являются носителями иллокутивной силы, но увеличивают вовлеченность в коммуникативный акт адресата высказывания. Заметим, что авторы одной из основополагающих работ (Coker & Burgoon, 1987), исследующих вовлеченность как лингвистическую категорию, считают, что от вовлеченности коммуникантов зависит насколько успешной будет коммуникация (Coker & Burgoon, 1987, с. 463). которая не является элементом содержательной структуры индивидуальных оценочных показателей, а представляет собой свойство высказывания как коммуникативного целого и передается синтаксическими средствами.

В формальном отношении комиссивные речевые акты всегда перформативны, хотя могут иметь разные мотивировки и формы осуществления. Примеры (15) и (16), имея сходную семантику, отличаются знаком интенции: если иллокутивной целью говорящего в примере (15) является, убеждая адресата, привести его в состояние эмоционального комфорта, то в примере (16) говорящий имеет противоположную иллокутивную цель: доставить говорящему дискомфорт. Такие речевые акты выделяют в особую группу менасивов. Менасивы являются одним из способом установления статусного соотношения между коммуникантами, выгодного говорящему и служат эффективным инструментом влияния на адресата с целью получения необходимого говорящему результата.

Менасивы, выраженные условными высказываниями, характеризуются прагматическими особенностями, отличающими их от менасивов другого семантико-синтаксического строения. Как обсуждалось выше, условная конструкция имеет специфическое логико-семантическое строение: состоит из условия (антецедент) и

следствия (консеквент). Угрозу в менасивных высказываниях с условными конструкциями содержит консеквент, а в антецеденте формулируется требование к говорящему. В этом смысле менасивы являются высказываниями с двойной иллокутивной функцией: конститутивная иллокутивная функция консеквента в менасивах совмещается с интерактивной функцией антецедента.

Контактивно-регулятивный тип речевого взаимодействия

Условные конструкции способны активировать контактивно-регулятивный тип иллокутивного фрейма, являясь средством выражения сатисфактивов – речевых актов, выражающих предостережения, сожаления, упреки:

(17) *'I wouldn't be so sure about that if I were you!' Myles exclaimed harshly.*

(18) *I wouldn't touch that if I were you.*

(19) *If you met him yesterday, why didn't you ask him to come and see me?*

Примеры (17) и (18) представляют собой косвенные речевые акты, выражающие предостережение. В таких речевых актах говорящий побуждает адресат совершить или, наоборот, не совершать определённое действие, поскольку присутствует некая потенциальная опасность. Указание на потенциальную опасность в обоих высказываниях выражена имплицитно, но легко распознается адресатом в процессе прагматической интерпретации. Сделать вывод из переданной ему эксплицитной информации адресат должен самостоятельно. Выбор такого способа выражения интенции говорящего объясняется, прежде всего, необязательностью выполнения действия – характеристикой, которая отличает сатисфактивные речевые акта от директивных, а также требованиями вежливости. Подчеркнем, что говорящий выбирает стратегию вежливости в соответствии с возрастом или социальным статусом адресата, социальной дистанцией между коммуникантами, личным отношением к адресату и др. Сатисфактивные высказывания с условной частью *If I were you* являются конвенциональным способом выражения предостережения.

Пример (17) представляет собой упрек, выраженный косвенным условным высказыванием, в котором консеквент логически не связан с антецедентом. Способ выражения упрека характерен для

высказываний, функционирующих в ситуации, когда отношения коммуникантов являются равноправными партнерами по коммуникации (например, членами семьи или близкими друзьями). Упрек относится к числу таких речевых актов, которые могут быть причиной коммуникативного конфликта, поскольку упрек выражает отрицательное отношение говорящего к действию или высказыванию адресата. Снижение категоричности отрицательного высказывания посредством использования косвенного речевого акта обеспечивают возможность контактов коммуникантов в будущем.

Выводы

В данной статье на материале английского языка мы исследовали функционирование условных конструкций в речевых актах с различными иллокутивными функциями.

Разделив условные высказывания на две большие группы: *прямые* и *косвенные* условные высказывания, мы показали, что прямые (прототипические) условные высказывания выполняют когнитивную иллокутивную функцию и активизируют информативно-дескриптивный иллокутивный фрейм. Прототипические условные высказывания используются в речевых актах прогностического характера.

Прямые условные высказывания, содержащие в своей семантико-синтаксической структуре модальные показатели, используются в качестве средств выражения эпистемической оценки. Задействуя условные конструкции этого типа, говорящий строит эпистемические высказывания с разной степенью уверенности от достоверности до контрфактуальности. Условные конструкции, которые не только выражают гипотетичность, но и имеют в своей семантической структуре модальный компонент, участвуют в дроблении эпистемической шкалы, предавая два варианта значения оценочной гипотетической возможности.

Использование функционально-прагматического подхода позволило нам выявить прагматические функции косвенных условных конструкций и исследовать их особенности. Общей функцией косвенных условных конструкций является производство речевых актов различных типов. В совокупности косвенные условные высказывания в нашей выборке встречаются почти в 1,5 раза чаще прямых. Наиболее частотным речевым актом с

косвенными условными конструкциями оказался директивный. В рамках директивного иллокутивного фрейма условные конструкции являются конституентами косвенных речевых актов с интерактивной иллокутивной функцией и выполняют несколько прагматических функций: выражение вежливости, снижение или повышение категоричности высказывания, а также выражение экспрессивности. В директивном типе речевого взаимодействия встречаются оценочные высказывания с обусловленной возможностью, которые представляют собой косвенные речевые акты, с прагматическими функциями «повышение вежливости» и «мягкое побуждение».

В части случаев косвенные условные конструкции имеют чисто этикетный характер и представляют один из способов хеджирования. В этом смысле можно считать, что условные конструкции такого типа выступают как дискурсивные маркеры, имеющие чисто прагматическую функцию.

Функцией косвенных условных высказывания в декларативно-экспрессивном типе речевого взаимодействия является увеличение вовлеченности в коммуникативный акт адресата высказывания. условных высказываний. Речевые акты угрозы, которые содержат условные конструкции, являются высказываниями с двойной иллокутивной функцией: только иллокутивная функция консеквента в таких речевых актах является характерной для этого типа речевого взаимодействия конститутивной функцией, тогда как антецедент в таких высказываниях выполняет интерактивную иллокутивную функцию «побуждение к действию».

Косвенные условные высказывания, содержащие фразу *If I were you,* служат конвенциональным способом выражения предостережения и активируют контактивно-регулятивный тип иллокутивного фрейма.

Литература

1. Демьянков, В.З. «Теория речевых актов» в контексте современной лингвистической литературы (обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 223-235.
2. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. / Ин-т. языкознания РАН. М. : Знак, 2012. 208 с.

3. Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997.
4. Корди Е. Е. Условные конструкции во французском языке // В. С. Храковский (ред.). Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 275–296.
5. Малюга Е.Н. Функционально-прагматические аспекты английских вопросительных предложений на основе сопоставления британского и американского деловых и художественных текстов. М.: Макс пресс, 2001.
6. Малюга, Е.Н., Орлова, С.Н. Лингвопраграматический анализ вопросно-ответного коммуникативного блока в деловом интервью // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 3. Ростов-на-Дону, 2015. С.44-50
7. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011.
8. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: ИЯ АН СССР, 1988.
9. Bach K., Harnish R.M. Linguistic Communication and Speech Acts. Cambridge, Massachusetts, and London, England: The MIT Press, 1982.
10. Coker D., Burgoon J. The nature of conversational involvement and nonverbal encoding patterns // Human Communication Research. 1987. № 13. Pp. 463–494.
11. Declerck R. The definition of modality Cognitive approaches to tense, aspect, and epistemic modality / ed. by Adeline Patard, Frank Brisard. 2011. Pp. 21-44.
12. Declerck R., Reed S. Conditionals. A Comprehensive Empirical Analysis. Mouton de Gruyter, Berlin / New York, 2001.
13. Finlay, S. Confusion of Tongues: A Theory of Normative Language, Oxford University Press, 2016.
14. Haegeman L. Conditional clauses: External and internal syntax. Mind & Language. 2003. №18(4). Pp. 317–339.
15. Lebedeva I. S., Orlova S. N. Semantics and pragmatics of the double modal ‘might could’ // Training, Language and Culture. 2019. Vol. 3(2). Pp. 71-84. doi: 10.29366/2019tlc.3.2.5

16. Malyuga E., Poliakova N., Tomalin B. Syntactic Constructions Featuring Multifunctional Sentence Components in the Language of Modern Business Media // International Journal of English Linguistics. 2019. Vol. 9(4). Pp. 58-69.
17. McGee P. Cross-cultural pragmatic failure // Training, Language and Culture. 2019. №3(1). Pp. 73-84. DOI: 10.29366/2019tlc.3.1.5
18. Nuyts J. Epistemic modality, language and conceptualization: a cognitive-pragmatic perspective. Amsterdam: John Benjamins Publ., 2001.
19. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. Longman, Harlow, 1985.
20. Sweetser E. From Etymology to Pragmatics. Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure. Cambridge University Press, Cambridge, 1990.
21. Van Dijk T.A. Context and cognition: Knowledge Frames and Speech Act Comprehension // Journal of Pragmatics. Vol. 1 (3). London: Longman, 1977. Pp. 211 – 231.
22. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Mouton-De Gruyter, Berlin, 1991.

References

Bach, K., & Harnish, R.M. (1982). *Linguistic Communication and Speech Acts.* Cambridge, Massachusetts, and London, England: The MIT Press.

Coker, D., & Burgoon, J. (1987). The nature of conversational involvement and nonverbal encoding patterns. *Human Communication Research, 13,* 463–494

Declerck, R. (2011). *The definition of modality Cognitive approaches to tense, aspect, and epistemic modality.* Adeline Patard, Frank Brisard (Eds.), (pp. 21-44).

Declerck, R., & Reed, S. (2001). *Conditionals. A Comprehensive Empirical Analysis*. Mouton de Gruyter, Berlin / New York.

Dem'yankov, V.Z. «Teoriya rechevyh aktov» v kontekste sovremennoj lingvisticheskoj literatury (obzor napravlenij). *Novoe v zarubezhnoj lingvistike, 17,* (pp. 223-235). M.: Progress, 1986.

Finlay, S. (2016). *Confusion of Tongues: A Theory of Normative Language*, Oxford University Press.

Haegeman, L. (2003). Conditional clauses: External and internal syntax. *Mind & Language, 18*(4), 317–339.

Ivin, A. A., & Nikiforov, A. L. (1997). *Slovar' po logike.* M.: Tumanit, izd. centr VLADOS.

Kordi, E. E. (1998). Uslovnye konstrukcii vo francuzskom yazyke. In V. S. Hrakovskij (Ed.), *Tipologiya uslovnyh konstrukcij* (pp. 275–296). SPb.: Nauka.

Kubryakova, E. S. (2012). *V poiskah sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya.* In-t. yazykoznaniya RAN. M.: Znak.

Lebedeva, I. S., & Orlova, S. N. (2019). Semantics and pragmatics of the double modal 'might could'. *Training, Language and Culture, 3(*2), 71-84. doi: 10.29366/2019tlc.3.2.5

Malyuga, E., Poliakova, N., & Tomalin, B. (2019). Syntactic Constructions Featuring Multifunctional Sentence Components in the Language of Modern Business Media. *International Journal of English Linguistics, 9*(4), 58-69.

Malyuga, E.N. (2001). Functional and pragmatic aspects of English interrogative sentences based on British and close neighborhood and literary texts. Moscow: Max press.

Malyuga, E. N., & Orlova, S. N. (2015). Lingvopragmaticheskii analiz voprosno-otvetnogo kommunikativnogo bloka v delovom interv'iu [Linguistic and pragmatic analysis of the question-answer communicative block in a business interview]. *Izvestiia Iuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki, 3,* 44-50.

McGee, P. (2019). Cross-cultural pragmatic failure. *Training, Language and Culture, 3*(1), 73-84. doi: 10.29366/2019tlc.3.1.5

Nuyts, J. (2001). *Epistemic modality, language and conceptualization: a cognitive-pragmatic perspective.* Amsterdam: John Benjamins Publ., 2001.

Plungyan, V.A. (2011). *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira.* M.: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet.

Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., & Svartvik, J. (1985). *A Comprehensive Grammar of the English Language.* Longman, Harlow.

Romanov, A. A. (1988). *Sistemnyj analiz regulyativnyh sredstv dialogicheskogo obshcheniya*. M.: IYa AN SSSR,

Sweetser, E. (1990). *From Etymology to Pragmatics. Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure*. Cambridge University Press, Cambridge.

Van Dijk, T.A. (1977). Context and cognition: Knowledge Frames and Speech Act Comprehension. *Journal of Pragmatics, 1* (3), 211 – 231.

Wierzbicka, A. (1991). *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction.* Mouton-De Gruyter, Berlin.